

**Жупикова
Елена
Фёдоровна**

**Повстанческое движение на Северном Кавказе
в 1920-1925 годах**

Введение

**О терминах «повстанческое движение» и «бандитизм»
Научная значимость и задачи исследования**

Трагические события, происходящие с 90-х годов прошлого века на Северном Кавказе, как справедливо заметил академик Н.Н. Покровский, «разительный пример мести истории за многолетнее пренебрежение ею». Современное общество, его руководители, которым, по словам ученого, было «положено знать» историю Кавказа «хотя бы не хуже А.П. Ермолова», изучали и знали ее «отчаянно плохо»¹.

Теперь, кажется, уже пришло осознание того, что невозможно ни понять, ни разрешить проблемы Чечни (которые являются российскими) без глубокого и пристального исследования всей истории народов Северного Кавказа. Об этом свидетельствует тот факт, что за последнее десятилетие о Чечне сказано и написано, вероятно, больше, чем за всю предыдущую чеченскую историю. Тем не менее, история эта изучена все еще «крайне слабо», что констатировали и участники недавней научной конференции по проблемам Чечни².

Один из таких слабо изученных периодов, который, как никакой другой, созвучен сегодняшнему, - период заключительного этапа «большой» гражданской войны на Северном

Кавказе. Начинается он с марта 1920 г., когда армия А.И. Деникина оставила Северный Кавказ, и заканчивается осенью (август-октябрь) 1925 г., временем проведения войсками Красной Армии операции «по разоружению горских автономий и изъятию бандитского элемента». На протяжении этого времени Северный Кавказ оставался ареной ожесточенной борьбы, которая в отечественной историографии 20-х годов получила название «политический бандитизм», или просто «бандитизм». Наряду и наравне с этим термином те, кто писал о «бандитизме» (они, как правило, были и участниками, и историками событий) употребляли термины «повстанчество», «бело-зеленое движение», «крестьянские или кулацко-крестьянские восстания». Иногда авторы различали эти понятия, но различие было столь несущественно, что в одной и той же статье все эти названия сводились к одному, чаще всего к словам «повстанчество» или «бандитизм», причем последнее было предпочтительнее.

Военно-научное общество, созданное в октябре 1920 года при Академии Генерального штаба для изучения опыта классовой борьбы, сведения о Кронштадском мятеже, о сибирском, белорусском, украинском бандитизме, о северо-кавказском повстанческом движении, об антоновщине, басмачестве помещало в своем печатном органе под общей рубрикой «Бандитизм на территории РСФСР»³.

У авторов 20^х годов, занимавшихся этой проблемой, не возникало сомнений в том, что «бандитизм» был продолжением гражданской войны (хотя имел свои особенности), в отличие от нее его называли «малой» гражданской войной, одним из этапов войны «большой». Они объединяли этим термином все виды и формы антисоветских вооруженных выступлений.

Это была и ленинская точка зрения. Выступая на X съезде РКП(б) 8 марта 1921 г., В.И. Ленин говорил: «...мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, в новый вид ее, который можно определить словом «бандитизм»⁴.

Авторы из враждебного советской власти лагеря постоянно подчеркивали социальную неоднородность этого сложнейшего движения, прокатившегося по России в 20-е годы. Один из организаторов и руководителей «зеленых» на Северном Кавказе Н.В. Воронович четко видел в повстанчестве три течения: подлинных «зеленых» – местных крестьян и казаков;

«махровых» – людей пришлых на Северный Кавказ и руководимых врангелевцами; бандитов – отряды из красноармейцев-дезертиров и деклассированных элементов. Воронович справедливо отмечал, что «...большевики соединяют в своей прессе, сводках и официальных сообщениях подлинных «зеленых» с «махровыми» и бандитами, называя их всех «бело-зеленые банды»⁵. Сам Воронович все три категории объединял термином «зеленые» или «повстанцы». Таким образом, «тенденция объединять все контрреволюционные выступления единым термином» возникла не в 60-е годы, как утверждается в недавно опубликованной монографии⁶, а в 20-е годы, а то, что эта тенденция «сохранялась и в 70-е» – неоспоримый факт.

Широкую распространенность термина «бандитизм» в 20-е годы можно объяснить не только негативным отношением большевиков ко всем силам, выступавшим против них – в то время в это слово вкладывали иной, нежели сегодня, смысл. «Слово бандитизм, бандит, - писал командир Красной Армии и историк Н.Е. Какурин, - не русское, но великолепно передает сущность этого явления; оно является испорченным французским словом ваппу, что означает изгнанник (по древнерусскому изгой), т.е. человек, в силу тех или иных причин отколовшийся от известного социального слоя». Бандиты, по словам Н.Е. Какурина, - «беспокойный и частично бездомный элемент», - становились «основными кадрами бандитских образований, их вожаками», а «местные паразитические элементы охотно пополняли эти «образования»⁷.

Единая четкая трактовка термина «бандитизм» в отечественной историографии отсутствует до сих пор, что свидетельствует и о сложности этого явления, и о его своеобразии, и о недостаточной изученности проблемы. Энциклопедия 1930 г. считает «политический бандитизм... продуктом обострения классовой борьбы, достигающей степени гражданской войны», «формой вооруженной политической борьбы». В определении подчеркивается, что эта форма «зачаточная», «неорганизованная», что «бандитизм» - результат «вырождения определенных политических движений». Авторы статьи отказались от включения «крестьянских движений антисоветского типа» в понятие на том основании, что в них «струя бандитизма носит отчасти политический, отчасти уголовный характер».

Другими основаниями для выделения крестьянских дви-

жений из понятия «бандитизм» называются их стихийность, неустойчивость, масштабность. А «политический бандитизм» – это «узкое, немассовое движение контрреволюционного типа», движущими силами которого являются «деклассированные, анархо-кулацкие, буржуазно-белогвардейские элементы», для которых бандитизм становится «своего рода профессией», почему он носит «более устойчивый характер, чем широкие стихийные движения крестьянства». Политические лозунги – лишь прикрытие для него⁸.

Совершенно очевидно, что такое определение не отличается ни четкостью, ни убедительностью: стихийность, широкий размах, устойчивость, сочетание уголовного и политического «бандитизма», присутствие «деклассированных, анархо-кулацких и буржуазно-белогвардейских элементов» – все это было характерно как для движения крестьян, так и для других антисоветских выступлений.

В работах историков 60^х, 70^х, 80^х годов, которые получили возможность вернуться к изучению проблемы повстанчества после фактического запрета на нее в 30^е- начале 50^х годов, «политический бандитизм», как и прежде, отождествляется с понятиями «бело-зеленое движение», «кулацкие мятежи», «повстанческое движение»⁹. Его считают второй, менее организованной формой повстанческого движения (первой, по мнению одного историка, являются контрреволюционные мятежи)¹⁰.

Авторы «Истории гражданской войны СССР» и «Истории КПСС» понимают под «политическим бандитизмом» контрреволюционные мятежи, подготовленные империалистами Англии, Франции, США, партиями меньшевиков и эсеров»¹¹; энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» видит в нем одну из наиболее острых форм проявления мелкобуржуазной контрреволюции, которая выражалась в организации вооруженных банд для срыва гражданских и военных мероприятий советского правительства, дезорганизации тыла Красной Армии¹².

«Политический бандитизм» определяют как «попытку кулацких и помещичьих верхов восстановить свое господствующее положение в станичном землепользовании»¹³, как одну из распространенных форм борьбы свергнутых эксплуататорских классов против нового строя¹⁴. Монография, рас-

сматривающая теоретические вопросы истории контрреволюции, эту форму борьбы не определяет никак¹⁵.

Совершенно очевидно, что термин «бандитизм» далеко не самый удачный, вернее совсем неудачный для обозначения сложного социального движения, вспыхнувшего на территории России в конце гражданской войны и продолжавшегося на ее окраинах еще и в 30-е годы.

Он несет в себе однозначно негативную оценку всех сил, участвовавших в этой «малой» гражданской войне, уравнивает их, чем значительно упрощает сущность явления.

Неправомерно называть бандитами, т.е. ворами, дерзкими мошенниками, вооруженными грабителями, объединенными в банды или шайки, т.е. в преступные сообщества с целью ограбления или убийства – невозможно назвать бандитами крестьян, восстающих против советской власти с требованиями отмены продразверстки, свободы торговли, снижения налогов; казаков, выступивших с оружием в руках против выселения их из их станиц; горскую бедноту, укрывавшую в силу горского гостеприимства руководителей повстанцев в своих аулах.

Стремление отказаться от этого термина (что характерно для авторов работ последнего времени)¹⁶ вполне объяснимо и правомерно. Его заменяют понятиями «белогвардейско-эсеровско-кулацкая контрреволюция», «антигосударственные, антисоветские и антибольшевистские выступления, восстания и мятежи как рецидивы гражданской войны в Советской России» и пр.

Трудно согласиться в последнем определении со словами «рецидивы гражданской войны». Рецидив – повторение какого-либо явления после кажущегося его исчезновения. Но повстанчество, в частности на Северном Кавказе, возникло еще до окончания гражданской войны, летом 1920 г., когда война нигде не исчезала, она шла, повстанчество было ее продолжением, новым видом войны с присущими ему специфическими особенностями, одним из ее этапов.

Не совсем удачен и термин «повстанчество». «Повстанец», по определению словаря С.И. Ожегова, - участник восстания. «Повстать (повставать)», считает В.И. Даль, значит «встать поголовно». Но движение, обозначенное этим термином, не сводилось только к восстаниям и было далеко не «поголовным», как будет показано в дальнейшем.

Тем не менее, осознавая несовершенство обоих терминов для определения «малой» гражданской войны, мы не в праве отказаться от них или как-то их «переименовывать», поскольку они стали историей. В данной работе используется и термин «бандитизм» для обозначения бандитизма уголовного, и «повстанчество», под которым подразумеваются все вооруженные выступления, направленные против советской власти.

Изучение истории повстанческого движения на материале такого обширного и своеобразного региона, как Северный Кавказ, представляет большой познавательный и научный интерес. Понятие «Северный Кавказ» в 1920 г. включало в себя территорию современных Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, Дагестанскую, Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую, Чеченскую, Ингушскую автономные республики. До революции здесь располагались Донская, Кубанская, Терская казачьи области, Дагестанская область, Ставропольская и Черноморская губернии.

После Октябрьской революции в связи с советским национально-государственным строительством административно-территориальное деление на Северном Кавказе, особенно в его национальных районах, неоднократно менялось. На протяжении рассматриваемого в работе периода (1920-1925 гг.) изменения, в основном, сводились к следующему:

20 января 1921 г. на территории бывшей Терской и части Кубанской областей была образована Горская АССР, в состав которой вошли: Чеченский, Ингушский (Назрановский), Северо-Осетинский (Владикавказский), Кабардинский, Балкарский, Карачаевский округа и Сунженский округ с казачьим населением. Округа постепенно выделялись из состава ГАСССР и преобразовывались в самостоятельные национальные единицы. 7 июня 1924 г. Горская АССР была упразднена, а образовавшиеся к тому времени Балкарская, Чеченская, Северо-Осетинская, Ингушская автономные области, Карачаевский и Сунженский округа вошли в состав образованного 18 февраля 1924 г. Северо-Кавказского края.

На территории бывшей Дагестанской обл. в январе 1921 г. образовалась Дагестанская АССР. Из части бывших Донской, Терской областей, Ставропольской, Астраханской, Царицынской губерний в ноябре 1920 г. образовалась Калмыцкая автономная область, вошедшая в РСФСР.

Исследование проблемы повстанчества позволит понять глубину перелома в жизни населения края, вызванного революцией и гражданской войной, увидеть, как они встряхнули людей, развели их во враждебные, уничтожавшие друг друга лагеря. Тема дает возможность выяснить истоки движения, причины его живучести, глубину и размах, этапы и характер, особенности и значение.

Анализ событий, развернувшихся в 1920-1925 гг. на территории Северного Кавказа, позволяет понять особенности социально-экономического развития региона, в котором длительное время сохранялись очаги контрреволюции, которые соседние государства и страны Антанты пытались превратить в плацдарм борьбы против Советской России.

Рассмотрение истории борьбы с «политическим бандитизмом» важно в плане исследования особенностей классовой борьбы в одной из окраин страны, ее форм, методов, приемов и способов организации и сплочения сил противоположных лагерей.

Изучение истории повстанчества и борьбы с ним представляет научный интерес с точки зрения исследования истории советского государственного строительства, истории использования «диктатурой пролетариата» чрезвычайных форм организации государственной власти – ревкомов, процесс их зарождения и развития, формы, структуру, функции, направление, характер их деятельности.

Интерес к этому вопросу усиливается еще и тем, что часть ревкомов действовала в национальных районах, а значит, работа их отмечалась особой спецификой, все еще недостаточно глубоко изученной исторической наукой.

На Северном Кавказе проживало $\frac{3}{4}$ всех казаков страны, 3 (из 13) казачьих войска, в том числе самое большое – Донское. Изучение истории повстанчества позволит коснуться казачьей проблемы – одной из важных и актуальных проблем отечественной науки.

Регион на всем протяжении рассматриваемого в работе периода был своеобразной лабораторией, где советская власть осуществляла на практике свою национальную политику. Трудно переоценить значение этого опыта не только для науки, но и для практики национально-государственного строительства в нашей многонациональной стране.

Исследуемая проблема позволяет выявить влияние религии на глубину и размах повстанческого движения в горных районах края, население которых, в основном, исповедывало ислам, установить было ли оно «газаватом» против русских или классовой борьбой, попыткой свергнуть Советы, большевиков и установить прежние порядки.

Проблема повстанческого движения и борьбы с ним давно вышла за рамки России и приобрела международное звучание, так как с ним пришлось столкнуться многим странам, вступившим на социалистический путь или освобождавшимся от колониальной зависимости. Оно, как справедливо заметил видный военный деятель Р.П. Эйдеман, является «спутником общественных переворотов»¹⁷.

Необходимость изучения намеченной темы вызывается также тем, что пока нет ни одного исследования, специально посвященного изучению всей темы в целом, а имеющиеся работы зарубежных и отечественных историков не дают ее объективного анализа. Они преувеличивают (или преуменьшают) его размах и глубину, искажают движущие силы, считают повстанчество явлением освободительным и даже революционным (или только контрреволюционным), считают восстания против советской власти чисто стихийными, не имеющими связи и влияния со стороны враждебных большевикам партий, эмигрантских центров, зарубежных стран (или, наоборот, преувеличивают роль стран Антанты, Турции, Грузии в поддержке повстанцев края).

Излагая подлинные причины остроты классовой борьбы на Северном Кавказе, исследователи часто игнорируют объективные факторы и все дело сводят к явлениям субъективным, преувеличивают значение имевших место ошибок (некоторые, напротив, стремятся ошибки замалчивать). Антисоветские выступления некоторые историки считают доказательством чуждости идеалов социализма крестьянству, тем более национальному, хотя есть и другая точка зрения. «Социализм оказался глубоко привлекательным для чеченского сознания и даже совместился с ценностями ислама – конечно, речь идет о чеченском понимании идей Маркса и Мухаммеда», - считает американский историк Г. Дерлугьян. Он утверждает, что «значительная часть чеченцев готова была принять советскую власть на идейном уровне». Автор находит союз «чеченских ислами-

стов и северокавказских большевиков», сложившийся во время гражданской войны, «странным» и выгодным для большевиков: «Чеченские партизаны сыграли, вполне возможно, еще большую роль в победе большевиков, чем «татарские и башкирские отряды»¹⁸.

Некоторые исследователи считают, что после победы над Деникиным большевики «заманили в ловушку» своих бывших союзников обещаниями автономии и «беспощадно подавляли горцев». Другие, напротив, утверждают, что Советская власть принесла казаков «в жертву» горцам, заставив первых тем самым уходить в повстанческие отряды.

Нет среди историков единого мнения и о том, какую роль в повстанческом движении 1920-1925 гг. играла религия. Была ли эта «малая» гражданская война войной религиозной? Английский историк А. Ливен считает, что до 1921 г. (с 1829 г.) «Чеченские войны и восстания против русских были также религиозными войнами («газаватами»), проходившими под знаменем ислама и под руководством членов ордена Накшбандийя»¹⁹.

Избранная тема представляет интерес и в связи с тем, что помогает проверить мнение (особенно упрочившееся в последнее время) о том, что «вся чеченская история нового времени и практически вся история, известная из письменных источников..., - это история борьбы с Россией»²⁰.

Предлагаемая читателям монография ставит своей целью воссоздать, насколько это позволяют имеющаяся литература и источники, картину повстанческого движения на Северном Кавказе на протяжении 1920-1925 гг. Для ее достижения предполагается решить следующие задачи:

1. Выяснить причины возникновения и живучести повстанчества в регионе;
2. Определить численность повстанческих сил;
3. Охарактеризовать социальный состав повстанцев, их программы и цели;
4. Дать периодизацию повстанческого движения; выявить причины его «взлетов и падений».
5. Показать связь повстанчества Северного Кавказа с зарубежными государствами и эмигрантскими центрами;
6. Дать краткую характеристику действий повстанцев;

7. Показать роль Красной Армии в борьбе с повстанческим движением, ее взаимоотношения с населением региона;

8. Выяснить роль местных органов, населения в «изживании» и «искоренении» повстанчества.

Глава I. Историография и источники

а) Публикация документов

По истории повстанческого движения Северного Кавказа 1920-1925 гг. до сих пор еще нет ни сводных публикаций архивных материалов, ни систематических обзоров источников, ни обобщающих исследовательских работ, охватывающих период в целом. Оно не стало предметом такого изучения, хотя первые сведения о нем появились на страницах периодических изданий сразу же, с момента активных действий повстанцев.

Отдельные яркие документы, касающиеся истории повстанчества, можно найти в стенограммах съездов, конференций, совещаний партийных советских, хозяйственных органов РСФСР, Юго-Восточного края, Горской АССР, отдельных автономных областей Северного Кавказа и в материалах этих форумов. Есть документы и в отчетах многочисленных комиссий из центра, обследовавших различные районы края, в отчетах местных и краевых органов власти. Они публиковались в центральных и местных журналах и газетах или вышли отдельными изданиями до конца 20-х годов²¹.

Эти источники дают возможность добыть сведения об изучаемых событиях, но даже в совокупности они недостаточны, чтобы осветить повстанческое движение Северного Кавказа.

В настоящей работе использованы и другие опубликованные источники: статистико-экономические сборники, законодательные и правовые акты, справочно-информационные и директивные издания²², хотя они тоже дают лишь крупицы сведений.

В 30^е-40^е годы из-за фактического запрета на изучение темы повстанчества (особенно на Северном Кавказе) никаких новых публикаций документов по этой проблеме не было.

Они появляются после XX съезда КПСС и представляют из себя тематические сборники, в которых подобраны документы о победе советской власти, о гражданской войне или восстановлении хозяйства автономных республик Северного Кавказа. В это же время публикуются сборники мемуаров, которые раньше почти не издавались.

Хронологические рамки этих сборников, как правило, заканчиваются временем освобождения Северного Кавказа от Деникина, а если и расширены до 1925 г., то подборка документов в них имеет целью показать процесс восстановления хозяйства, а вопросы повстанческого движения в сборниках почти не затрагиваются. Не отличается от вышеуказанных и сборник «Ленин о Доне и Северном Кавказе», в котором статьи, выступления, телеграммы, записки и другие документы, относящиеся к 1921-1922 г. занимают небольшой раздел, в котором имеются лишь отдельные документы по интересующей нас теме.

Сборники документов по истории ВЧК, пограничных и внутренних войск, по земельному законодательству, национально-государственному строительству, по истории гражданской войны и др. (они касаются всей страны), хотя и не дают конкретного материала для нашей темы, несомненно, помогают ее раскрытию²⁴.

Мощный поток, буквально лавина публикаций, обрушившихся на читателей со второй половины 80^х годов, в которых переосмысливались многие события прошлого, рушились старые и возникали новые концепции, догмы и стереотипы, делались сенсационные открытия, развенчивались старые и возникали новые легенды и мифы по самым различным вопросам отечественной истории, этот поток был закономерным следствием периода единомыслия, запрещения «острых» тем или «дозированного» их изучения, периода закрытых архивов и «ссылки» в спецхраны работ репрессированных деятелей и эмигрантов, периода, длившегося десятилетиями.

Трудно было ожидать в первые годы «перестройки» беспристрастных, «взвешенных», объективных исследований, поскольку не профессиональные историки, а публицисты, выявлявшие сенсационные материалы и предававшие их гласности на страницах многочисленных периодических изданий, «правили бал». Политические проблемы, «болевы точки» истории,

поднимаемые прессой, обсуждала буквально вся страна.

Необычайно выросший интерес к истории настоятельно потребовал углубления и расширения источниковой базы исторических исследований, что повлекло за собой перепечатку давно известных за рубежом воспоминаний военных и политических деятелей «белого дела», участников и «летописцев» гражданской войны и повстанческого движения²⁵, выявление и публикацию архивных документов отечественных и зарубежных архивохранилищ.

К числу самых основательных публикаций по проблеме повстанчества, несомненно, относятся сборники документов по восстанию крестьян в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. и Кронштадской трагедии 1921 г.²⁶ К сожалению, такой фундаментальной документальной базы по изучению повстанчества Северного Кавказа историки все еще не имеют, хотя и здесь произошли некоторые изменения в лучшую сторону.

Как отрадный факт следует отметить недавнюю публикацию документов из ГАРФА, РГВА, РГАСПИ, ГА Чеченской республики, ГА республики Северной Осетии, раскрывающих политику большевиков в отношении казачества за период 1918-1992 гг. Документы показывают одну из самых драматических страниц истории терских казаков – их выселение за пределы области и передачу их станиц горцам в 1918-1920 гг., что явилось одной из причин усиления повстанчества в регионе²⁷.

В 1997 г. в «Военно-историческом архиве» опубликованы документы под рубрикой «Чечня: вооруженная борьба в 20-30-е годы»²⁸. Это, в основном, отчеты, доклады, оперативные сводки о проведении военных операций войсками РККА и ОГПУ по разоружению Чечни и «изъятию бандэлемента» в 1925-1932 гг.

К сожалению, эта нужная для исследователей публикация осуществлена крайне небрежно.

В предисловии к документам 20-30-х годов почему-то «прослеживается» только один «конфликт», из «бушевавших в Терской области» – «конфликт» 1918 г. (ни одного документа по 1918 г. в публикации нет), а о последующих событиях «малой» гражданской войны, отраженных в документах, сказано одна фраза: «Советской власти удалось справиться с мятежами только к марту 1922 г., но отдельные вспышки были еще в

1925, в 1930-х годах и конца этому не было видно».

Нельзя согласиться с утверждением автора предисловия в том, что «Февральская революция почти не коснулась Северного Кавказа – произошла только незначительная смена административных лиц». В период между Февралем и Октябрем, напротив, произошли весьма важные события в регионе. В мае 1917 г. на I съезде горских народов (по существу, это был Северо-Кавказский мусульманский съезд) во Владикавказе была провозглашена горская республика – «Союз объединенных горцев Кавказа», включавшая «все горские племена, а также ногайцев и туркмен на территории от Каспийского до Черного моря». Съезд избрал свой исполнительный орган – ЦК, создал духовный Совет во главе с Н. Гоцинским, которому присвоил звание муфтия. До Октября прошли два других съезда «Союза объединенных горцев» – в с. Анди в августе-сентябре и в г. Владикавказе в начале октября 1917 г. На II съезде была осуществлена попытка избрания Н. Гоцинского имамом, III съезд отменил это решение, оставив за ним звание муфтия.

После Февраля происходила и консолидация казачества Северного Кавказа. Донской войсковой круг (26 мая – 18 июня 1917 г., г. Новочеркасск) избрал Донское войсковое правительство во главе с А.М. Калединым. Кубанское казачество создало свое войсковое правительство под председательством Л. Быча на съезде Кубанской войсковой рады в Екатеринодаре (17 апреля 1917 г.). 13 марта 1917 г. во Владикавказе I войсковым кругом Терского казачества было образовано войсковое правительство во главе с М.А. Карауловым.

Накануне Октября для подавления революции в крае и в России был заключен союз между верхами казачества и горцев: 20 октября 1917 г. на конференции во Владикавказе образовался «Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» в который вошли казачьи войска (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, 31 октября присоединилось Уральское), Дагестан, горские и степные народы. Объединенное правительство «Юго-Восточного союза» было сформировано в ноябре 1917 г. с местопребыванием в Екатеринодаре²⁹.

Терско-Дагестанское правительство, созданное 1 декабря 1917 г. во Владикавказе, возглавил, по мнению А.И. Козлова не М.А. Караулов, как сказано в предисловии к документам, а

кумыкский князь Р. Капланов. Терский войсковой атаман Караулов стал членом правительства³⁰.

Составители публикации, к сожалению, не дали никаких комментариев к документам. Под названием «комментарии» помещены краткие биографические сведения о некоторых (далеко не всех) военных, политических, государственных деятелях, упомянутых в документах, и о Н. Гоцинском. Не упомянута фамилия председателя Чеченского областного ревкома Т. Эльдарханова, хотя два первых документа публикации – следствие его доклада Президиуму ВЦИК 15 февраля 1923 г.

Из пяти документов, относящихся к периоду до 1926 г., два документа не датированы, один не имеет никакого названия, не совсем ясно, от кого исходит документ и кому он предназначен, нет нумерации документов.

Не совсем ясен принцип отбора документов для публикации. Составители почему-то предпочли менее значимые более важным, частные – обобщающим. Например, в подборке отсутствуют документы, в которых изложен план по разоружению всех горских районов Северного Кавказа или хотя бы всей Чечни в 1925 г. (в РГВА эти документы есть), зато дан документ (без названия, без даты) о разоружении только одного района Чеченской области. Конечно же, по нему невозможно воссоздать картину проведения всей операции.

Таким образом, при всем положительном значении этой публикации, которая, без сомнения, дает некоторые сведения по нашей теме, ограничиться ею ни в коем случае нельзя.

Другая подборка документов опубликована в приложении к недавно вышедшей в печать монографии И.В. Яблочкиной³¹.

Ценность публикации состоит не только в довольно значительном количестве документов (27 – по регионам всей России и Средней Азии, из них 11 так или иначе касаются Северного Кавказа), в их разнообразии (обзоры, дневники, схемы, карты и пр.), но и в том, что часть документов исходит непосредственно от самих повстанцев.

Последние представляют собой воззвание кубанских повстанцев к красноармейцам, приказ по Народным Войскам Северного Кавказа, выдержки из военного дневника начальника штаба этих войск есаула Супрунова, программу «Трудовых земледельцев» – повстанцев Северного Кавказа. Все эти документы датированы февралем-апрелем 1921 г.

Документы, исходящие от советской стороны: схема организации Кубанской Повстанческой армии и карта-схема ее наступления (сентябрь 1921 г.), две оперативно-разведывательные сводки штаба РККА за одну январскую и одну февральскую недели 1922 г. о повстанчестве на территории Советской России. Две страницы сводок (из 9) посвящены Кавказу. В обзорах ОГПУ об антисоветских партиях и группировках за ноябрь-декабрь 1923 и «о крестьянских союзах» (17 апреля 1925 г.) упоминается и Северный Кавказ (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Донской, Кубанский и Армавирский округа. В последних трех весной 1925 г. «отмечались толки об организации союза хлеборобов»).

Самым ценным документом из перечисленных является «*Диаграмма роста повстанческого движения на территории СКВО за 1920-1921 гг.*» (док. №6). Тем более жаль, что он не пригоден для использования: при ксерокопировании буквы мелкого шрифта слились и не поддаются прочтению (это же следует сказать и о схеме наступления Кубанской Повстанческой армии – док. №15). Дело можно было бы как-то поправить комментариями к схеме, но они полностью отсутствуют, потому следует сказать о документе подробнее.

Полное название документа (оно несколько иное, чем у автора публикации) – «*Диаграмма роста повстанческого движения на территории СКВО с указанием общего, политического и уголовного характера и отношения населения к Советской власти за 1920-1921 гг.*»).

Так что содержание диаграммы весьма емкое: она показывает общую численность повстанцев по месяцам за 2 года, число их «с политической окраской», «банды с уголовной окраской», отношение населения к советской власти. Схема показывает, как изменялось отношение населения к советской власти и к повстанцам в связи с введением НЭПа; по ней можно определить время действия армии ген. Фостикова на Кубани, время высадки десантов Врангеля, восстания «инородцев» в Терской области. Схема была выполнена топографическим отделом штаба СКВО 1 октября 1921 г. за подписью начальника разведотдела СКВО Кушнарченко и отложилась в разных архивных фондах, в частности: РГВА, ф. 25896, оп.9, д.436, л.181.

Четыре отрывка из документов о военных операциях

Красной Армии по борьбе с повстанчеством и по разоружению Чечни в 1925-30 гг. опубликованы в январе 1995 г. в еженедельнике «Аргументы и факты»³². К периоду 1925 г. относятся два фрагмента из документов: один – «Из инструкции по разоружению Чеченской автономной области. Март 1925 г.» – говорит о необходимости применения артиллерийского и пулеметного обстрела аулов, отказывающихся сдавать оружие. Второй (выдержки из отчета о проведенной операции) сообщает о ее ходе, о потерях с обеих сторон и количестве изъятого оружия.

И эту публикацию документов (пусть даже отрывков) можно только приветствовать, но с комментариями автора публикации (они в несколько измененном виде «переместились» в форме статей на страницы «Московских новостей» и журнала «Родина»³³), согласиться никак нельзя. Подробный их анализ будет дан позднее в разделе «Новейшая отечественная историография».

Некоторые документы из РГВА (вернее, отрывки из них) можно найти в статье Ю. Пыхалова «Как обустроивали Чечню»³⁴. В извлечениях из документов содержатся сведения о причинах повстанчества, об отношении населения к Красной Армии, о численности, перемещениях, действиях «бандитских шаек, совершающих грабежи», о результатах операций по разоружению Чечни в 1923-1925 гг., о состоянии дел в выселенных терских станицах, о бездействии местных органов горских районов по борьбе с уголовным бандитизмом и пр. Это, безусловно, нужные и важные для исследователей материалы, хотя и даны они в кратких извлечениях. Что же касается комментариев автора публикации, то многие из них вызывают возражения. О них будет сказано в разделе, отведенном для характеристики новейшей отечественной историографии.

Заметно пополнилась источниковая база по проблеме повстанчества Северного Кавказа 1920-1925 гг. выходом в свет специального выпуска альманаха «Белая гвардия», целиком посвященного повстанческому движению на территории всей страны^{34а}. В нем помещены отрывки из дневников (жаль, что очень краткие) М.А. Фостикова, возглавлявшего «Армию возрождения России» на Кубани в 1920 г., документы из лагеря кубанских повстанцев 1921 г. (воззвание к красноармейцам, выписки из военного дневника начальника «Штаба народных

войск Сев. Кав.» есаула Супрунова, его приказы по войскам, программа Трудовых земледельцев).

Издание публикует «Схему организации повстанцев, действующих на территории Северо-Кавказского военного округа по их политической ориентации на 25 августа 1921 г.», позволяющую видеть не только структуру повстанческих сил, но и примерную их численность, имена руководителей повстанцев, органы управления, их политическую ориентацию (П.Н. Врангель, Кубанская краевая рада, эсеровские организации).

Разведсводки Кавказского фронта и Северо-Кавказского военного округа, помещенные в альманахе, позволяют судить о численности повстанческих сил Северного Кавказа на территории СКВО на протяжении 1920-1925 гг. В сводках есть сведения о количестве повстанческих отрядов и их вооружении.

В докладе одного из организаторов врангелевского «Комитета по очищению Терского края от большевиков» генерала князя И.Н. Меликова П.Н. Врангелю, составленного в октябре 1920 г; (с.178) подробнейшим образом сказано о расположении, численности повстанческих отрядов в Терской области, их моральном и материальном состоянии. Доклад определяет финансовую смету на их содержание.

Почему-то не опубликованы в сборнике документы №2 и №3, хотя редакция намеревалась это сделать (см. с.177 альманаха). Один из них – «Диаграмма роста повстанческого движения на территории СКВО с указанием общего, политического и уголовного характера и отношения населения к советской власти за 1920-1921 гг.». Вторая диаграмма дает сведения за январь-апрель 1922 г. по тем же вопросам (численность повстанцев по месяцам, число их в отрядах «с политической окраской», «банда с уголовной окраской», отношение населения к советской власти).

Есть в издании документы о более раннем периоде повстанчества: воспоминания участника Вёшенского восстания 1919 г. на Дону Я. Назарова, воспоминания военного историка казачества в русском зарубежье полк. Ф.И. Елисеева о восстании казаков в Кавказском отделе Кубанского войска против большевиков весной 1918 г. Они, без сомнения, помогают лучше понять многие вопросы повстанческого движения 1920-1925 гг.

Из всего сказанного выше нетрудно заключить, что хотя

«лед тронулся», как с точки зрения территориального и временного охвата, так и в выявлении всех специфических сторон повстанческого движения, основные источники по теме еще ждут своего опубликования.

б) Историография 20-х начала 30-х годов XX века

Первые попытки отразить в литературе повстанческое движение на заключительном этапе гражданской войны начались уже давно – прямо по следам происходивших событий. Статьи и обзоры, написанные современниками (или даже очевидцами) повстанческого движения, носили черты публицистики, но, вместе с тем, они содержали и признаки исторических работ, были своеобразной попыткой обобщения опыта борьбы с повстанчеством и ее уроков.

Так как в этой работе историография наиболее существенных вопросов проблемы разбирается непосредственно в главах в связи с анализом исторического материала, то в данной главе нам важно отметить не имена авторов и названия их работ, а направление литературы, касавшейся истории повстанчества Северного Кавказа.

Довольно значительное количество работ по проблеме повстанческого движения в различных частях страны, в том числе и на Северном Кавказе, появилось в 20-е годы, когда волна восстаний, прокатившаяся по республике, вызвала особый интерес к этому явлению в военной литературе того времени. Они представляли из себя, в основном, очерки, печатавшиеся с 1921 г. в журналах «Красная Армия», «Армия и революция», «Военная наука и революция» и др. Как и следовало ожидать, изучение повстанчества в них уклонялось в чисто военную, тактическую сторону. На него смотрели как на простое продолжение гражданской войны без учета специфики этой формы классовой борьбы, почему и считали, что его можно было ликвидировать с помощью одних только вооруженных сил. Но уже к 1922 г. авторы статей все чаще начинают показывать понимание сложности этого явления. Все большее внимание отводится вопросам сущности повстанчества, его отличию от гражданской войны, рассматриваются его причины, формы, методы борьбы с ним. Начинают подвергать критике господствовавший ранее взгляд о возможности раз-

грома повстанческого движения силами армии, все большее распространение получает мысль о значении местных органов в борьбе с ним³⁵.

Некоторые из этих статей были посвящены северокавказскому повстанчеству, в том числе и горскому³⁶. Обобщением этих работ, подведением опыта борьбы с повстанчеством явились статьи М.Н. Тухачевского и А. Буйского³⁷.

Кроме военных журналов, материалы по теме имеются в статьях партийных и советских работников Терской области и Горской республики, опубликованных в журналах, издававшихся Наркомнацем, Кавказским и Юго-Восточным бюро РКП(б), а также в различных газетах того времени³⁸.

Главное внимание в них уделялось рассмотрению отдельных операций Кавказской трудовой армии и войск ОГПУ по ликвидации очагов повстанчества, но и делались попытки связать повстанчество с социально-экономической обстановкой и культурным состоянием горских областей. На страницах журналов и газет уполномоченные различных комиссариатов СНК РСФСР и СССР публиковали материалы многочисленных комиссий, обследовавших горские округа Северного Кавказа, в которых содержались сведения о классовом составе, экономическом и культурном состоянии этих областей, о земельных наделах горцев и казачества, другие материалы, позволявшие вскрыть причины повстанчества. Значительное место статьи отводили изучению военных действий повстанцев³⁹.

Из монографических работ этого периода следует назвать исследование Н.Л. Янчевского, который на основе большого статистического материала дал обстоятельную и широкую картину социально-экономических отношений и политической обстановки по всему Юго-Востоку европейской части страны. Работа Н.Л. Янчевского, а также исследование И.П. Борисенко касаются и проблем непосредственно повстанчества, рассмотрению действий повстанцев в 1920-1921 гг. на территории Чечни, Кубани, Дагестана⁴⁰.

В.И. Ленин в своих письмах, телеграммах, выступлениях периода 1919-1922 гг. не раз касался проблем повстанчества (он почти без исключения пользовался не этим термином, а термином «бандитизм»). В них можно найти определение «бандитизма», его движущих сил, анализ причин, указания на руководителей движения, на его отличие от «большой» граж-

данской войны и сходство с ней.

Ленин характеризовал гражданскую войну как наиболее острую форму классовой борьбы «с оружием в руках одного класса против другого класса»⁴¹. «Политический бандитизм» тоже был вооруженной борьбой классов. Он тоже имел целью свергнуть советскую власть и восстановить буржуазный строй. Поскольку гражданская война была войной классов, то она носила всенародный характер, в силу чего отличалась от обыкновенной войны «неизмеримо большей сложностью, неопределенностью и неопределимостью состава борющихся... в силу невозможности провести грань... между числящимися в рядах воюющих и нечислящимися»⁴². Ту же особенность отметил В.И. Ленин и в «политическом бандитизме»: «Это не война, в которой можно учесть силы»⁴³.

В ленинских работах есть сведения о поддержке повстанцев извне, со стороны враждебных большевикам партий и государств. «В бандитизме чувствуется влияние эсеров. Главные силы их за границей; они мечтают каждую весну свергнуть Советскую власть» - говорил Ленин 24 февраля 1921 г., характеризуя «политический бандитизм» Сибири⁴⁴. Действие правительств Польши, Финляндии, Румынии, помогавших повстанцам, Ленин назвал «авантюристскими шалостями с бандами»⁴⁵.

Определяя роль зарубежных стран в развязывании гражданской войны в России, он указывал, что именно они являлись «руководителями, двигателями, толкателями в этой войне»⁴⁶.

Наиболее полную оценку «политического бандитизма» и определение его причин В.И. Ленин дал в отчете о политической деятельности ЦК РКП(б) на X съезде партии 8 марта 1921 г. Часть доклада, характеризующая повстанческое движение, была исключена из IV издания собрания сочинений Ленина, восстановлена только в V издании. Есть смысл привести ее полностью.

«Война приучила нас, всю нашу страну, сотни тысяч людей, только к военным задачам, и когда, после разрешения этих военных задач, большая часть армии застаёт неизмеримое ухудшение условий, застаёт в деревне невероятные трудности и не имеет возможности, в силу этого и общего кризисов, применить свой труд, получается что-то среднее между вой-

ной и миром. Положение, которое обрисовывается, таково, что о мире говорить опять-таки не приходится. Именно демобилизация, конец гражданской войны означает невозможность сосредоточить все свои задачи на мирном строительстве, потому что демобилизация порождает продолжение войны, только в новой форме. Когда десятки и сотни тысяч демобилизованных не могут приложить своего труда, возвращаются обнищавшие и разоренные, привыкшие заниматься войной и чуть ли не смотрящие на нее, как на единственное ремесло, - мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, в новый вид ее, который можно объединить словом: бандитизм»⁴⁷.

Общий экономический и политический кризис, сложившийся в стране к концу 1920 г., осложненный демобилизацией армии, не позволял сосредоточить силы на мирном строительстве. Деклассирование рабочего класса, перенесшего Первую мировую и гражданскую войны, хозяйственную разруху, отказ после гражданской войны крестьянства мириться с тяготами и суровыми мерами «военного коммунизма» резко увеличили количество недовольных советской властью.

«... в 1921 году, после того, как мы преодолели важнейший этап гражданской войны и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой, - я полагаю, на самый большой, - внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства не сознательно, а инстинктивно, по настроению, были против нас»⁴⁸.

Опасность для советской власти была велика. «Эта мелкобуржуазная контрреволюция, - писал Ленин, - несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а кроме того, мы имеем еще такую вещь, как демобилизация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве»⁴⁹.

Определяя «политический бандитизм» как особую «новую» форму продолжения войны, как «что-то среднее между войной и миром», указывая на его сходство с гражданской войной в главных чертах, Ленин отметил и специфику этого движения: локальность, привязанность к определенному рай-

ону, разрозненность его руководящих центров, высокую маневренность повстанческих отрядов, постоянное изменение их численности и т.д.

В работах В.И. Ленина, как уже говорилось, нет четкого разграничения терминов «бандитизм» и «повстанчество». Резолюция ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине, написанная Лениным в декабре 1919 г., называет кулачество Украины «бандитским»⁵⁰. 15 сентября 1921 г. он говорит, что на Украине «кипит война» против банд, «которыми она кишит»⁵¹, что на Украине ничего не удалось взять из разверстки, «потому что там бандиты»⁵³. В речи на собрании партийного актива г. Москвы 24 февраля 1921 г. Ленин называет кулаков повстанцами: «Сейчас из Сибири подвоза нет, так как кулацкими повстанцами прервана железнодорожная линия»⁵³. Этим же термином он определяет демобилизованных из армии: «... демобилизация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве»⁵⁴.

Ленинская точка зрения на повстанчество, или «бандитизм», разделялась военными, политическими деятелями 20-х годов, которые непосредственно руководили его разгромом и часто являлись исследователями этой проблемы.

Как и В.И. Ленин, М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, С.С. Каменев, И.П. Уборевич, Н.Е. Какурин, А.И. Микоян, А.А. Казаков, С. Венцов, С. Савицкий считали «бандитизм» составной частью гражданской войны, одним из ее этапов, прямым ее продолжением, лишь несколько отличавшимся от нее по своим формам⁵⁵.

М.Н. Тухачевский определял повстанчество, или «политический бандитизм», как «непосредственное участие определенных социальных групп в вооруженной борьбе, которую ведут между собой военные силы различных классов».

Он считал его «крестьянскими восстаниями, организуемыми кулаком, и принимающими различные формы в зависимости от местных условий, его создающих». Главную причину крестьянских восстаний Тухачевский видел в «нарушении смычки между рабочими и крестьянством»⁵⁶.

Бандой, или повстанческим отрядом он называл «крестьянские вооруженные формирования», которые «всегда носили территориально-милиционный характер» и являлись «живой составной частью местного крестьянства».

В зависимости от причин, порождавших «бандитизм», от движущих сил, участвовавших в нем, от руководителей его, М.Н. Тухачевский разделял «бандитизм» на 3 основные формы:

- 1) вооруженная борьба крестьянства с диктатурой рабочего класса, являвшаяся следствием нарушения смычки рабочих и крестьян;
- 2) крестьянское повстанчество на территории пограничной с буржуазным государством, организованное иностранным капиталом из-за границы;
- 3) повстанчество крестьян, а иногда и кочевников, являющееся результатом не только нарушенной смычки между рабочими и крестьянами, но и следствием неправильной национальной политики (например, басмачество)⁵⁷.

в) Историография конца 30-х - середины 80-х годов XX века

С 30-х годов и до второй половины 50-х гг. проблема повстанческого движения практически не изучалась. Лишь отдельные ее стороны (применительно к Северному Кавказу) затрагивались в немногочисленных работах этого периода, да и они не получили удовлетворительного освещения⁵⁸. В пятитомной «Истории гражданской войны в СССР», задуманной и начавшей выходить в 30-е годы, редколлегия (в составе ее к концу 30-х гг. оставались И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов) решила о Кронштадском мятеже даже не упоминать.

С конца 50-х годов возможности изучения истории стали несравненно шире, чем в предыдущий период. Расширился круг исследователей за счет выросших новых кадров историков. Открылись (хотя и «дозированно») архивы, «затруднительно», но все же возможно стало читать сочинения зарубежных советологов, которые еще в 20-е годы «с откровенно антисоветских позиций» писали о повстанцах (особенно о Кронштадском мятеже), воспоминания, документы самих повстанцев (например, газету «Известия» Кронштадского ревкома, выходившую в дни восстания).

Методологической основой и важнейшим теоретическим источником всех исследований отечественных историков были

ленинские труды, выводы и обобщения, содержащиеся в материалах XX-XXVI съездов КПСС, в тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина», в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР», других партийных документах, которые ставили перед учеными задачу, не нарушая, конечно, принципов ленинской методологии, «глубже и смелее... анализировать явления политической жизни общества», не обходить острых тем, не бояться затрагивать так называемые трудные вопросы, ... помня, что если мы не отвечаем на них, то недруги нашей страны постараются воспользоваться этим для клеветы на социализм»⁵⁹. Июньский (1983 г.) пленум ЦК КПСС также призвал решительно преодолевать уход от острых проблем жизни⁶⁰. К таким проблемам относился и вопрос об общественно-политическом кризисе в Советской России в конце гражданской войны, сопровождаемый широким повстанческим движением. Кажется, был дан зеленый свет изучению повстанчества и на Северном Кавказе.

Предпосылкой для успешной работы исследователей был выход в свет полного собрания сочинений (V издание) В.И. Ленина, «Ленинских сборников», его «Биографической хроники». Как уже говорилось, в ПСС была восстановлена опущенная в IV издании речь Ленина на X съезде партии, в которой он определял причины и сущность «бандитизма». В Биохронике В.И. Ленина приведены документы, характеризующие поиск путей решения казачьей проблемы, ленинскую точку зрения на переселение терского казачества, восставшего против советской власти в 1920 г. и т.д.

Ленинские работы давали историкам право не замалчивать факта кризиса, «не прятать что-либо», а «говорить напрямик», поскольку сам Ленин не избегал употребления этого термина. «В 1921 году... мы наткнулись на большой, - внутренний политический кризис Советской России»⁶¹.

Совершенно откровенно Ленин определил источник кризиса: «Наша обстановка, наша собственная среда»⁶². Не отрицая многих других причин, он в то же время объяснил политический кризис в целом тогдашней политикой, известной под названием «военного коммунизма», который, обеспечив победу советской власти в период гражданской войны, не годился для решения задач хозяйственного развития, поскольку игно-

рировал экономические стимулы и интересы. «Когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить вчерашним приемом»⁶³.

Обращаясь к X съезду партии, Ленин предложил: «Давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать»⁶⁴. Удовлетворить интересы крестьянства он предложил (и партия приняла этот план) путем отмены продразверстки и введения заранее фиксированного ограниченного продналога. Крестьяне получили право свободно продавать остающиеся у них излишки продовольствия. Через полтора года после введения НЭПа Ленин «спокойно утверждал»: «Крестьянство довольно своим настоящим положением»⁶⁵.

Исследователям этой острой темы не возбранялось говорить о других причинах кризиса (поскольку о них говорил Ленин): о «бюрократических безобразиях нашего аппарата», вызывавших негодование рабочих и крестьян, о кризисе внутри самой партии большевиков, об утомленности народа войной, о перерастании кризиса в контрреволюцию, о роли «мирового империализма» и мелкобуржуазных партий, об издержках массовой демобилизации армии (главная из них – «бандитизм»), об ошибках партии и т.д. Перед учеными стояла задача проанализировать действенность путей выхода из кризиса, а значит и путей «искоренения» повстанческого движения, предложенных В.И. Лениным: переход к НЭПу, улучшение положения трудящихся, в первую очередь рабочих, борьба с бюрократизмом за улучшение аппарата, «оживление Советов», укрепление большевистской партии и т.д. Им предстояло создать такие работы, которые, «не опорочив советский строй», могли объяснить такие факты из истории апогея кризиса «контрреволюционного кронштадского мятежа» как «яркого проявления новой тактики классового врага» (так о нем написано в «Кратком курсе истории ВКП(б)», вышедшем в 1938 г.), как количество погибших в ходе кронштадских боев, почему красноармейцы отказывались идти в бой против кронштадцев, почему мятежники были врагами революции, а организаторы и руководители подавления мятежа оказались «врагами народа», почему В.И. Ленин о кронштадцах говорил не как о «классовых врагах», а как о «бессознательно заблуждающихся» жертвах – «несчастные кронштадцы»⁶⁶.

Сказать, что с конца 50-х до конца 80-х годов тема повстанчества была избалована вниманием историков, явно нельзя.

Такое положение дел можно, вероятно, объяснить «вирусом консерватизма». В науке долго бытовало мнение о ненужности изучения лагеря контрреволюции⁶⁷. Тематика работ по повстанчеству приглушалась, да и сами исследователи из-за остроты вопроса не очень охотно брались за нее.

Возможно, какое-то значение имел и тот факт, что В.И. Ленин, хотя и определял хронологические рамки гражданской войны временем с октября 1917 г. по октябрь 1922 г.⁶⁸, но период с весны-лета 1918 г. до конца 1920 г., когда интервенция и гражданская война слились воедино и вопрос военный выступал «как главный, коренной вопрос революции»⁶⁹, выделял особо. Вполне объяснимо, что историки гражданской войны главное внимание уделяли этому периоду. Что же касается начального и особенно заключительного этапа, то они изучены значительно меньше. Это характерно как для общесоюзной, так и для региональной истории, в том числе для истории Северного Кавказа, что не раз отмечалось историками⁷⁰.

Изучение заключительного этапа гражданской войны в регионе, как уже говорилось, было затруднено отчасти тем, что многочисленные сборники документов и воспоминаний по истории Октябрьской революции и гражданской войны в крае, как правило, заканчиваются временем освобождения его от армии Деникина – весной 1920 г. Сборники документов по восстановительному периоду (1920-1925 гг.), имеющие целью отразить процесс восстановления хозяйства, с точки зрения их составителей, вполне законно по гражданской войне включали лишь отдельные документы. Произошло как бы выпадение заключительного этапа гражданской войны из истории региона. А она продолжалась здесь, то усиливаясь, то затихая, в форме «политического бандитизма», который временами определял политическую жизнь края не только до 1922 г., но и в последующие годы.

Тем не менее, до второй половины 80-х годов отечественная наука пополнилась довольно значительным количеством работ по проблемам повстанчества, написанных на вновь привлеченных архивных источниках, которые расширяют проблематику исследований, исправляют ошибки и недостатки,

характерные для историографии предшествующих периодов, начинают рассматривать вопросы, которые раньше не затрагивались.

Из таких работ прежде всего следует отметить исследование ленинградского историка И.Я. Трифонова, посвященное проблемам классовой борьбы в начале НЭПа⁷¹. Широкие рамки исследования (вся страна), богатый фактический материал, собранный автором, позволили ему сделать широкие и интересные обобщения. Главное внимание в этом солидном труде сосредоточено на анализе деятельности ЦК РКП(б) и советского правительства, местных советских и партийных организаций, а также действий Красной Армии, ЧОН, ВЧК, милиции по разгрому очагов внутренней контрреволюции. Автор показал вклад видных военачальников (М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, Н.Е. Какурина и др.) в разработку тактики, методов, средств ведения «малой» войны, проанализировал исследования советских историков по проблеме повстанческого движения. К сожалению, в этом труде не нашли отражения вопросы борьбы с «бандитизмом» национальных областей Северного Кавказа.

Замечательная по емкости материала книга С.Н. Семанова, изданная тиражом 5 тыс. экземпляров в 1973 г.⁷², несет на себе, как заметил М. Кураев «печать жесточайших ограничений в освещении событий, в отражении роли отдельных исторических лиц»⁷³. Тем не менее автор сказал несколько слов о «главаре» мятежа С. Петриченко, о его добровольном возвращении из эмиграции в Советскую Россию; опроверг заявление Г. Зиновьева на пленуме Петроградского совета 4 марта 1921 г. о том, что причиной мятежа были «исключительно действия агентов белой эмиграции и международной буржуазии», которые «пробирались в Кронштадт, сыпали золотом». Автор монографии справедливо считал такое объяснение «поверхностным». И в этой работе сведений о повстанчестве Северного Кавказа тоже нет, что вполне объяснимо.

Несколько страниц посвящено повстанчеству Северного Кавказа в работе Ю.А. Щетинова⁷⁴. Автор приводит данные о «подрывной работе закордонных агентов» в Кубано-Черноморской области в 1921 г., говорит о социальном составе повстанцев Кубани и их программах, называет численность повстанцев Северного Кавказа к началу апреля 1921 г. (2 тыс.

чел.), в августе 1921 г. (7 тыс.), к лету 1922 г. (1,5 тыс.).

На основании архивных источников автор подсчитал, что в конце февраля 1921 г. «контрреволюции удалось поставить под ружье внутри страны около 150 тысяч человек, из них свыше 130 тысяч в РСФСР (с.66). Это надо поставить в заслугу автору, ибо до него такой подсчет не производился.

Не совсем ясно, входили ли в число 130 тыс. (по РСФСР) повстанцы Северного Кавказа, так как в числе «охваченных мятежами и политическим бандитизмом» в конце февраля 1921 г. территорий Северный Кавказ не значится, называются только Украина, Поволжье, Западная Сибирь, Кронштадт.

Что же касается указанных автором цифр, характеризующих размах повстанчества Северного Кавказа в апреле-августе 1921 г. и к лету 1922 г., то они значительно занижены.

По сведениям разведывательного отдела Северо-Кавказского военного округа (его сводки учитывали количество только активно действовавших «бандитов», силы, находившиеся в подполье, сводки не учитывали), в апреле 1921 г. на территории СКВО действовало примерно 6 тыс. повстанцев (у автора – 2 тыс.), на 25 августа 1921 г. – около 8 тыс. (у автора – 7 тыс.) (105 отрядов, в которых насчитывалось 2401 штык, 4751 сабля, 111 пулеметов, 1 орудие). В это число не входили повстанцы Дагестана и Горской республики, т.к. эти автономии включили в состав СКВО в конце 1921 г. К 1 июня 1922 г. число повстанцев равнялось примерно 2,6 тыс. (68 отрядов, 397 штыков, 2186 сабель, 43 пулемета)⁷⁵ (у автора 1,5 тыс. человек.

Проблемы повстанчества не могли не коснуться исследователи, изучавшие историю классов и партий, революции и гражданской войны, национально-государственного строительства и восстановления хозяйства, историю ВЧК и ревкомов, внешней политики и российской эмиграции⁷⁶. В этих работах, а особенно в тех, что посвящены вопросам классовой борьбы в Советской России⁷⁷ (они часто являются итогом докторских и кандидатских диссертаций)⁷⁸ имеются сведения о северо-кавказском повстанческом движении. Было бы несправедливо умолчать о них, хотя большинство из них или не затрагивает Северный Кавказ, или отводит ему лишь несколько страниц. «Политический бандитизм» края, являясь неотъемлемой частью общероссийского, едва ли может получить пра-

вильное освещение без учета результатов исследований этих ученых.

Со второй половины 50-х годов значительно активизировалась работа местных, северо-кавказских историков. Появился ряд локальных исследований (монографий, очерков, статей), раскрывающих своеобразие условий, в которых проходила революция в различных местностях⁷⁹. Немало ценных сведений содержится в соответствующих главах общих трудов по истории автономных республик и областей края, в очерках по истории местных партийных организаций, опубликованных в этот период⁸⁰. Появляются работы, авторы которых пытались выйти за рамки административного деления края, преодолеть географические границы исследований и рассматривать ход борьбы за власть Советов в пределах территорий, отличавшихся общими чертами. Интерес в этом отношении представляют работы Д.З. Коренева, Ш.М. Магомедова, Л.А. Этенко, Р.Х. Гугова⁸¹. Несмотря на то, что в этих исследованиях материал по «бандитизму» занимает, в соответствии с замыслом авторов, весьма незначительное место, он содержит ценные сведения.

Их можно найти и в сборниках статей, подготовленных на основе докладов и сообщений, прочитанных или представленных на Всероссийских научных конференциях по проблемам казачества (Черкесск, 1980 и 1986 гг., Новочеркасск, 1985 г.), по проблемам историографии истории народов Дона и Северного Кавказа (Грозный, 1975 и 1978 гг.), по проблемам Октябрьской революции и роли России в судьбах народов Северного Кавказа (Грозный, 1979 г.) и др.⁸². В них имеются статьи, непосредственно относящиеся к нашей теме, в которых приводятся данные о социальном составе казачества, о врангелевских десантах, о создании и деятельности Северо-Кавказского ревкома и т.д.

Повстанческое движение (вернее борьба с ним) становится темой диссертаций историков края, значительное место отводится ему в диссертациях на смежные темы⁸³. Итогом исследовательских изысканий диссертантов стало большое число публикаций. Авторы впервые ввели в оборот многие первоисточники из краевых, областных и центральных архивных хранилищ, раскрыв ряд ярких событий по истории повстанческого движения⁸⁴. Работы содержат некоторые сведения о причи-

нах «политического бандитизма», численном и социальном составе его участников, о причинах замены Советов ревкома и деятельности последних по борьбе с повстанцами, роли В.И. Ленина, партийных организаций, войск Красной Армии и ОГПУ, отрядов ЧОН и местного населения в борьбе с «бандитизмом», о влиянии на «изживание» повстанчества перехода страны к НЭПу, о роли враждебных большевикам партий и иностранных государств в поддержке контрреволюции на Северном Кавказе и т.д.

Обобщающей работы, которая бы дала глубокий анализ повстанчества региона, не появилось и в этот период. Еще было опасно говорить, что оно – явное свидетельство кризиса советской власти, ее политики. Это можно было говорить В.И. Ленину, но не историкам. Даже в середине 80-х годов попытка Е.А. Амбарцумова проследить, как Ленин анализировал причины кризиса 1921 г. и пути выхода из него⁸⁵, была подвергнута испепеляющей критике Е.Бугаева⁸⁶. Историк обвинялся в том, что он «задался целью увидеть... кризис власти, проистекающий из ее ошибок», что «решил поразмышлять о причинах кризисов при социализме», имевших место в Венгрии (1956 г.); в Чехословакии (1968 г.); в Польше (1980-1981 гг.); что «не возлагает вину за кризис прежде всего на контрреволюцию и фактически сваливает ее на Советскую власть»; автору статьи вменялись в вину якобы «неглубокий подход к изучению ленинского теоретического наследия», «нарушение принципов именно ленинской методологии», «недостаточная методологическая культура» и многие другие смертные грехи. Попало и редакции журнала «Вопросы истории», где была опубликована статья, за «ослабленную требовательность к подготовке ответственных материалов».

г) Новейшая отечественная историография (с конца 80-х годов XX века)

С конца 80-х гг., когда были буквально взорваны прежняя методология советской исторической науки, старые догмы, трафареты и стереотипы, когда были сняты все запреты на изучение «опасных» тем, на критику марксизма, советской власти, большевистской партии, В.И. Ленина, когда широко открылись двери архивов (в том числе партийных) и спецхра-

нов библиотек, когда началась активная публикация зарубежной литературы и работ отечественных «врагов народа», а интерес к истории вырос необычайно – с этого времени на читателя хлынула лавина новых работ – статей, публикуемых на страницах периодических изданий и в сборниках, сборников документов и материалов, монографий.

Надежда В.И. Ленина на то, что кризис советской власти в 1921 г. был «самый большой» и последний, не оправдалась. Крах социализма и советской власти в СССР, роспуск КПСС настоятельно требовали от обществоведов объяснения причин этих событий. Они, в силу этого, не могли не обратиться к исследованию того периода отечественной истории, где кризис проявился впервые так глубоко – ко времени заключительного этапа гражданской войны, когда повстанческое движение разлилось по всей стране.

Трагические события 90-х годов в Чечне на долгое время приковали внимание публицистов и ученых всего мира, заставили заняться изучением истории этой северо-кавказской республики «от самых истоков», поскольку, как оказалось, в силу разных причин, и к 2000 году она была изучена все еще «крайне слабо». Некоторые исследователи, писавшие о Чечне, касались и проблемы повстанчества 20-х годов.

Попытки понять происходившее в 20-е годы, разобраться в проблемах, дать взвешенную, объективную оценку событиям того времени, конечно же, присутствуют во многих публикациях. Но, к сожалению, есть и другое. Есть поиски сенсаций, стремление обвинить советскую власть, большевистскую партию, В.И. Ленина (не всегда справедливо), стремление идеализировать деятелей из враждебного советской власти лагеря (тоже не всегда справедливо) – все это можно понять и объяснить. К великому огорчению, в потоке новой литературы есть и такие черты, которые ни понять, ни объяснить невозможно: потрясающая некомпетентность, дилетантизм авторов, не потрудившихся изучить то, что было написано их предшественниками, торопящихся как можно скорее выплеснуть на читателя ставшие явными факты без их проверки, архивные документы без серьезного их анализа. По большому счету, это тоже фальсификация истории, отрадно только, что и об этом можно говорить откровенно.

В 1988 г. была опубликована коллективная работа «Импе-

риалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе под общей редакцией академика И.И. Минца⁸⁷. Она написана еще в старом ключе, содержит неприменные трафареты и клише о том, что «ход мирового развития подтверждает» теорию марксизма-ленинизма, что «... социалистическая революция... открыла всему человечеству дорогу к избавлению от войн, эксплуатации и угнетения». В то же время В.В. Субботин отметил у авторского коллектива и «более взвешенную позицию, свидетельствовавшую об эволюции взглядов отечественных исследователей», и то, что авторам монографии «удалось разнообразной палитрой изобразить картину непростых взаимоотношений антисовестских сил Юга и иностранных держав»⁸⁸.

Одна из глав работы раскрывает роль стран Антанты, Турции, Грузии в попытках свергнуть советскую власть на Северном Кавказе методом «взрыва изнутри» с весны 1920 до конца 1925 гг. Глава на основе новых источников дает сведения о численности северо-кавказских повстанцев, их социальном составе, программах, о руководящих органах, о взаимоотношениях с повстанцами региона Врангеля до и после эвакуации из Крыма его армии, о действиях повстанцев, их тактике, о периодизации движения, причинах его живучести и разгрома, о действиях Красной Армии, органов советской власти против повстанцев.

В январе 1925 г. еженедельник «Аргументы и факты» поместил подборку материалов под рубрикой «Чечню пытались разоружить и раньше»⁸⁹. В комментариях к отрывкам документов, касающихся событий 1920-1925 гг. в Чечне, автор публикации, к сожалению, допустил много ошибок. Редакция «АиФ» намеревалась опубликовать рецензию на помещенные в еженедельнике материалы с указанием ошибок, но почему-то не сделала этого. А материалы по разоружению Чечни с теми же (и новыми) ошибками перекочевали уже в виде статей на страницы «Московских новостей» и журнала «Родина»⁹⁰. Рассмотрим только ту часть публикаций, которая относится непосредственно к периоду 1920-1925 гг.

Совершенно справедливо утверждение П. Аптекаря о том, что приход Красной Армии на Северный Кавказ в марте 1920 г. чеченцы встретили «с надеждой на лучшее будущее». Действительно, горцы восторженно встречали ее, но не только и не столько потому, что, как пишет автор, помнили насильст-

венные мобилизации и реквизиции продовольствия для армии Деникина. Они вместе с большевиками воевали против денкинцев главным образом потому, что советская власть, желая восстановить историческую справедливость – вернуть горцам некогда отобранные у них казаками земли – в 1918 г., не боясь обидеть терских казаков, начала выселять их из станиц. К моменту прихода армии Деникина на Терек успели выселить 3 станицы из 18, предназначенных к переселению. Горцы были «рады до бесконечности», а казаки шли в денкинскую армию, а потом в антисоветские повстанческие отряды. Деникин стал возвращать казаков в родные станицы.

Кроме того, А.И. Деникин был категорически против создания на Северном Кавказе независимой горской республики, провозглашенной на I съезде горских народов во Владикавказе в мае 1917 г., затем в начале мая 1918 г. в Батуме, оккупированном германской и турецкой армиями, где она получила признание со стороны Турции.

По занятии в 1919 г. территории Терской области и Дагестана его армией Деникин объявил, что не признает горской республики и распустил Горское правительство. Поскольку оно не попыталось защитить независимость горской республики, а часть его членов перешла на сторону Деникина, горцы без него, самостоятельно, вместе с большевиками, которые обещали горцам автономию, стали бороться с денкинцами. Когда Добровольческая армия начала наступать на территорию, которую Горское правительство считало своей, а командуя армией генерал Гейман 2 февраля 1919 г. предъявил ингушскому народу ультиматум с требованиями разоружиться, выдать ингушей-красноармейцев, всех большевиков, пропустить добровольцев в Грозный, дать солдат для похода против большевиков в Россию и т.д., ингуши отвергли ультиматум и сказали, что не пустят денкинские армии ни во Владикавказ, ни в Грозный⁹¹.

После того, как в марте 1920 г. на II съезде народов Терка была признана власть СНК РСФСР, от которой горцы ждали улучшения жизни, они получили, пишет П. Аптекарь, «вместо отдельных грабежей недисциплинированных солдат и офицеров» «хорошо организованный государственный грабеж».

«Хорошо организованного государственного грабежа Северного Кавказа», о чем говорит П. Аптекарь, а тем более Чеч-

Чечни после марта 1920 г. не было. Продразверстка в Чечне не проводилась совсем, в полной мере не собирался и продналог, т.к. более 65 % ее населения к концу гражданской войны составляла беднота, а хозяйство было разорено: 21 разрушенный аул, 15 тыс. погибших чеченцев оставила после себя деникинская армия⁹².

Напротив, центр оказывал Чечне самую разнообразную помощь. В 1920 г. ей было выделено 19 вагонов семенной пшеницы, около 2 млн. аршин мануфактуры, 30 тыс. катушек ниток (катушка ниток на рынках Ингушетии и Чечни стоила в июне 1920 г. 700-800 руб.⁹³). В 1922 г. из дотационного краевого фонда Чечня, Ингушетия, Северная Осетия получили 110,5 тыс. пудов продовольствия.

В том же году краевая комиссия Помгол выделила Дагестану и Горской АССР, куда до октября 1922 г. входила и Чечня, 1 млрд. руб. и разрешила использовать на их нужды все, что они соберут из продналога на своей территории. С образованием в ноябре 1922 г. Чеченской автономной области центр забронировал за ней 50 % ее продналога. Область получила 30 тыс. пудов семенной ссуды. Решением СТО от 9 мая 1923 г. объединение «Грознефть» отчисляло Чечне ежемесячно 150 тыс. пудов нефти⁹⁴. Значительные суммы денег получала Чечня на строительство оросительного канала, мостов, дорог, на устройство телеграфной линии связи.

Резкое недовольство горцев, считает П. Аптекарь, вызвали «попытки борьбы с религией» со стороны советской власти.

Советская власть не боролась с религией в Чечне, ибо борьба с ней в то время была немислимой и опасной. В 1924 г. в Чечне было 2675 мечетей, 38 шейхов, 850 мулл, вокруг которых группировалось около 60 тыс. мюридов, беспрекословно подчинявшихся своим идейным вождям⁹⁵. Муллы и шейхи, часто являясь главами тейпов, были крупными богачами, так как распоряжались средствами мечетей и налогом в пользу бедных (закъят, или закат), который платили состоятельные мусульмане. Муллы обучали детей в школах, где готовили защитников ислама. Все судопроизводство проходило через шариатские суды, состоящие исключительно из духовенства. Без священнослужителей невозможно было провести в ауле ни одного собрания или митинга. Следует отметить, что часть духовенства, так называемые «бедные муллы» воевали вместе с

Красной Армией против Деникина, проявляли даже желание «записаться в Коммунистическую партию» 21 ингушский мулла погиб в войне с деникинцами⁹⁶.

Учитывал роль духовенства, советская власть привлекала наиболее влиятельных из его представителей в состав ревкомов и исполкомов; шариатские суды работали в Чечне и в 1926 году. Это совсем не значит, что духовенство вообще не подвергалось репрессиям. Но арест, а тем более расстрел муллы или шейха вызывал такой взрыв негодования населения, что власти старались избегать террора по отношению к духовным вождям горцев.

П. Аптекарь считает, что политика «местных властей и органов ВЧК в Чечне была подчас абсурдной». С этим утверждением трудно согласиться, так как местные ревкомы, исполкомы, милиция состояли (в подавляющей части) из работников коренной национальности, прекрасно знавших обычаи своего народа. А вот те, кто был прислан из центра и не был знаком с национальными особенностями региона, могли и арестовать муллу, и начать проводить в жизнь декрет об отделении школы от церкви.

Решение Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа (СКВО) 18 марта 1922 г. о «весьма осторожном характере» действий по отношению к Горской и Дагестанской республикам автор объясняет значительным сокращением численности войск СКВО после массовой демобилизации красноармейцев весной 1922 г. Но на необходимости «действовать осторожно» В.И. Ленин настаивал значительно раньше: в телеграмме на имя Чрезвычайного комиссара Юга России Г.К. Орджникидзе от 2 апреля 1920 г. он указывал: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее»⁹⁷.

Первая крупная операция по разоружению Чечни была проведена не летом 1922 г., как сказано в статье. Кавказская трудовая армия (далее Кавтрудовая) проводила их в 1920 г.; в марте-августе 1921 г. были разоружены участвовавшие в мятеже Н. Гоцинского чеченские аулы Гордали, Центорой, Белгатой, Дарго, Беной, Ведено, Грозненский, Шали⁹⁸.

«Разрастания вооруженного повстанческого движения горцев» в 1925 г. не было. Наивысшего подъема на Северном Кавказе оно достигает в период июля-октября 1920 г., когда в нем принимало участие примерно 40 тыс. человек. К апрелю 1925 г. число активно действовавших повстанцев сократилось, по данным разведсводок СКВО, до 115 чел.⁹⁹.

Операцию по разоружению Чечни в 1925 г. «сочло необходимым провести не «местное партийное и советское руководство», как утверждает П. Аптекарь, и не Реввоенсовет СКВО (командование СКВО и местное ОГПУ только предложили провести операцию), а штаб РККА СССР. 31 июля 1925 г. штаб направил приказ командующему СКВО И.П. Уборевичу, в котором одобрял его предложение о проведении окружных маневров на территории Чечни. «Вместе с тем, - говорилось в приказе, - пользуясь сосредоточением значительного количества войск, на территории Чечни (район предстоящих маневров) командование СКВО по согласованию с ППОГПУ на Северном Кавказе намечает провести разоружение и изъятие бандитского элемента, что по ряду политических признаков является весьма своевременным»¹⁰⁰. Приказ свидетельствовал, что причиной проведения операции было не «разрастание повстанческого движения», а то, что «политические признаки» свидетельствовали о «весьма своевременном» сроке: население устало от войны и требовало от власти усиления борьбы с «бандитизмом», который к этому времени по всему краю принял уголовный характер и «угрожающие размеры». Население само начало активную борьбу с ним. Были и другие «политические признаки» своевременности проведения операции.

Такой детальный анализ газетных статей нами сделан для того, чтобы показать, как примерно происходило исследование повстанческого движения Северного Кавказа в прессе с позиций «методологического плюрализма», начатое с конца 80-х гг.

В уже упомянутой публикации Ю. Пыхалова в еженедельнике «Спецназ России»¹⁰¹, содержащей интересную подборку отрывков из архивных документов содержатся комментарии автора к этим документальным извлечениям, требующие внимательного анализа.

В высказываниях автора можно увидеть отрицание одной

из важнейших причин повстанчества – он сомневается в наличии земельного голода у горцев, в том, что чеченцы и ингуши до революции были «угнетенными нациями», а казаки – «слугами самодержавия». Это явно необоснованные сомнения.

Терское казачество, составлявшее до революции чуть более 20 % населения области, владело более чем 50 % удобной (30 % всей) земли. Земельный казачий пай на Терске (в среднем) составлял 18,8 дес. земли, а на душу горца приходилось 0,57 дес. пашни. Земельный голод у горцев был, действительно, вопиющим, о чем говорили на заседаниях Государственной думы в 1906-1907 гг. избранные от Терской обл. А.П. Маслов и Т.Э. Эльдарханов. Это тогда было сказано, что у чеченцев столько земли, сколько помещается под его буркой, а кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько сама корова. Специальная комиссия, созданная в 1906 г., установила, что средний земельный пай горца мог прокормить только 14 % проживавшего в горах населения, остальные должны были переселиться оттуда или медленно вымирать от голода и болезней – они были «лишними ртами», «избыточным населением»¹⁰². Две трети земли, которой владели казаки, раньше принадлежали горцам, платившим теперь за их аренду казакам ежегодно большие суммы денег.

Не удивительно, что горцы, которые то и дело «выходили за рамки законности» в борьбе за землю, торопили советскую власть с решением этого вопроса. Один из чеченских революционеров А. Шерипов говорил на съезде народов Терской обл. в мае 1918 г.: «Мы загнаны в суровые ущелья и дикие скалы гор и лишены возможности всякого человеческого существования. Если наши справедливые требования не получат удовлетворения, то вся голодная армия безземельных масс может стать страшной силой в руках контрреволюции. У нас нет Родины, потому что нет земли. Дайте нам родину и вы встретите в нас братьев, рядом с вами сражающихся против всех врагов революции»¹⁰³.

Важнейшую причину горского повстанчества после гражданской войны автор публикации видит в том, что «руссофобы среди лидеров РКП(б) «уничтожили Терское казачье войско, которое до революции «вразумляло» чеченцев, понимавших, по словам автора, «лишь язык грубой силы». Действия «руссофобов» Зиновьева, Каменева, Бухарина и то, что «казаки по-

прежнему оставались лишенными прав», по мнению Ю. Пыхалова, было главной причиной того, что и в 30-е гг. «чеченский бандитизм поднял голову».

Это не новый взгляд на события. По свидетельству тех, кто боролся с повстанчеством в 20-е гг., примерно до лета 1921 г. господствовал взгляд на возможность «успешной его ликвидации одними войсками». «Упускалось из вида, - писал в феврале 1922 г. Н. Какурин, - что бандитизм – следствие целого ряда причин, а борясь со следствием, не затрагивая причин, мы рискуем всю нашу борьбу вести впустую»¹⁰⁴.

Слишком просто объяснять повстанчества в Чечне «руссофобской» политикой советской власти на Северном Кавказе, ее «мягкостью» по отношению к горцам, к их «вековым традициям разбойной жизни», наличием у них оружия.

Помимо земельных отношений причины повстанчества крылись еще и в культурной отсталости горцев, которым грамотность была почти недоступна. По переписи 1920 г. грамотные в Осетии составляли 14,7 %, в Кабарде и Балкарии – 5,6 %, в Чечне – 0,84 % всего населения¹⁰⁵.

Культурная отсталость, в свою очередь, «консервировала» пережитки родового строя (кровная месть, калым за невесту и др.), не соблюдать которые не мог ни один чеченец, чтобы не быть осужденными своим тейпом, чего он боялся больше, чем репрессий со стороны властей.

Мусульманское духовенство, зачастую являвшееся главами тейпов, располагавшее значительными материальными средствами, оказывавшее огромное влияние на горцев, освящало действия повстанцев.

Повстанческое движение не могло бы достичь такого размаха в 1920-1922 гг., если бы оно не поддерживалось извне – со стороны Врангеля, за которым стояли: страны Антанты; Турция, стремившаяся включить Северный Кавказ в единое мусульманское государство под своим протекторатом; меньшевистская Грузия, через которую шла помощь повстанцам.

Это далеко не все причины, позволявшие повстанчеству жить и развиваться. Многие из них были уяснены еще в 20-е гг. Похоже, что сегодня мы не хотим о них думать и не хотим их видеть, хотя некоторые из них действуют и поныне.

Внимательное изучение проблемы переселения терского казачества, начатое в 1918 г., не позволяет увидеть в ней про-

явление «руссофобии», как считает И. Пыхалов. Большевики не боролись «с русскими». Они, действительно, хотели путем «безболезненного переселения» казаков восстановить историческую справедливость, вернуть землю истинным хозяевам и установить, наконец, мирные отношения между горцами и казаками.

У Ленина, несомненно, были основания говорить в сентябре 1917 г. о том, что на казачьей окраине России «можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»: казачество оставалось «таким же монархическим», так же боролось за свои привилегии, Временное правительство с их помощью покончило с двоевластием; их привлекали для карательных экспедиций против крестьянских выступлений в августе-октябре 1917 г.; они усмиряли вышедшие из повиновения воинские части, разгоняли Советы после июля 1917 г.¹⁰⁶.

После установления своей власти большевики стремились «изжить» этот феномен, это своеобразное «войско-сословие», «народ-помещик», прекрасно осознавая, что казачество – не сплошная контрреволюционная масса, что среди них есть и союзник пролетариата – бедняк, и колеблющийся середняк, которого надо было привлечь на свою сторону.

Следует сказать, что поиски путей решения «казачьего вопроса» происходили не без дискуссий внутри партии, советских работников. Но имеющиеся документы не позволяют утверждать, что Г.К. Орджоникидзе якобы сомневался в правильности проведения переселенческой политики в отношении казаков. У него взгляд на этот вопрос был однозначным – переселять, а слова, сказанные на съезде народов Терека в 1918 г.: «Чем виновато трудовое казачье население, что его поселили здесь (на Тереке)? Выселение казачьих станиц – не пролетарское дело», приписываемые исследователями Г.К. Орджоникидзе, принадлежат не ему¹⁰⁷.

Казаков начали выселять в 1918 г. В 1920 г. выселение продолжили, причем выселяли из станиц, предназначенных для переселения, поголовно все население, даже семьи красноармейцев, чем нанесли большую обиду людям, разорили их налаженное хозяйство, не решили земельного вопроса, не установили мира на Тереке, напротив, произошло резкое обострение отношений горцев с казаками.

Ошибается И. Пыхалов и в определении численности вы-

селенных терских казаков. Выселили не 70 тысяч терцев (эту цифру называют А. Петрович, И.В. Яблочкина и др.¹⁰⁸), не 45 тысяч, как считает П. Полян¹⁰⁹, а примерно 25 тысяч терских казаков, т.е. примерно 1/10 часть всего терского казачества. Именно эта цифра не раз называется в документах 20-х годов: в докладе председателя комиссии ВЦИК по наделению горцев землей¹¹⁰, в разговоре С.М. Кирова с членом Кавказского бюро ЧК РКП(б) А.М. Назаретяном¹¹¹, примерно о такой цифре свидетельствуют сообщения А.И. Деникина¹¹², доклад председателя комиссии по установлению границ ГАССР Муромцева во ВЦИК¹¹³, доклад представителей терского казачества во ВЦИК 31 марта 1921 г.¹¹⁴ (подробнее об этом будет сказано в главе второй).

Большую роль в координации научных работ сыграли конференции 1992-1996 гг. по истории казачества. Историки перешли от постановки спорных проблем к созданию обобщающих статей и монографий (на основе обновленного круга источников и зарубежных исследований), к публикации неизвестных ранее документов¹¹⁵.

Достаточно полно в литературе последних лет дана оценка курса «расказачивания», раскрыты пагубные последствия депортации терских казаков и ущемления прав русского народа¹¹⁶.

В сентябре-октябре 1991 г. в результате развала СССР возникла независимая Чеченская республика. Трагические события, происходящие в ней со дня ее официального объявления (1 ноября 1991 г.) приковали к себе внимание всех российских и мировых средств массовой информации, публиковавших их на первых полосах своих изданий. Поэтому в публикациях о современных событиях в Чечне недостатка нет – нужен их анализ.

Причины невиданно жестоких событий обществоведы ищут во всех периодах чеченской истории, о чем свидетельствуют конференции по проблемам Чечни, публикации докладов их участников, выход в свет многочисленных статей и монографий. Только по периоду завоевания Россией Дагестана и Чечни в XIX в. и имамата Шамиля опубликовано несколько крупных исследований¹¹⁷.

События 90-х годов в Чечне заслонили собой тему повстанчества 20-х годов на Северном Кавказе, но обойти ее со-

всем историки не могли. В своих работах они касаются различных вопросов: землепользование горцев, причины их недовольства советской властью, численность войск Н. Гоцинского, потери Красной Армии, роль ислама в повстанчестве горцев и т.д.¹¹⁸

Своеобразным подведением итогов того, что к концу XX в. было известно о Чечне, явился сборник «Чечня и Россия: общества и государства» (М.1999 г.), в который вошли доклады российских и западных авторов по проблемам политического развития и взаимоотношений между постсоветскими Чечней и Россией, представленные на международную конференцию в Москве (ноябрь 1999 г.).

Научный руководитель конференции Д.Е. Фурман во введении к сборнику констатировал, что «из-за крайней скудости письменных источников; из-за страшных последствий, нанесенных культуре Чечни депортацией, а теперь еще и войной; из-за фактического запрета на занятие чеченской историей в советское время» (поскольку, как считает автор, «практически вся история, известная из письменных источников... - это история борьбы с Россией») – из-за этих причин, по словам Д.Е. Фурмана, история Чечни «изучена крайне слабо»¹¹⁹.

Многие статьи сборника, хотя и не касаются непосредственно повстанческого движения 20-х гг. в горских областях Северного Кавказа, без сомнения, помогают глубже понять его, поскольку основательно анализируют степень влияния ислама на горцев региона, характеризуют суфийские братства Накшбандийя и Кадирийя, к которым принадлежали практически все чеченцы, рассказывают о тейповой и тукхумной организации вайнахов, об их социальных отношениях, этническом менталитете, о взаимоотношениях их с Россией и т.д.

Событиям 20-х годов XX века уделяют по несколько строк лишь некоторые статьи сборника, но они весьма любопытны. Так З. Хамидова вполне справедливо называет восстание Н.Гоцинского «восстанием Саид Бека», хотя никак не обосновывает это заявление и не делает никаких ссылок на источники.

С утверждением того же автора о том, что на учредительном съезде Горской АССР 20 января 1921 г. горцами «формально была признана советская власть» только после того, как Сталин на их ультиматум («возвратить отобранные у них

земли и признать их адаты и шариат») «согласился принять их условия» – с этим утверждением трудно согласиться.

Ошибается автор и в том, что председателем Чеченского областного ревкома с 1921 по 1925 г. был Т. Эльдарханов. Дело в том, что Чеченская автономная область выделилась из состава ГАСССР в ноябре 1922 г. И ревком, назначенный декретом ВЦИК от 30 ноября, стал называться областным с этого времени. До этого события чеченские ревкомы были окружными.

Кроме того, в Чечне, как и в других горских районах, на протяжении 1920-1925 гг. ревкомы несколько раз сменялись исполкомами. Т. Эльдарханов возглавлял окружной ревком Чечни с 3 апреля 1920 г., в августе 1921 г. он был председателем Чеченского окружного исполкома; с 4 сентября 1921 г. вновь сформированный ревком возглавил Х.Д. Ошаев, с 11 января 1922 г. главой Чеченского окружного исполкома стал Ахмет Мутушев, 13 июля 1922 г. исполком снова заменили ревкомом во главе с Исапилом Курбановым. С 30 ноября 1922 г. Т. Эльдарханов стал председателем Чеченского областного ревкома, последнего ревкома Чечни, который окончательно передал власть Чеченскому областному исполкому (ЧечЦИКу) 3 августа 1924 г. И ЧечЦИК возглавлял до 27 сентября 1925 г. Т. Эльдарханов, после чего председательство перешло к Дауду Арсанукаеву¹²¹.

Американский историк Г. Дерлугьян – один из немногочисленных исследователей, который, вопреки утвердившемуся мнению о том, что большевизм и советская власть в национальных районах России, в том числе и на Северном Кавказе, не имели никакой социальной почвы и навязаны были населению края силой оружия, - Г. Дерлугьян утверждает: «... мало кто обращает внимание на то, что значительная часть чеченцев готова была принять советскую власть на идейном уровне. Социализм оказался глубоко привлекательным для чеченского сознания и даже совместился с ценностями ислама – конечно, речь идет о чеченском понимании идей Маркса и Ленина».

«Союз чеченских исламистов и северокавказских большевиков», сложившийся во время гражданской войны, ученый находит «странным», но роль его оценивает высоко: «Чеченские партизаны сыграли, вполне возможно, еще большую роль в победе большевиков, чем татарские и башкирские отряды. В

разгар наступления 1919 г. на Москву Деникину пришлось снимать боевые части с фронта, чтобы обезопасить от чеченцев казачьи станицы»¹²². Эти выводы автора вполне справедливы, а вот тезис о том, что «созданная в 1922 г.» ГАСССР (на самом деле она образована декретом от 20 января 1921 г. – Е.Ж.) оставалась под режимом военной оккупации и надзором ОГПУ» – бесспорно принять нельзя.

Совершенно верно утверждение английского историка А. Ливена о том, что «первая массовая депортация в советской истории была депортация терских казаков». Ошибается автор в определении времени депортации («в первые месяцы 1921 года, вслед за окончательной победой коммунистов над белой армией генерала Врангеля в Крыму»), в численности депортированных («около 70000 терских казаков») и в месте депортации («были депортированы в Казахстан») ¹²³.

На самом деле первое решение о переселении терских казаков было принято на III съезде народов Терска (22-28 мая 1918 г., г.Грозный). Съезд наметил к выселению 4 станицы в Пятигорский отдел на свободные земельные участки в районе Минвод по р.Куме и Подкумку¹²⁴. Провести в жизнь это решение не успели: деникинская армия заняла Северный Кавказ.

После восстановления советской власти, в мае 1920 г. переселили около 10 тыс. казаков¹²⁵ во исполнение решения III съезда народов Терска в мае 1918 г.

Согласно приказу РВС Кавказского фронта от 29 июля 1920 г. о «приведении в повиновение» станиц, восставших против советской власти, Г.К. Орджоникидзе приказал 4 станицы выселить, а одну сжечь (ее не сожгли). 4 декабря 1920 г. выселение их было закончено. Сначала казаков вывозили в хутора примерно за 50 км севернее станиц, но это было не окончательное место высылки. Представитель ВЦИК и председатель комиссии по установлению границ ГАСССР Муромцев докладывал 28 сентября 1921 г. во ВЦИК о том, что он «расселил до 15000 казаков Сунженской линии... по Ставропольской, Терской губерниям, по Кубанской и Донской областям»¹²⁶.

14 апреля 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР запретил выселение казачьих станиц из пределов ГАСССР, признав его ошибочной мерой, приведшей к переходу значительной части казачества в лагерь контрреволюции¹²⁷.

Общее число всех переселенных жителей казачьих станиц бывшей Терской области составляло, как уже говорилось, примерно 25 тысяч – десятая часть терского казачества¹²⁸. Цифра 70 тыс., названная А. Ливеном, явно неверная; советская власть даже не планировала переселять столько казаков: она наметила к переселению в 1918 г. из Терской области 18 станиц (60 тыс. человек), надеясь таким путем ликвидировать безземелье горцев, уравнивать их в правах с казаками, восстановить историческую справедливость¹²⁹, обеспечить мир и согласие в регионе.

Требуем тщательного изучения высказанное А. Ливеном мнение о том, что «С 1829 до 1921 годов чеченские войны и восстания против русских были также религиозными войнами («газаватами»), проходившими под знаменем ислама и под руководством членов ордена Накшбандийя»¹³⁰. Есть факты в истории мятежа Н. Гоцинского (1920-1921 гг.), которые не позволяют принять этот тезис безоговорочно, о чем будет сказано позже.

В 2000 г. вышла в свет монография И.В. Яблочкиной о повстанческом движении в Советской России в 1921-1925 гг.¹³¹ Глава «Сепаратизм российского казачества в Советской России» содержит сведения и о северо-кавказских повстанцах-казаках, а глава «Мусульманский фактор вооруженных выступлений на Северном Кавказе» целиком посвящена повстанческому движению горцев региона.

Перед подробным анализом этих глав следует отметить некоторые положения работы, касающиеся общих проблем повстанчества всей страны.

Как многие авторы работ 90-х гг. И.В. Яблочкина осознает неточность и несправедливость терминов «бандитизм» и «политический бандитизм» для обозначения повстанческого движения и предлагает заменить их новым – «антигосударственные, антисоветские и антибольшевистские выступления, восстания и мятежи как рецидивы гражданской войны» (с.12). Слово «рецидивы» автор, вероятно, считает ключевым в своем определении, так как выносит его в название своей работы.

Трудно согласиться с предложенной заменой и из-за громоздкости и из-за того, что повстанчество едва ли правомерно назвать рецидивом гражданской войны – оно было прямыми ее продолжением, новым ее видом, одним из ее этапов. Так

определяли повстанчество все, кто боролся с ним и писал о нем в 20-е годы.

Автору исследования не удалось четко разграничить понятия «бандитизм», «политический бандитизм», «уголовный бандитизм». То говорится, что «нельзя проводить аналогию» между «политическим бандитизмом», «бандитизмом» и «уголовным бандитизмом» (с.12), то утверждается, что «вооруженные антигосударственные выступления... являлись, по сути, политическим прикрытием обычных грабежей и мародерства» (с.53). Есть высказывания и о перерастании «политического бандитизма» в уголовный: «Бессмысленные жертвы взаимного ожесточения все более превращали выступления под политическим лозунгами свержения власти коммунистов в обычные бесчинства бандформирований». Белогвардейские формирования на Алтае, в Восточной Сибири, которые сливались с крестьянскими, по словам автора, превращались потом в «сборища уголовных элементов» (с.385).

Наличие таких противоречивых высказываний автора монографии еще раз показывает, как трудно и сегодняшним исследователям разграничить, разделить, классифицировать богатейший спектр антисоветских выступлений, где «политический бандитизм» теснейшим образом переплетался с уголовным, где-то и дело происходило перерастание одной формы борьбы в другую. Да и едва ли нужно заниматься этим теперь, если современники движения не могли этого сделать. Наверное, не нужно придумывать новых терминов, чтобы определить «новый вид» гражданской войны, они, как видим, не проясняют суть явления. Кажется, гораздо разумнее, как предлагают современные историки, признав несовершенство терминов «бандитизм» и «повстанчество», использовать их «по традиции», уже сложившейся в отечественной историографии, употребляя термин «бандитизм» не в оскорбительном значении слова». Сама И.В. Яблочкина так и делает, используя термин «бандитизм» (то в кавычках, то без них) на с.12, 16, 17, 35, 52-55, 131, 244, 286, 287, 381, 385 и др.

Изучение повстанческого движения И.В.Яблочкина почему-то начинается с 1921 г. (иногда в тексте говорится о «сентябре 1920 г.», о «зиме 1920-1921 гг., напр. на с. 381) – так что период наивысшего подъема повстанческого движения на Северном Кавказе (июль-октябрь 1920 г.) остался за пределами

хронологических рамок работы. Сведения о нем можно было бы получить из «Диаграммы роста повстанческого движения, на территории СКВО за 1920-1921 гг.», данной в приложении к исследованию (док. №6), но, как уже говорилось, из-за плохого качества ксерокопии она прочтению не поддается, а в тексте никак не комментируется.

Следует уточнить, что «тенденция объединить все контрреволюционные выступления единым термином» – «бандитизм» возникла не «еще в 60-е годы», как утверждает на с.44 монографии, а в 20-е годы, за что справедливо упрекал большевиков Н.В. Воронович.

Требуем обоснований спорный (на наш взгляд) тезис автора монографии о том, что «весной 1922 г. разразился финансовый кризис» в стране. В качестве доказательств его правильности приведены два признака: неудачный государственный бюджет, составленный на январь-сентябрь 1922 г., который «оказался не твердым, а бумажным», и «резкое увеличение темпов эмиссии, инфляции, что было прежде всего связано с неурожаем и голодом в 1921-1922 гг.» (с.110).

Надо уточнить, что неурожай почти по всей России был только в 1921 г. Захватил он часть Северного Кавказа (северную и восточную часть Кубанской обл., большую часть Ставропольской губ.). Бедствие вызвано было, как пишет Н.В. Воронович, не столько засухой, сколько вредителями и крысами. Из-за голода в Саратовской, Самарской, Царицынской, Астраханской губерний крысы шли стеной на Северный Кавказ. Их задержало быстрое течение верхней части рек Кубани, Лабы, Белой. Поэтому весь Батал-пашинский, часть Майкопского и Лабинского отделов, лежащих к югу от них, уцелели от крыс, а в других отделах Кубанского, всей Черноморской и Большой части Ставропольской губерний, кроме винограда, урожай погиб на 70 %¹³².

В 1922 г. на всем Юго-Востоке собрали обильный урожай зерновых. В августе 1922 г. рынки были завалены хлебом, цены на которые, по сравнению с весной, упали в 5-10 раз. У населения усилилась тяга к мирному труду, что повлияло на резкое сокращение повстанческого движения¹³³.

По свидетельству авторов 20-х гг., урожай 1922 г. превышал по зерновым урожай 1921 г. на 31 % и «продовольствием страна на 1922-23 гг. была обеспечена»¹³⁴. Вероятно, излишне

оптимистично, но Э. Карр считает даже, что «несчастье, вызванное голодом» 1921 г., «почти прошло весной 1922 г».¹³⁵

Что касается финансового кризиса, то, представляется, он «разразился» не весной 1922 г., а гораздо раньше: финансовое хозяйство страны было не просто в плохом состоянии или кризисе – оно почти совсем перестало существовать (как думали многие большевики, «за ненужностью») к концу «военного коммунизма». Г.Я. Сокольников говорил в 1922 г., что в период гражданской войны Наркомфин «был ликвидирован на 90 %»¹³⁶.

К 1920 г. расходы страны сильно возросли и равнялись сотням млрд. руб. Доходы же едва покрывали 2 % расходов, т.е. практически совсем исчезли¹³⁷.

Эмиссия была огромной и до 1922 года: 25 октября 1917 г. в обращении находилось 18918 млн. руб., к 1 января 1921 г. – 1178388 млн. руб., к 1 января 1922 г. – 11 триллионов руб. Такой же беспредельной была инфляция: на 1 декабря 1920 г. бумажный рубль стоил 1/80000 золотого¹³⁸. Э. Карр считает, что золотое содержание рубля «находилось на грани нулевой отметки» уже «к середине 1919 г.»¹³⁹.

Падение курса рубля привело к вздорожанию цен (по сравнению с 1913 г.) к концу 1921 г. в 50-70 тыс. раз. Фантастических размеров разрыв между твердыми и рыночными ценами приводил к возникновению натурального обмена. При создавшихся условиях бюджет периода «военного коммунизма» стал пустой формальностью. После 30 апреля 1919 г. «никакие наметки бюджета не представлялись вплоть до введения НЭПа в 1921 г. ... Растущая девальвация бумажных денег и отказ от них на протяжении 1919 и 1920 гг. делали бессмысленным любой бюджет»¹⁴⁰. В январе 1920 г. был упразднен Народный (государственный) банк. Декрет СНК объяснил причины этого шага: «... банк как кредитное учреждение не нужен, т.к. национализация промышленности ... подчинила общему сметному порядку всю государственную промышленность и торговлю»¹⁴¹.

Место финансового ведомства, занимающегося сбором, учетом, распределением денег, занимает другой аппарат - Наркомпрод, приспособленный к сбору, учету, распределению продуктов. Хозяйство страны из денежно-товарного превращается в натуральное (не целиком, но в весьма значительной

части), доходы и расходы становятся натуральными, работа финансового ведомства почти замирает.

Объяснять усиленную эмиссию и инфляцию «прежде всего неурожаем и голодом 1921-1922 гг.» неправомерно. НЭП заставил государство снова обратиться к торговле, к рынку и усилить темп печатания денег, потребность в которых резко увеличилась. В конце сентября 1921 г. Наркомфин заявил: «... мы имели в виду выпуск в 1921 г. 7 триллионов, а теперь нам нужно иметь 22 триллиона из-за изменения экономической и тарифной политики»¹⁴².

Нельзя считать показателем финансового кризиса 1922 г. и неудачный гос. бюджет, составленный осенью 1921 г. на январь-сентябрь 1922 г. Напротив, попытка его составления – уже достижение, т.к. до него за все время «военного коммунизма» у страны вообще не было бюджета. Неудача его объясняется тем, что в нем хозяйство страны мыслилось все еще как единое целое, распределяющее материальные и денежные средства по составленному в центре плану, тогда как с введением НЭПа происходило быстрое дробление государственного хозяйства. И. Смилга писал в 1924 г., что «бюджет 1921 г. был последней неудачной попыткой сохранить старое»¹⁴³.

Авторы «Обзора деятельности Наркомфина на 1922-1923 гг.» не называют 1922 г. временем финансового кризиса. Они пишут о том, что в 1922 г. пусть «только едва», но все же началось «оздоровление финансов». В 1922 г. налоговые и неналоговые поступления начали вытеснять эмиссию, которая в январе 1922 г. составляла 91,2 % бюджета, а в сентябре того же года – 44,3 %¹⁴⁴. К концу 1921 г. Государственный банк начал выпускать новую денежную единицу – червонец, т.е. фактически началась денежная реформа, успешно закончившаяся в 1924 г. Стабилизация рубля и улучшение материального положения населения, несомненно, сказались на сокращении размаха повстанческого движения.

В главе «Сепаратизм российского казачества» монографии И.В. Яблочкиной около 30 страниц посвящено повстанческому движению в казачьих областях Северного Кавказа. На них говорится о причинах, социальном составе повстанческих сил, их программах, целях, идеологии, о численности повстанцев в отдельные периоды; о взаимоотношениях казаков с Врангелем и пр.

И.В. Яблочкина утверждает, что в работах отечественных историков 50-80-х годов по проблемам повстанчества наблюдается «отсутствие анализа внутривластных и экономических причин» движения. Автор считает, что «этот недостаток особенно ярко проявился в работах, посвященных «бандитизму» на Северном Кавказе» (с.39).

Такой очень категоричный вывод не очень справедлив. Кажется, никто из северо-кавказских историков, занимавшихся исследованием различных проблем истории Северного Кавказа 20-х гг., не смог пройти мимо вопроса о повстанчестве и его причинах. Его немисливо было обойти, ибо повстанчество «правило бал» в регионе на протяжении всего восстановительного периода. Причины повстанчества в той или иной мере отражены в работах И.К.Лосева, З.А-Г. Гойговой, И.Р. Лоова, Ф.И. Врублевского, П.И. Юсупова, В.И.Филькина, Д.З. Коренева, М.Ф. Абазатова, М.Т. Узнардова, А.Ф. Носова, Н.Ф. Бугая, М.И. Гиоева, А.К-М. Исрапилова, Г.А. Аликберова, К.Т. Лайпанова, Г.Т. Мелия, А.М. Эльчибекяна, А.Г. Попова и многих-многих других.

Сведения о помощи повстанцам извне (она тоже была одной из причин живучести движения) приводятся в работах А.Н. Хейфеца, С.И. Кузнецовой, С.Э. Эбзеевой, Ю.В. Мухачева, в коллективной монографии «Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе» (М.1988 г.). В 80-е гг. опубликована статья, посвященная специально этому вопросу¹⁴⁵. Поэтому говорить, что в работах 50-80-х гг. «отсутствует анализ... причин зарождения и развития» повстанчества – нельзя. А то, что этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении – факт бесспорный. Следует сказать, что никаких новых причин повстанчества, кроме тех, которые были ранее проанализированы историками, монография И.В. Яблочкиной не называет.

Вопрос о численности повстанцев – один из важнейших в проблеме: численность позволяет судить о глубине и размахе движения. Вопрос этот (применительно к Северному Кавказу) в монографии не поставлен, хотя некоторые сведения о числе повстанцев по отдельным районам региона встречаются на страницах исследования. В основном, они относятся к 1921 г. (с.218,241, 236, 250 и др.). Нельзя не сказать о некоторых неточностях, допущенных автором в этом вопросе.

Без ссылки на источник утверждается, что «Армия возрождения России» генерала П.П. Фостикова, действовавшая на Кубани летом 1921 г., насчитывала «свыше 3 тысяч хорошо вооруженных казаков» (с.218). Ничего не сказано о том, что другие авторы называют иные цифры численности армии: 5,4 тыс. штыков и сабель, 35 пулеметов, 10 орудий;¹⁴⁶ 10-15 тыс. человек¹⁴⁷, 20-30 тыс. человек¹⁴⁸.

В армии Фостикова не могло быть «свыше 3 тысяч человек», т.к. после ее разгрома только в Грузию отступили около 6 тыс. фостиковцев, которые были интернированы грузинским правительством. Около 2000 человек осталось на Кубани и расселилось там, часть казаков вернулась в станицы, надеясь на объявленную советской властью амнистию и спасаясь от наступивших холодов¹⁴⁹.

Армия Фостикова была сформирована не только «из зажиточных казаков», как говорится в монографии. Она создавалась и из остатков деникинских отрядов, скрывавшихся в ущельях, лесах, плавнях Кубано-Черноморской области. Численность их в начале апреля 1920 г. не превышала 500 чел., но с помощью денежных субсидий из Крыма к началу планируемого на август 1920 г. восстания армия превратилась в силу, серьезно угрожавшую Советской власти на Кубани¹⁵⁰.

Таблица, составленная автором на основе архивных документов, должна была, по ее словам, «отразить рост» повстанческого движения в течение лета 1921 г. (с. 235, 236) (Сравнивалась численность повстанцев в июле и сентябре 1921 г.). Но из таблицы следует, что, хотя число отрядов выросло (с 84 до 105), количество повстанцев в них не увеличилось, а сократилось: в июле их было 7762 человек с саблями при 63 пулеметах, а в сентябре – 7142 человек с саблями при 121 пулеметах.

Все повстанческие силы Юга России И.Я. Яблочкина предлагает разделить с точки зрения их социального состава, целей, идеологии и отношения к ним населения на 4 основных вида формирований (с. 225, 226):

- 1) белогвардейское движение, целью которого была реставрация старого мира и свержение власти большевиков;
- 2) «зеленое», самостийное движение, «особенно ярко проявившееся в казачьей среде». Оно тоже носило антисоветский, антикоммунистический характер, но их задачей было прежде всего освободить свою территорию и образовать само-

стейное казачье государство;

3) формирования, которые создавались за пределами Северного Кавказа, не имели поддержки населения (сторонники Махно с Украины, отряды из центральных районов России);

4) «наиболее сложное и противоречивое по своей политической окраске и социальному составу антибольшевистское движение, развернувшееся под лозунгом «Советы без коммунистов» (по имени одного из организаторов движения, Г.С. Маслакова оно называлось «маслаковщина»). И.В. Яблочкина утверждает, что это движение имело «не только свою, отличную от других цель, но и другой социальный состав, формы и методы борьбы». Оно, по мнению автора, имело для советской власти «не меньшую, если не на много большую угрозу, чем «бело-зеленые».

2, 3, 4 виды формирований («зеленые», пришлые на Северный Кавказ и те, что выступали под лозунгом «Советы без коммунистов» названы в исследовании экстремистами.

Предложенная автором классификация повстанческих сил вызывает много вопросов. Почему в основу деления всех повстанческих сил положены два принципа: с одной стороны – социальный состав, цели, политическая направленность (белогвардейцы, «зеленые», «маслаковцы»), с другой – место формирования повстанческих сил) «пришлые» – местные)? Но «пришлыми», по словам автора, когда-то были и «представители военных кругов и интеллигенции, бежавшие на Юг (с.231). Отряды «маслаковцев», пришедшие, например, с Кубани на Терек, для терцев тоже будут «пришлыми». Десанты Врангеля на Кубани – это «пришлые» для кубанского населения или нет? Может быть, участников десанта нельзя назвать повстанцами?

Полная путаница в монографии по вопросу о «зеленых». Это движение, считает автор, «особенно ярко проявилось в казачьей среде» (с.225). Из сноски на 231 (источник не указан) узнаем, что «зеленые» во время гражданской войны – это дезертиры из армии, укрывавшиеся в лесах. Они делились на «красно-зеленых», «бело-зеленых» и просто «зеленых», «состоявших из дезертиров из Красной Армии, в отрядах которых было значительное количество крестьян-середняков», а дейст-

вовали они в районах со значительной кулацкой прослойкой».

По этой классификации получается, что в состав «зеленых» входили и белогвардейцы, и «красно-зеленые», боровшиеся против Деникина под руководством большевистского подполья; и «настоящие» зеленые» - дезертиры из Красной армии, крестьяне-середняки. Или так было только в период гражданской войны, а потом состав «зеленых» поменялся? Если да, то когда? Об этом в работе не говорится.

Организатор и руководитель движения «зеленых» на Северном Кавказе Н.В. Воронович еще в 1922 г. дал довольно четкую классификацию всех повстанческих сил региона¹⁵¹, ее, вероятно, и следует придерживаться всем исследователям данной проблемы. Термин «зеленые» он употребляет в двойном смысле. В широком, когда понимает под «зелеными» всех, кто скрывался в лесах, и в узком, когда употребляет его для обозначения «подлинных зеленых» крестьян и казаков.

«Не только среди русской эмиграции, - пишет Н. Воронович, - но даже в самой России немногие знают правду о «зеленом движении», об его истории и об идеалах, к которому оно стремится.

Добровольческие власти и коммунисты относятся к нему с ненавистью. И те, и другие называли «зеленых» бандитами, преследуют их и их родных. Объясняется это тем, что «зеленые» борются против всякого режима, попирающего основы народоправства, против диктатуры над народом. Это протест крестьянства и трудового казачества за свободу и народоправство».

Далее Н. Воронович говорит, что колыбелью «зеленого» движения на Северном Кавказе является Сочинский округ Черноморской губернии, где в июне 1918 г. крестьянство восстало против большевиков, а в последующие годы распространилось «по всему Северному Кавказу».

Первые лозунги «зеленых» выражены в программе, принятой в 1918 г. и положенные весной 1921 г. в основание программы «Северо-Кавказского крестьянско-казачьего союза»: «Россия – свободный союз свободных народов, вся власть – народу, земля – трудящимся на ней».

Н. Воронович делит «зеленых» на 3 категории:

I – «шкуринцы» или «махровые» – отряды, состоящие в большинстве случаев из пришлых людей (не связанных с ме-

стным населением) и руководимые генералами и офицерами «Врангелевской организации».

II – отряды из дезертиров-красноармейцев и деклассированных элементов. Воронович считает, что эта категория вполне заслуживает название «банд», ибо «никого не признают, ни с кем не считаются, всех грабят и не пользуются поддержкой населения».

III – «подлинные зеленые». Эта категория состоит из местных крестьян и казаков, неразрывно связанных с населением, пользуется его поддержкой. В большинстве случаев они группируются вокруг местных «народных штабов» и «подчиняются этим революционным органам». В других случаях они подчиняются «атаманам» – местным людям, авторитетным и популярным.

Тактика повстанцев меняется в зависимости от того, к какой категории они принадлежат. «Подлинные зеленые», говорит Воронович, никогда не занимают станиц, чтобы не «подвести» население (большевики расправлялись со станицами, где побывали «зеленые»). Они периодически нападали на плохо обороняемые большевиками склады оружия, сыпные пункты, железнодорожные сооружения.

II категория («банды») действует налетами, не считаясь с интересами местного населения.

I категория тесно связана с Врангелем и его штабом. «Они, - пишет Н.Воронович, - как и II категория... не имеют ничего общего с подлинным «зеленым» движением. Только большевики, которым выгодно выставлять «зеленое движение» в определенном свете, умышленно соединяют в своей прессе, сводках и официальных сообщениях «подлинных зеленых» с махровыми и бандитами, называя их «бело-зеленые банды».

У Н.В. Вороновича, руководившего подлинно «зелеными», другое, нежели у И.В. Яблочкиной, мнение о «маслаковщине». Он причисляет Г.С. Маслакова, к «подлинно зеленым»: «Маслаков – руководитель одного из отрядов неопределившейся категории «зеленых»; «... Маслак стал во главе сформированного им отряда «зеленых». «Воронович пишет, что Г.С. Маслаков вначале был урядником Кубанского войска, а потом стал командиром 19-го конного полка 4-й дивизии I конной армии. В феврале 1921 г. он дезертировал с несколькими сотнями казаков из Красной Армии и стал во главе

сформированного им «зеленого» отряда. «Хотя его отряд, - говорит Воронович, - исключительно состоял из бывших буденновцев, он резко отличался от II категории «зеленых». Его «зеленые» – в большинстве кубанские и донские казаки, поэтому он действует в контакте с подлинно «зелеными», принимает близко интересы местного населения. К «махровым» Маслаков относится, как и «зеленые», очень недружелюбно». Вместе с «подлинно зелеными» он помог «сорвать сбор продналога», начавшегося на Кубани в сентябре 1921 г., и не допустить его вывоза за пределы области. «Маслаковцы» старались вернуть хлеб населению, попросившему их о помощи, а если не удавалось – сжигали его. Как и другие «зеленые», «маслаковцы» хотели «очистить Советскую власть от недостатков», боролись против «саботажников-комиссаров», выступали за «советы без коммунистов».

Ничего особенного не было в формах и методах борьбы «маслаковцев», что, опровергая ею же ранее высказанное мнение, признает сама И.В. Яблочкина. На с.238 она говорит, что Маслаков (в отличие от Махно) не разрушает «каких-либо технических сооружений», хотя и производит «различного рода реквизиции» (с.239). На последующих страницах работы «специфику стиля» «маслаковцев» автор видит в соединении принципов «кадровых военных» с «бандитскими привычками» – они уничтожают отряд 14-й кавдивизии и делают налет на хутор, чтобы захватить там «сотни шаровар». Тут действия «маслаковцев» автор назвала просто «бандитскими» (с.240). А весной 1922 г. сторонники Маслакова вообще не отделяются автором от белогвардейцев и «самостийников»: «все они громили исполкомы, убивали партийных и советских работников, милиционеров, чоновцев, разрушали линии телефонной и телеграфной связи, грабили склады и магазины» (с.251).

Нельзя согласиться с мнением автора монографии о том, что «маслаковщина» была для советской власти более опасной, чем движение «бело-зеленых» (с.237).

Если (по классификации Н. Вороновича) считать «бело-зелеными» «махровых», т.е. отряды из бывших деникинской и врангелевских армий, из «пришлых» людей», то «маслаковцы» не могли быть опаснее для советской власти даже в силу их малочисленности.

В конце марта 1921 г. в отрядах Маслакова насчитывалось

до 500 шашек, позднее численность возросла до 1,5 тыс. человек.¹⁵² Воронович называет цифру 2 тыс. человек¹⁵³.

В «Обзорах бандитизма на территории СКВО за 1920-1921 гг.» говорится, что «Маслаков, несмотря на свою известность и популярность еще со времен работы в Красной Армии, оставался долгое время одиноким». Только в мае 1921 г. в Ставропольской губернии, в местах, «где эта банда прошла», стали создаваться «местные группы бандитизма в 7-15 чел.»¹⁵⁴.

В июле-августе 1921 г. отмечено, что течение «за беспартийные Советы» «очень незначительное», что оно «наблюдается в мелких, разрозненных отрядах», которые «с отрядами других течений связи не имеют» и «стройной организацией, как военной, так и политической, не отличаются»¹⁵⁵. О действиях «маслаковцев», пришедших в Терскую область (они, по словам Вороновича, совершали «молниеносные набеги по всей северной части Кубанской обл., Ставропольской губ., Сальскому отделу Донской обл., появлялись под Ростовом»), сказано: «Банда Маслакова ведет умеренную эсеро-меньшевистскую пропаганду, намерена вернуться снова в Красную Армию, в 4-ю кавдивизию»¹⁵⁶.

Вопрос о роли Врангеля в повстанческом движении Юга России, о его взаимоотношениях с казачеством изложен в монографии И.В. Яблочкиной весьма противоречиво. Осенью 1920 г., пишет автор, «основная часть кубанского казачества была враждебно настроена» по отношению к Врангелю. «С весны 1921 г. монархические идеи постоянно утрачивали влияние на казачество». «К лету 1921 г. наметилась тенденция к сближению белогвардейцев и самостийного казачьего движения», шел процесс «соединения белогвардейских и казачьих отрядов в единые формирования под общими лозунгами». Слухи о врангелевском десанте на протяжении всего 1921 г. «способствовали активизации» повстанцев, но в то же время и «сдерживали их активность». Врангелевские офицеры «стремительно увеличивали свое влияние на Юге России». Сказано и о том, что военные планы казаков расходились с врангелевскими, хотя в казачьем штабе находились бывшие его офицеры, влияние которых стремительно росло». Вывод автора таков: формирования, возглавляемые врангелевцами, «в большей степени использовали имя и лозунги бывшего главнокомандующего, чем какую-нибудь практическую военную и де-

нежную помощь» (с.229). Планов «полномасштабной операции по свержению Советской власти извне» штаб Врангеля не готовил и оружием повстанцы были обеспечены «из внутренних ресурсов», «хотя оно, несомненно, поступало через границу» (с.229, 230).

Здесь многое неясно. В чем суть расхождений Врангеля и казаков? В чем причины постоянных колебаний в их взаимоотношениях? Почему осенью 1920 г. и в начале 1921 г. монархические идеи «утрачивали влияние на казачество», а к лету 1921 г. «шел процесс соединения белогвардейских и казачьих отрядов... под общими (какими? – Е.Ж.) лозунгами»? В чем военные планы Врангеля расходились с планами казаков, как это могло быть, если в их штабах находились врангелевцы, «стремительно увеличивавшие свое влияние» на Юге России? Почему росло их влияние? Можно ли его объяснить лишь использованием «имени и лозунгов бывшего главнокомандующего»? Зачем оружие для повстанцев «поступало через границу», если они были им обеспечены «из внутренних ресурсов»? Почему слухи о десанте Врангеля «способствовали активизации» повстанцев, но в то же время и «сдерживали их активность»?

Выводы автора, конечно же, нуждаются в основательных доказательствах. Пока их можно принять как мнение автора, т.к. никакого «анализа архивных документов», позволившего ей сделать такие выводы, в монографии не дано.

Раскрыть сепаратизм казачества, понять взаимоотношения Врангеля с казаками, белогвардейцев с «самостийниками» просто невозможно без учета того, что 2(15) апреля 1920 г. было подписано соглашение, а 22 июля (4 августа) 1920 г. («в развитие соглашения») заключен союз Врангеля с атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани «ввиду совместно предпринятой борьбы за освобождение России от большевиков»¹⁵⁷. К сожалению, о договоре Врангеля с казаками в монографии не упомянуто ни разу ни словом.

По договору атаманы 4-х казачьих войск подчиняли Врангелю казачьи вооруженные силы как главнокомандующему, предоставляя ему вместе с тем также часть своих верховных прав с целью объединения всех усилий в борьбе с советской властью. Во время 7-месячной крымской кампании обе стороны честно исполняли условия договора.

После эвакуации из Крыма, через несколько дней после прибытия в Константинополь генерал Врангель, считая договор 22 июля (4 августа) 1920 г. утратившим силу, предложил атаманам «полюбовно его расторгнуть», но они признали это преждевременной мерой, ввиду того, что русская армия прибыла из Крыма в порядке и для поддержания его и сохранения армии до решения ее судьбы союзниками, было необходимо сохранить общее единое командование, с чем генерал Врангель согласился.

Разрыв был осуществлен 13 мая 1921 г. по инициативе Врангеля в виду резко обострившихся отношений его с казаками. Дело в том, что в январе 1921 г. между атаманами и правительствами было заключено соглашение, на основании которого решили по вопросам внешних сношений, военным, финансово-экономическим и общеполитическим действовать объединенно, для того, чтобы вместе заботиться и всемерно помогать «братьям-казакам в том тяжелом положении, в котором они оказались».

Заключая соглашение между собой, казачьи атаманы и правительства определенно заявили о том, что они считают необходимым продолжение вооруженной борьбы с советской властью, при «полном единении всех русских сил и сохранении единого военного командования». Препровождая копию своего соглашения генералу Врангелю, Объединенный Совет казачьих войск письменно подтвердил свое признание его главнокомандующим.

Врангель не признал ни этих соглашений, ни Объединенный Совет казачьих войск. Особенное возражение со стороны Врангеля и его правительства, Русского Совета, вызвал вопрос о праве внешних сношений, которое не было оговорено в договоре июля 1920 г. Врангель неодобрительно смотрел на попытки атаманов непосредственно самим сноситься с Францией и США по вопросу улучшения положения казаков – он находил, что это должен делать он сам через органы Главного Командования.

«Охлаждение» взаимоотношений произошло еще и потому, что казаки не были привлечены Врангелем к разработке проекта Русского Совета, состав которого определил сам главнокомандующий в марте-апреле 1921 г. Из 30 мест в правительстве казакам было предоставлено всего 3, несмотря на то,

что казачьи силы составляли не менее половины Русской армии Врангеля. Хотя власть и самостоятельность Русского Совета были ничтожны, и Врангель мог в любой момент распустить его, не считаясь с его мнением, такое представительство обидело казаков. Они находили, что от такого диктаторства Врангель должен отказаться и предложили свой проект Русского Совета, в котором казачеству предполагалось дать «достойное место, соответствующее его участию в 3-х-летней борьбе с большевиками, значению и силе».

Проект этот не был принят. 11 мая 1921 г. Русский Совет спешно признал главнокомандующего свободным от каких бы то ни было обязательств по отношению к атаманам и правительствам казачьих войск, обвинив последних: в нарушении договора 22 июля 1920 г., в «пагубных действиях» и «стремлениях создать независимое казачье государственное образование», «заменить государственное образование», «заменить сохранившуюся единую противосоветскую власть гибельным многовластием» и «отделить казачество от общерусских сил».

Объединенный Совет казачьих войск на обвинения Русского Совета ответил постановлением от 26 мая 1921 г.: «1. Договоры Главного командования с Войсковыми Атаманами 2 апреля и 22 июля 1920 г. считать обоюдно расторгнутыми в полном их объеме с 13 мая 1921 г., когда о том же объявил генерал Врангель.

2. Войсковым атаманам вновь принять всю данную им законами краев власть.

3. С главнокомандующим и Русским Советом продолжать поддерживать деловые сношения, вытекающие из их заявления о продолжении их забот о казаках.

4. Сообщить о вышеизложенном Войсковым Кругам и Раде, войскам и беженцам».

Под постановлением стояли подписи донского атамана, ген-лейт. А.П. Богаевского; председателя Донского правительства В.А. Апостолова; зам. Кубанского атамана, председателя Кубанского правительства Д.Е. Скобцова; терского атамана, ген-лейт. Г.А. Вдовенко; председателя терского правительства Е. Букановского; председателя калмыцкой части Астраханского правительства С.Б. Баянова¹⁵⁸.

Но даже и после этого «разрыв» Врангеля с Объединенным Советом не был окончательным. Так считали обе сторо-

ны. На вопрос корреспондента «Последних новостей»: «Как конфликт с казаками?» Врангель ответил: «Никак. Какой же конфликт, если я командую казачьими частями, переправляя на Балканский полуостров весь Лемнос. Поверьте, в казачьем вопросе я сейчас сильнее, чем когда-либо»¹⁵⁹. 13 октября 1921 г. Врангель еще раз подтвердил, что «несмотря на некоторые политические расхождения, мое сотрудничество с атаманами прежнее. Самостийность чужда массе казачества»¹⁶⁰.

Ясно, что Врангель явно переоценивал свое влияние на казаков, особенно тех, которые оставались в России. Расторжение договора, занятость Врангеля размещением своей армии на Балканском полуострове (были, конечно, и другие причины) привели к тому, что, как считает В.И. Львов, «руководство повстанцами летом 1921 г. находилось в руках самостийников», о чем прежде всего говорит план восстания, готовившегося на осень 1921 г. Он состоял в том, чтобы, объединив и обучив все отряды Кубани и Черноморья, быстрым налетом овладеть Краснодаром, поднять восстание в хуторах и станицах, совершить переворот и, объявив самостийную Кубанскую республику, вступить в переговоры с Москвой¹⁶¹.

Представители Кубанской рады и созданного ею Кубанского Повстанческого правительства были инициаторами созванного в начале июля 1921 г. в Майкопе съезда представителей повстанцев Кубани, Ставрополя, Причерноморья, где был избран орган по общему руководству восстанием и принята программа «Северо-Кавказского крестьянско-казачьего союза». Программа заявляла, что «крестьяне и казаки Северного Кавказа будут стремиться к созданию «Северо-Кавказской союзной республики» и будут признавать лишь ту власть, которая «будет опираться на них», узаконит за ними как большинством населения России «первый голос при разрешении всех вопросов»¹⁶².

Но даже и в это время врангельцы продолжали активно действовать на Северном Кавказе. Воронович свидетельствует, что после Майкопского съезда (начало июля 1921 г.) «махровые» «сильно забеспокоились».

В сентябре 1921 г. начался сбор продналога. Население ряда станиц обратилось с просьбой о помощи к «зеленым». Те спустились с гор и приступили к действиям. Их цель – сорвать сбор налога, не допустить его вывоза с Кубани, а если не уда-

стся – сжечь. Особенно, по словам Вороновича, усердствовали отряды Маслакова и Попова.

Как только волна «зеленого» движения охватила всю Кубано-Черноморскую область, «махровые» решили использовать начавшееся восстание и подчинить его себе. Агенты «махровых» пишет Воронович, появились в различных местах и повели агитацию за создание «Кубанской повстанческой армии», во главе которой встал Пржевальский. Сначала ряды армии охотно пополняли казаки и вскоре вместе с «махровыми» численность ее достигла 5000 чел. Затем начались (пишет Воронович) «недоразумения между Пржевальским и «зелеными» организациями». Главное требование последних заключалось в том, чтобы Пржевальский заранее отказался от мысли быть диктатором и ограничился бы ролью военного руководителя. «Пржевальский не согласился, - говорит Воронович, - и повторил прошлогодние ошибки Фостикова. «Зеленые» отказались его поддержать. Буденный настиг Пржевальского 27 сентября 1921 г. при переправе через р.Белую и разбил. Пржевальский бежал с остатками армии в горы, бросив артиллерию, пулеметы, обоз¹⁶³.

Действия Врангеля до расторжения его союза с казаками тем более трудно свести лишь к пропаганде «его имени и лозунгов». Л.К. Шкаренков пишет, что «не успев добраться до Константинополя», Врангель стал говорить о возможности возобновления вооруженной борьбы. Он не только планировал, но предпринимал и конкретные действия. Шкаренков сообщает о попытках высадки десантов в Крыму и на Кубани, окончившихся неудачей¹⁶⁴.

В местечке Мцхет в Грузии не прекращало работу отделение контрразведки Врангеля, осуществлявшее связь с Кубанской радой и Горским правительством и продолжавшее вербовать в районе от Батуми силы для помощи повстанцам¹⁶⁵.

По плану, разработанному Кубанской радой (она находилась в Грузии) и штабом Врангеля в Константинополе, после разгрома армии Пржевальского начали формировать новую повстанческую армию. Вся Кубано-Черноморская область была разбита на участки, в каждом из которых подпольные белогвардейские организации, возглавляемые офицерами из остатков армии Деникина, Фостикова, десанта Улагая занимались подготовкой нового восстания.

Полковник Серебряков, которому за полтора месяца удалось объединить более 20 отрядов, действовавших в Батаяпашинском и Лабинском отделах Кубани в группу (пусть непрочную) «Народных войск Северного Кавказа», был представителем Главного Командования ВСЮР, имевшим широкие полномочия от Врангеля.

Штаб «Народных войск» для усиления влияния Врангеля на население области выступил с «Программой союза трудовых земледельцев», 14 пунктов которой обещали им Учредительное собрание, землю и различные свободы¹⁶⁶.

Полковник Жуков, создавший «Дивизию помощи русской армии генерала Врангеля», тоже был известным врангелевцем. В апреле 1921 г. советская разведка характеризовала это объединение как «стройную организацию в правильных войсковых единицах»¹⁶⁷. На Врангеля ориентировалась группа Рябоконя. Видимо, это была значительная войсковая единица, т.к. посылаемые Врангелем делегации, как отмечала советская разведка, не раз бывали у Рябоконя; ей уделял особое внимание один из главных руководителей движения генерал Потоцкий. На Дону действовали отряды полковника Назарова, тоже посланника Врангеля, открыто пропагандировавшего за «единую и неделимую Россию»¹⁶⁸.

Если же говорить о помощи Врангеля повстанцам до эвакуации его армии из Крыма, то ее трудно переоценить, о чем будет сказано в соответствующей главе нашей работы.

Глава «Мусульманский фактор вооруженных выступлений на Северном Кавказе» целиком посвящена горскому повстанчеству. Она содержит сведения о влиянии религии на повстанческое движение горцев-мусульман, о причинах движения, о составе повстанческих сил, об их действиях. Приводятся сведения о главных руководителях горских повстанцев (Н. Гоцинский, Узун-Хаджи, Али Митаев), говорится об их связях с зарубежными странами. Затронуты события 1917-1920 гг. (установление советской власти в горских районах, борьба горцев с денкинской армией, роль Врангеля в повстанчестве в 1920 г., до ухода его армии из Крыма, национально-государственное строительство в регионе и др.).

Подробный анализ этих сюжетов будет дан в нашей работе при характеристике повстанческого движения горцев в 1920-1925 гг., пока ограничимся рассмотрением некоторых

положений, высказанных в главе, с которыми никак нельзя согласиться.

Английский ученый А. Ливен утверждает, что «с 1829 до 1921 г. чеченские войны и восстания против русских были также религиозными войнами («газаватами»), проходившими под знаменами ислама и под руководством ордена Нашбандийя»¹⁶⁹. А. Ливен говорит только о Чечне и только до 1921 г. И.В. Яблочкина расширяет временные (вероятно, до 1925 г.) и территориальные рамки (Северный Кавказ) «газавата»: «И, что самое главное, неизменным атрибутом «политического бандитизма» на Северном Кавказе стала его религиозная окраска» (с.287). С этим выводом согласиться трудно, поскольку материал главы не дает тому убедительных доказательств.

Безусловно, этот сложнейший вопрос нуждается в основательном и скрупулезном изучении, требует знание хотя бы основных положений ислама, который в советское время был «не рекомендован» для изучения. Пока лишь можно усомниться в том, что «религиозная окраска» была характерна для повстанчества Северного Кавказа не только до 1925 г., но и для 1920-1921 гг., даже для борьбы горцев с Деникиным в 1919 – начале 1920 гг.

Если борьбу сторонников шейха Узун-Хаджи с Деникиным в 1919 г. считать «газаватом», священной войной с «иноверцами», то как тогда объяснить союз шейха с русскими большевиками, с повстанцами Н.Ф. Гикало, тоже «иноверцами»?

Такой же вопрос возникает и при рассмотрении вопроса о действиях Н. Гоцинского. Если, как пишет И.В. Яблочкина, на протяжении 1917-1920 гг. он выступал «против любой формы власти русских на Северном Кавказе», то почему он отказался бороться с Деникиным и получил от Узун-Хаджи презрительную оценку его верности исламу: «Я хотел сделать из него имама, а он оказался Иваном»?¹⁷⁰ (Заметим попутно, что В.А. Тишков ошибочно считает, что Н. Гоцинский вместе с Узун-Хаджи «на определенном этапе... сотрудничали с большевиками против белой армии генерала Деникина». Гоцинский почему-то назван в работе В.А. Тишкова Готсинским)¹⁷¹.

Во время мятежа Н. Гоцинского (сентябрь 1920 - май 1921 гг.) руководителям повстанцев иногда, конечно же, удавалось внушить горцам мысль о том, что восстание против со-

ветской власти и Красной Армии – это возобновление войны, которую вел Шамиль. Они объявляли красноармейским частям кровную месть, и те с необыкновенным фанатизмом защищали «чистоту веры». Но всеобщего «газавата» поднять не удалось.

В повстанческом движении Северного Кавказа (всего региона) в период его наивысшего подъема (июль-октябрь 1920 г.) участвовало не больше 2 % не взрослого, а всего населения. Едва ли в горских районах края этот процент был выше. Уже в силу малочисленности движения его затруднительно считать «газаватом». К тому же, в тех районах, где удавалось поднять население на борьбу, то и дело наблюдались случаи его неповиновения своим духовным вождям.

Случай отказа горцев выполнить приказ самого имама Н. Гоцинского произошел во время Ботлихской драмы, потрясшей обе воюющие стороны. 25 ноября 1920 г. по приказу Гоцинского в дагестанской крепости Ботлих было зверски уничтожено около 700 человек – красноармейцев Первого стрелкового полка Революционной дисциплины, сдавшихся в плен имаму.

Один из руководителей отрядов Гоцинского полковник Шамилев в переговорах с представителями полка дал красноармейцам честное слово горца в том, что при добровольной сдаче оружия они будут доставлены туда, куда пожелают, под надежной охраной. Как только 800 ружей были снесены в цейхгауз, в крепость приехал Гоцинский со свитой в 40 человек, которые ворвались в 2-этажное помещение, где был собран полк, и начали снимать с безоружных одежду, расстреливать и закалывать их. Немногим удалось выброситься со II этажа и убежать из ловушки. До чеченской крепости Ведено, где стояли войска Красной Армии, удалось добраться только около 100 обмороженным красноармейцам.

Они рассказали, что дошли только благодаря помощи населения аулов, через которые они бежали. Несмотря на строгий приказ имама отбирать у бежавших все, что у них осталось, морить их голодом, избивать или лучше убивать их, жители некоторых аулов укрывали беззащитных, кормили их, давали им проводников, которые небольшими группами и в одиночку доставили их в Ведено. Это было грубым нарушением приказа имама, который правоверные мусульмане должны

были исполнять неукоснительно, и за невыполнение которого им грозило суровое наказание¹⁷².

Разведсводки Кавказского фронта и Кавтрудовой этого времени пестрят сообщениями о враждебном отношении к повстанцам аулов Унцуль, Цудукара, Гимры, о том, что население аулов оказывает сопротивление повстанцам, даже уходит навстречу Красной Армии. Категорически отказались от мобилизации жители аула Анди. 12 января 1921 г. штаб Кавтрудовой получил от жителей аул Мукар письмо с просьбой о том, чтобы их село занял один из отрядов Красной Армии и оградил их от повстанцев. В начале февраля 1921 г. отказался выступить вместе с мятежниками аул Гидатль. Его жителей даже штаб повстанцев, находившийся в ауле, не мог заставить расчищать дорогу от снега, необходимую, якобы, для подвоза продовольствия и оружия из Грузии (Жители знали, что она нужна была для бегства повстанцев). За непослушание с них взимали штраф по 6 ф. муки в день с каждого двора¹⁷³.

Мятеж Н. Гоцинского на территории горной Чечни, действительно, носил ярко выраженный религиозный отпечаток, отличался религиозным фанатизмом. Отчасти это объяснялось тем, что его возглавлял внук Шамиля Саид-бей, непосредственно руководивший военными действиями. Но и здесь он не был в полном смысле «газаватом», «священной войной с русскими». Плоскостная Чечня в силу разных причин в мятеже Гоцинского не участвовала. Так что повстанческое движение Северного Кавказа лишь в отдельные периоды, в отдельных районах, лишь отчасти принимало иногда религиозную окраску, оно было формой классовой борьбы, но не «газаватом» против русских.

Нельзя не сказать о фактических ошибках, допущенных И.В. Яблочкиной в главе «Мусульманский фактор вооруженных выступлений Северного Кавказа».

Мюриды – это не мусульманские священнослужители, как считает автор (с.271), а послушники, последователи, ученики, ищущие знаний и особых приемов самосовершенствования в соответствии с методами избранного ими учителя (мюршида)¹⁷⁴.

Шейх-уль-ислам – это не «глава религии», как читаем на с.273, а особо почетный титул авторитетных улемов (ученых), знатоков теологии и религиозного права, и суфиев, мистиков,

главным смыслом жизни которых было приближение к богу, познание его¹⁷⁵.

«Союз объединенных горцев Кавказа» – это не «контрреволюционная организация на Северном Кавказе», как считает И.В. Яблочкина, руководство которой, по ее мнению, принимало «активное участие в создании и деятельности горской республики» (с.287, 288). Это название самой горской республики, провозглашенной на I съезде горских народов в мае 1917 г. в г. Владикавказе. Республика включала в себя «все горские племена, а также ногайцев и туркмен на территории от Каспийского до Черного моря, включая Ставрополье, Кубань, Черноморье»¹⁷⁶.

В главе говорится, что на I съезде горцев в мае 1917 г. Н. Гоцинский «смог... объявить себя лишь шейх-уль-исламом» (с.273). Другие исследователи уверяют, что на этом съезде его избрали муфтием, и он возглавил созданный на съезде же духовный совет¹⁷⁷.

Все историки едины во мнении, что Н. Гоцинский был четвертым и последним имамом Северного Кавказа. И.В. Яблочкина говорит еще об одном имаме. Ссылаясь на «агентурные данные ОГПУ», она пишет, что на съезде «руководителей отрядов Гоцинского, мулл из горной Чечни и Дагестана, а также представителей грузинских меньшевиков» (всего на съезде было 150 чел.), собранном самим Гоцинским 15 апреля 1924 г. в с. Нижелой, было вынесено постановление «о восстановлении шариатского Северо-Кавказского имамата в его прежних границах». На этом съезде, пишет автор «единогласно имамом был избран Каим-Хаджи» (с.295).

Это очень любопытное сообщение, но все в нем непонятно. О каком горском государстве идет речь? О том, что было провозглашено в мае 1917 г. во Владикавказе на I горском съезде? Или в сентябре 1917 г. на II съезде в с. Анди, где Гоцинского избрали имамом? Или в феврале 1918 г. на III съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре, где была предпринята новая попытка создания шариатского государства и где Узун-Хаджи и Гоцинский решили повторить процедуру избрания Гоцинского имамом?

Может быть, речь идет о «Северо-Кавказском эмирате» Узун-Хаджи, созданном на небольшой территории с центром в Ведено в 1919 г.?

Собирался ли Гоцинский добровольно сложить с себя полномочия и звание имама и, если да, то почему (поскольку сам собирал съезд)? Правомочен ли был съезд из 150 человек избирать нового имама? Грузинские меньшевики, присутствовавшие на съезде, тоже избирали его? Почему, если на съезде в с. Нижелой в апреле 1924 г. Каим-Хаджи избрали единогласно имамом, на с.298 Гоцинский называет имамом себя? Или были два имама одновременно? Как они разграничивали свои полномочия?

В работе И.В. Яблочкиной сказано, что Северный Кавказ «находился под контролем белогвардейских сил» «с середины 1918 г. по апрель 1920 г.» (с.271). На самом деле армия Деникина вошла в Осетию и Ингушетию в ноябре 1918 г. Территория Терской советской республики была занята в феврале 1919 г.¹⁷⁸. 20 мая 1919 г. войска Деникина заняли дагестанские города Порт-Петровск и Дербент¹⁷⁹. Ушла деникинская армия из региона не в апреле, а в марте 1920 г.

Ошибочно указаны в работе причины и время образования-расформирования СКВО. Автор считает, что военный округ был расформирован в марте 1920 г., а когда «политическая ситуация на Юге России оказалась настолько опасной, а угроза свержения Советской власти настолько реальной», приказом РВСР от 30 апреля 1921 г. СКВО «был образован» (с.242). И.В. Яблочкина понимает дело так, что с улучшением политической обстановки военный округ распускался, с ухудшением – создавался.

На самом деле – все наоборот. В марте 1920 г., после разгрома армии Деникина, когда обстановка улучшилась, вместо расформированного фронта создали (а не расформировали) СКВО. Когда военная обстановка к июлю 1920 г. резко осложнилась (Врангель высадил десанты в Приазовье и на Кубани), в августе 1920 г. СКВО был ликвидирован, а его войска вошли в состав Кавказского фронта. В мае 1921 г., когда «посветлело», СКВО был создан вновь (Заметим, что в сноске на с.233 все события изложены верно).

И еще одно уточнение. В работе сказано, что созданный 30 апреля 1921 г. СКВО «охватывал территорию Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний и Дагестана» (с.242). Здесь неточность. Созданные в начале 1921 г. горские автономии не входили в состав СКВО

до ноября 1921 г., что отчасти повлияло на усиление в них повстанчества. До октября 1921 г. он охватывал территорию Донской, Кубано-Черноморской областей, Ставропольской и Терской губерний. С ноября 1921 г. в округ вошли территории Кабарды, ГАСССР, Дагестана, а с мая 1922 г. – Калмыцкая обл.¹⁸⁰

В архивных документах то и дело искажаются собственные имена людей, географические названия и пр. К сожалению, автор работы перенесла их на страницы своего исследования, тогда как многие из них, наиболее известные, вполне можно перепроверить по работам исследователей. Так вместо А. Шерипова, К. Алиханова, Гибертиева, А. Богатырева, аула Автуры и др. читаем: Шарипов, Селиханов, Гебьюртиев, Богатыров, Автуры и др.

Нельзя умолчать о не совсем корректных методах использования работ коллег, которыми пользуется И.В. Яблочкина. При дословном цитировании статьи (например, на с.279) она ссылается не на статью, а на архивные ссылки, указанные в цитируемой статье (6 ссылок на с.279), к тому же допуская в них ошибки.

В 2002 г. вышел в свет альманах «Белая гвардия»¹⁸¹, целиком посвященный повстанческому движению в России. По проблеме повстанчества Северного Кавказа 1920-1925 гг. в нем помещены две статьи – «О численности повстанческих сил на Северном Кавказе в 1920-1925 гг.» Е.Ф. Жупиковой и статья Стрелянова (Калабухова) П.Н. «Армия возрождения России генерала Фостикова (март-октябрь 1920 г.), основанная на сведениях из дневников генерала. О них уже говорилось при обзоре напечатанных источников.

Выводы из анализа историографии и источников по интересующей нас проблеме с конца 80-х годов XX в. по сегодняшний день довольно неутешительны. Источниковая база для ее изучения почти отсутствует. Хотя в печати стали появляться отдельные документы по теме, научная их публикация, которая бы включала основной корпус источников с их основательным комментированием – все еще дело будущего. Как положительный факт в этом отношении следует отметить неоднократное переиздание Корана, что, несомненно, поможет изучению ислама, являющегося одним из факторов, влияющих на повстанческое движение.

Что же касается научных исследований по проблеме, то по ним, как справедливо заметила И.В. Яблочкина, разлилась «широкая волна дилетантизма, ворвавшаяся в историческую науку». Счастливые исключения, конечно же есть. Особенно отраднo то, что активно начинают изучаться проблемы ислама, в том числе на Северном Кавказе¹⁸², без чего, вне всяких сомнений, не может быть глубоко понята и проблема повстанчества.

д) Архивные источники

При видимом обилии опубликованных материалов (и документов, и литературы) их оказывается совершенно недостаточно, чтобы раскрыть историю повстанческого движения на Северном Кавказе в 1920-1925 гг. Поэтому ничего не оставалось, как заняться поисками новых, неопубликованных источников.

Выявление неизвестных ранее архивных источников оказалось сложным делом потому, что анализ причин повстанчества требовал привлечения документов по самым различным «ведомствам»: национально-государственное строительство, социальные отношения, аграрный вопрос, религия на Северном Кавказе, проблема культуры, создание аппарата советской власти на местах, проблема казачества, внешняя помощь повстанцам, действия Красной Армии и т.д., и т.п. Дело осложнялось еще и тем, что архивные фондообразователи «разбежались по национальным квартирам».

Материал по теме пришлось выявлять и изучать в 10 архивохранилищах страны - в 3 центральных (РГАСПИ, ГАРФ, РГВА) и в 7 республиканских и областных (в г.г. Грозном, Орджоникидзе, Ростове-на-Дону). В совокупности по теме обследовано свыше 150 фондов.

Собрание документальных материалов в партийном государственном архивах и в краеведческом музее бывшей Чечено-Ингушской АССР частично было утрачено в годы Великой Отечественной войны, в период депортации чеченцев в 1944 г. Неизвестно, уцелело ли что-нибудь от этого собрания после событий 90-х гг. в Чечне. К счастью, над многими архивами в г. Грозном нам удалось поработать в 70-80-е гг. В грозненских архивах и музее было просмотрено более 100 фондов.

Материалы республиканских и областных архивов в Грозном, Орджоникидзе, в Ростовских документохранилищах хотя и не позволяют воссоздать полную картину повстанчества, но содержат неоценимые богатства - факты, которые можно анализировать и обобщать. В основном, это фонды местных и областных ревкомов, исполкомов, СНК ГАСССР и его отделов, продовольственных комитетов, парткомов и партийных бюро, присланные на места материалы представительств Чечни, Ингушетии, Горской республики при Наркомнаце и пр.

При работе в 70-80-е гг. в бывшем ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ) на протяжении примерно двух месяцев (сделано было две общих тетради выписок) результаты оказались плачевными. Заведующая читальным залом запретила использовать выписки, сделав исключение примерно для 5 страниц.

Тем не менее, документы из РГАСПИ, если их ксерокопировал, зашифровывал своим «кодом» местный партархив (в частности, документы из фонда 17 - ЦК ВКП(б), его Пленумы, Политбюро, Секретариат и отделы) можно было все же использовать. Такую же «хитрость» пришлось применить к некоторым документам из личных фондов Г.К. Орджоникидзе (ф.85 в РГАСПИ), С.М. Кирова (ф.80), фонда Кавказского бюро ЦК РКП(б) - (в РГАСПИ это ф.64), Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) (ф.65).

Важнейшую роль для разработки истории повстанчества играют богатейшие материалы ГАРФ. В этом архиве были изучены документы фондов Совнаркома РСФСР (ф.130), ВЦИК и его отделов (военный, иногородний, казачий, общий, отдел национальностей) - ф.1235; фонд Наркомата по делам национальностей (ф.1318); фонд НКРКИ СССР (ф.374); НКВД (ф.393); фонд Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам при Президиуме ВЦИК (ф.5201) и др.

Самый большой корпус источников по интересующей нас проблеме отложился в РГВА, в фондах: Управление войсками СКВО (ф.25896), X Терско-Дагестанской армии (ф.39247), XI армии Кавказского фронта (ф.195); фонд Политуправления при РВСР (ф.9), управление делами РВСР (ф.4), Управление делами Кавказского фронта (ф.109), Штаба РККА (ф.7) и др.

Среди изученных в разных архивохранилищах материалов можно выделить:

а) документы и материалы, исходившие от ревкомов и исполкомов, местных парторганизаций, редко сельских сходов, раскрывающие их деятельность, показывающие их положение. В основном, это фонды местных ревкомов, исполкомов, партийных органов, СНК ГАССР, представительств горских республик при Наркомнаце.

б) источники, отражающие позицию работников центра, направленных на Северный Кавказ для работы в качестве полномочных представителей различных наркоматов РСФСР при Северо-Кавказском ревкоме; представителей ОГПУ, членов многочисленных комиссий, обследовавших горские области. Обширный материал по теме содержится в оперативных документах военных органов, ЧК-ОГПУ, ревтрибуналов, милиции и пр.

в) Группа документов, исходивших из антисоветского лагеря, представленная донесениями врангелевского «Комитета по очищению Терского края от большевиков», нотами Н. Гоцинского, программой партии «Ииттихиат-Ислам», агенты которой работали над созданием ячеек партии в горных областях Северного Кавказа. Сюда же можно отнести документы кубанских «самостийников» и повстанческих отрядов «с ориентацией на Врангеля», добытые разведотделом штаба СКВО, в которых изложена их программа, тактика борьбы, взаимоотношения с населением, приведены сведения о численности, структуре воинских формирований, финансировании и пр.

Из критического сопоставления данных этих источников можно воссоздать картины событий, близких к действительности. Этому способствует также использование в работе мемуарных свидетельств партийных, советских работников, работников просвещения, бывших свидетелями и даже участниками событий 20-х годов, к сожалению, ныне уже ушедших из жизни. Воспоминания А.А. Саламова, Х.Д. Ошаева, С.А. Зармаева, З.А. Гавришевской, Т.Т. Мальсаговой были собраны нами во время личных бесед с ними еще в 70-е годы.

Глава II. Причины повстанческого движения Северного Кавказа в 1920-1925 годах

§1. Общероссийские причины повстанчества

Непосредственный участник борьбы с повстанческим движением и историк Н. Какурин в феврале 1922 г. писал: «Упущалось из вида, что бандитизм - следствие целого ряда причин, а борясь со следствием, не затрагивая причин, мы рискуем всю нашу борьбу вести впустую... Впервые правильность этой точки зрения была проверена на опыте борьбы с бандитизмом летом 1921 г. в Тамбовской губернии, давшем блестящие результаты»¹.

Для «изучения войны с марксистской точки зрения» в октябре 1921 г. при Академии Генерального штаба было создано Военно-Научное общество (ВНО). Председателем его 20 октября 1921 г. был избран М.Н. Тухачевский. В этот же день правление ВНО к уже имевшимся 5 отделам «сочло необходимым организовать» еще 3, в том числе «отдел бандитизма», который «имеет задачей исследование повстанческого движения и бандитизма на всей территории РСФСР с целью выявления его классовой природы, подведения итогов и суммирования опыта борьбы с бандитизмом». Возглавил отдел А. Казаков. Отдел был разбит на «секции по изучению отдельных видов бандитизма на Украине, в Белоруссии, Туркестане, Сибири, на Кавказе и Великороссии». Северо-Кавказскую секцию возглавил Стройло.

На страницах своего вестника «Красная Армия» ВНО стало помещать статьи под общей рубрикой «Бандитизм на территории РСФСР»². Статьи этого и других периодических изданий 20-х годов, наряду со многими проблемами повстанчества, довольно основательно анализируют и причины движения, как общие, характерные для всей страны, так и специфические, которые были присущи отдельным регионам, в частности, Северному Кавказу.

В числе общих причин повстанчества Н. Какурин называет революцию, произошедшую в России. В процессе революции-ломки старых форм и отношений «образуется значительное количество обломков и осколков, которые, оторвавшись от своей привычной среды, не могут или не желают найти себе

места в новых образованиях общества и органически слиться с ним.» Н. Какурин считает «бандитизм» «попутчиком» всех революций, в том числе революции во Франции, где, по его словам, «бандитизм получил большее, чем у нас, развитие»: во время Французской буржуазной революции «на юге власть правительства ограничивалась лишь стенами городов и укрепленных пунктов».

«Слово бандитизм, бандит, - пишет Н. Какурин, - не русское, но великолепно передает сущность этого явления; оно является испорченным французским словом *bannu*, что означает изгнанник (по древнерусскому изгой), т.е. человек, в силу тех или иных причин отколовшийся от известного социального слоя».

«Этот беспокойный и частично бездомный элемент», по словам Какурина, явился «первыми основными кадрами бандитских образований, их вожаками», а «местные паразитические элементы охотно пополняют ряды этих шаек, увеличивая их численность».

Отмечая, что «в зависимости от условий места, среды», «бандитизм принимает крайне разнообразные формы и лозунги», Какурин призывал «детально и тщательно изучить обстановку», «хорошенько уяснить характер и природу, причины возникновения бандитизма..., классовый состав населения..., отношения различных группировок к бандитизму»³.

А. Казаков в числе причин повстанчества назвал нарушение союза между рабочим классом и крестьянством в период «военного коммунизма»: «...союз не только дал трещину, но и распался»; «распад происходил болезненно, с социальными потрясениями в виде ряда крестьянских восстаний и бандитизма, прокатившихся волною осенью 1920 г. и весной 1921 г.»

К причинам «второго порядка» А. Казаков относит «дезертирство и незаконные действия представителей власти на местах.» Уклонившиеся от мобилизации граждане, сознавая, что они являются нарушителями закона, опасаясь, что в любое время могут быть подвергнуты аресту, вынуждены были скрываться в лесах, отрываться от производительного труда, заниматься своим хозяйством лишь урывками, тайком от власти. А. Казаков считал, что к осени 1920 г. в одной только Тамбовской губернии числилось около 250 тыс. дезертиров.

Из «непростительных ошибок», допускаемых работниками, «присланными из центра для работы на окраинах и не знающих местных бытовых условий» им отмечены «колонизаторские тенденции», вызывавшие среди населения «широкое недовольство и даже целые восстания».

Говорит А. Казаков и о таких причинах повстанчества, как слабость советских и партийных органов на местах, малочисленность рабочего класса в России («слаб количественно и качественно пролетариат»), скопление на окраинах «массы всяких авантюристических элементов», хлынувших сюда после победы советской власти в центре страны.

В заключении статьи автор вновь возвращается к главной причине движения: «...напор на диктатуру пролетариата мелкобуржуазной стихии», который грозил всем завоеваниям Октябрьской революции, перерастал «в новую форму гражданской войны между бывшими союзниками» - пролетариатом и крестьянством.

«Искрой», вызвавшей взрыв, «толчком», приведшем в действие «всю эту мелко-буржуазную стихию», «центром», который придал движению организованный характер, Казаков называет «международный империализм, который, отказавшись от открытой помощи, скрытно поддерживает всякие контрреволюционные выступления»⁴.

В работах М.Н. Тухачевского, помимо уже перечисленных причин, названы специфические, характерные для национальных окраин. Так он писал в 1926 г., что в Фергане «Советская власть нажила себе врагов в лице мусульманского духовенства», лишив его права занимать административные должности, что они прежде делали по законам шариата.

Тухачевский относит к числу причин, «разжигавших страсти басмачей», «жестокые репрессии» по отношению к ним; «неосторожные мероприятия советских органов, не сумевших учесть сложного национального вопроса и проводивших старую экономическую политику с такой же прямолинейностью, что и в РСФСР». Автор утверждает, что советские органы «влили в туземное население уверенность, что Советская власть - такая же хищница, как и царская», вследствие чего, восстания «окрашивались лозунгами национального освобождения, к чему позже примешался и религиозный панисламистский лозунг»⁵.

Стройло видит в числе причин северо-кавказского повстанческого движения и общие («объявление продразверстки и начало в связи с ней репрессий», отсутствие товаров, тяжелый экономический кризис, хозяйственная разруха, несовершенство госаппарата и неумелый подход со стороны местных советских работников к населению, объявление трудовой и других повинностей, широкая мобилизация в связи с русско-польской войной, «давшая огромное количество дезертиров, перешедших на нелегальное положение»), и «чисто северокавказские». В числе последних Стройло считает наличие в регионе остатков деникинской армии. «Деникин далеко не все свои силы смог эвакуировать в Крым, значительная часть их осталась рассеянной по степям и горам Кубанской области». Они-то и создавали «на первых порах» повстанческие отряды различной политической ориентации. Способствовало усилению повстанчества, по мнению Стройло, и «аннулирование деникинских денег без замены их советскими». Это весьма интересное замечание, свидетельствующее о том, что на Северном Кавказе торговля имела место и в период «военного коммунизма»⁶.

Все авторы работ 20-х годов разделяли ленинскую точку зрения на повстанчество и его причины, изложенную им в многочисленных заметках, телеграммах, выступлениях. Ленинские работы содержат глубокий анализ истоков «политического бандитизма», но нигде им не высказано мнение о том, что он порожден революцией. Ленин ни разу не усомнился в необходимости революции, породившей это явление.

Переход от войны к миру, демобилизация армии обнаружили всю глубину разорения и нищеты страны, измученной Первой мировой и гражданской войнами, которые порождали «неизбежный ряд кризисов экономического и социального характера»⁷. Голод, неурожай, недостаток топлива, в значительной степени приостановивший транспорт, вызвали большие трудности при демобилизации армии.

Семь лет война отрывала армию от производства, отучала от регулярного мирного труда, превращалась для людей в основное занятие, в своего рода профессию. «Война приучала нас всю нашу страну, сотни тысяч людей только к военным задачам», - говорил В.И. Ленин. Тысячи демобилизованных, привыкших заниматься только войной, возвращаясь домой, вместо селений видели развалины и пепелища и, не находя се-

бе занятий, поставляли повстанческий элемент в невероятном количестве»⁸.

После войны на почве обострившегося кризиса крестьянского хозяйства, истощения, усталости от разверстки, неурожая, бескормицы, падежа скота усилились колебания среди крестьянства. Одновременно росло недовольство рабочих, которые в связи с закрытием предприятий, спасаясь от голода, уходили в деревню. На некоторых заводах происходили забастовки, наблюдались случаи ухода рабочих в повстанческие отряды⁹.

Источником «целого ряда кризисов: и хозяйственного, и социального, и политического» Ленин считал ошибки, допущенные партией на заключительном этапе гражданской войны, которая не могла учесть всех сложностей переходного периода от войны к миру, представляла его «как простой переход на тех же рельсах политики», тогда как он был сложным: «иные отношения к крестьянству, иной темп, иная обстановка. Демобилизация армии. Бандитизм. (Разорение, 7-летняя война)»¹⁰. Переход от войны к миру сопровождался потрясениями, «которые далеко и далеко не были учтены... Демобилизация поставила нас... перед задачами, далеко и далеко нами недооцененными»¹¹.

К числу причин, обостривших кризис и способствовавших развитию «бандитизма», В.И. Ленин относил бюрократизм государственного аппарата, ошибки в планировании, в распределении хлеба («не рассчитали ресурсов, не оставили на черный день»), много ошибок и не совершенств в Красной Армии, которая к тому же еще не имела опыта ведения «малой войны» с повстанцами. «Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно (несмотря на гигантский перевес сил и строгие приказы поймать)... И хлеб, и дрова, все гибнет из-за банд, а мы имеем миллионную армию», - писал Ленин Э.М. Склянскому 6 ноября 1921 г.¹²

Содействовали развитию «бандитизма» разногласия внутри партии большевиков, выразившиеся в наличии двух уклонов, в дискуссии о профсоюзах.

В стране, где гигантское преобладание крестьянства, недовольство которого пролетарской диктатурой растет, когда «кризис крестьянского хозяйства доходит до грани», а «демобилизация крестьянской армии выкидывает сотни и тысячи

разбитых, не находящих себе занятий людей, привыкших заниматься только войной, как ремеслом, и порождающих бандитизм, не время спорить о теоретических уклонах», - говорил Ленин на X съезде партии¹³. Делегат этого съезда от юго-восточных губерний И.И. Скворцов (Степанов) разделял мнение Ленина. Он прямо сказал, что, допуская дискуссию, ЦК РКП(б) «проморгал развитие бандитизма»¹⁴.

Важной причиной повстанчества Ленин считал темноту, распыленность и озлобленность отдельных крестьян - неизбежное наследие капитализма, с которым нужно было бороться годами. Большую роль в искоренении этих недостатков он отводил агитационно-политической работе среди масс, разъяснению им сущности политики Советской власти, разверстки. «До тех пор, пока мы не добьемся полного освещения всех этих вопросов, мы не перестанем получать известия о беспорядках, бандах, восстаниях»¹⁵.

В числе причин, позволивших «бандитизму» принять широкий размах, Ленин назвал действия «реакционных партий и международного империализма». «В бандитизме чувствуется влияние эсеров. Главные силы их за границей, они мечтают каждую весну свергнуть Советскую власть», - говорил Ленин 24 февраля 1921 г., характеризуя «политический бандитизм» Сибири. Действия правительств Польши, Финляндии, Румынии, помогавших повстанцам, он называл «авантюристическими шалостями с бандитами»¹⁶.

§2. Социальная структура населения региона Земельный вопрос в крае до 1917 года

Повстанческое движение Северного Кавказа имело, наряду с общероссийскими, свои специфические причины, которые были порождены сложными социально - экономическими и политическими условиями этого региона.

К 1917 г. Северный Кавказ был одним из самых мощных аграрно-промышленных районов и своеобразных социально - классовых комплексов страны, одним из главных производителей продовольствия и сельскохозяйственного сырья в России. Экспорт отборного зерна из региона равнялся 40% вывоза всей страны. На рынки Западной Европы поступало более 200 млн. пудов донского, кубанского, ставропольского и терского

хлеба.

Регион располагал богатыми природными ресурсами, довольно густой сетью коммуникаций. Все это способствовало формированию на его территории многоотраслевой промышленности. Возникнув как продолжение и дополнение центрального промышленного района, этот комплекс стал неотъемлемой частью экономического потенциала страны. Регион давал России 75% угля, 100% серебра, 20% нефти¹⁷.

Население региона в 1917 г. делилось на казаков, коренных крестьян и иногородних. Здесь было сосредоточено 70% всего казачества России (оно занимало 36,6% казачьей территории страны). Самым старым (его так и звали - «старший брат») и самым крупным казачьим войском было войско Донское (1,5 млн. чел.), вторым по величине было Кубанское (1,3 млн.), численность Терского равнялась примерно 260 тыс. человек¹⁸.

Кроме казаков, самыми многочисленными группами-сословиями в крае являлись так называемые иногородние и коренные крестьяне. Иногородними считались переселенцы, не получившие земельного надела и жившие на арендованной или купленной земле (оседлые) или существовавшие почти исключительно за счет сдачи в наем своих рук (неоседлые).

Коренными крестьянами считались потомки переселенцев до 1861 г., крестьяне горских народов, переселенцы начального периода пореформенного времени, успевшие получить земельный надел. Все коренные крестьяне были членами сельской общины.

Ни в одной из казачьих областей края казачество не составляло большинства населения. В Донской области на долю казаков приходилось около 39% населения, в Кубанской казачьи составляли около 46%, в Терской - чуть более 20%. Тем не менее, казачество считалось до революции главным сословием, а области именовались казачьими. Коренные крестьяне и иногородние в казачьих областях были лишены многих прав и являлись, по сравнению с казаками, низшим сословием.

На долю пролетариата региона приходилось 8,6% населения. В целом по России пролетариат составлял 14,8% по одним данным, 19,6% - по другим. При любом сопоставлении разница получалась значительная.

Помещичье хозяйство на Северном Кавказе занимало не-

значительное место. «Буржуазно - помещичьи классы» в регионе состояли на 86% из кулаков (в России - на 11,6%).

По проблеме дифференциации всего крестьянского населения региона у историков не сложилось единого мнения. В.Е. Щетнев, Б.И. Степаненко считают, что накануне революции в крае преобладали бедняки, А.И. Козлов называет преобладающей фигурой Юго-восточной деревни середняка¹⁹. Таким же дискуссионным вопросом является вопрос о расслоении внутри казачества.

По мнению северо-кавказских исследователей, крестьянство региона (в среднем) было обеспечено землей лучше, чем крестьяне России в целом. На одно хозяйство здесь приходилось 6,9 десятин посева (в России - 4,2 дес.), на душу населения (в среднем) засеивалось по 1,2 дес., (в России - 0,7 дес.)²⁰.

Так выглядела среднестатистическая обеспеченность земель крестьянской массы региона. Если же ее дифференцировать, то окажется, что львиная доля земли находилась у казаков. Земельный казачий пай (в среднем) на Дону составлял 12 десятин, на Кубани 12,5 дес., на Тереке - 18,8 дес.²¹.

Иногородние крестьяне находились в наиболее бедственном положении. На Дону безземельных среди них было 95%, на Кубани - около 98%. Они вынуждены были прибегать к аренде земли²².

Поистине микроскопическими были пахотные участки коренных крестьян горских народов. В среднем, они равнялись 0,57 дес. на 1 душу горца. Вопрос о безземелье горцев Северного Кавказа не раз поднимался еще до революции.

В 1906 г. была создана специальная комиссия для исследования в горной полосе Терской области. В 1908 г. была закончена работа этой комиссии. В 1911 г. официальный проект кавказской администрации об остром аграрном голоде у горцев «добрался до Санкт - Петербурга». А. Авторханов пишет, что до 1914 г. он «пролежал под сукном Его Величества», а вспыхнувшая в 1914 г. Первая мировая война окончательно похоронила все «внутренние проблемы».

По сведениям упомянутой комиссии, приводимым Г. Цаголовым в газете «Терские ведомости» за 1912 г. (ими пользуются и современные историки), на одну мужскую душу в нагорной полосе (в среднем) приходилось десятин:

	пахот- ная зем- ля	покос	леса	выгон и пастбища	всего
Кабарда	0,26	1,4	2,7	11,8	16,16
Осетия	0,4	1,4	0,6	4,1	6,5
Ингушетия	0,3	1,2	-	4,3	5,8
Чечня	1,2	1,7	-	2,3	5,2
Салтавия	0,7	0,8	-	2,4	3,9
Всего	0,53	1,3	-	4,9	7,5

«Приводимая таблица, - пишет Г. Цаголов, - подтверждает отзывы исследователей Нагорной полосы о том, что на развитие хлебопашества здесь нет никакой надежды: на долю пахотной земли приходится самый незначительный процент имеющейся у горцев земли»²³.

Наибольший процент всей земельной площади горца приходился на выгоны и пастбища, т.е. на поверхность, годную только для скотоводства. Но и ее было слишком мало. По подсчетам специалистов, для организации рентабельного скотоводства выгоны и пастбища должны были составлять не менее 50 десятин на одну мужскую душу, у горца же (в среднем) они составляли 4,9 дес.

Средний земельный пай горца (7,5 дес.), как полагал Г.А. Цаголов, мог прокормить только 14 % проживавшего в горах населения, остальные 86 % должны были переселиться оттуда или медленно вымирать от голода и болезней. «Из каждых 7 душ мужского пола Нагорной полосы за убогим столом природы имеется прибор только для одного человека, остальные 6 должны встать из-за стола».

67 % населения в горах Кабарды, 88 % населения Осетии, 89 % - Ингушетии, 90 % населения Чечни было «избыточным», т.е. «лишними ртами». Земельный голод у них был, действительно, вопиющим, о чем говорили на заседаниях Государственной думы в 1906 г., в 1907 г. избранные от Терской области А.П. Маслов и Т.Э. Эльдарханов. Это тогда было сказано, что у чеченца столько земли, сколько помещается под его буркой, а кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько сама корова²⁴.

По поводу речи Т. Эльдарханова в 1907 г. в Государственной думе В.И. Ленин заметил: «От имени своих избирателей -

туземцев Терской области Эльдарханов ходатайствует, чтобы расхищение природных богатств было бы приостановлено впредь до разрешения аграрного вопроса»²⁵.

Чтобы существовать, горцы арендовали земли у своих соплеменников в плоскостных аулах или у казачьих обществ, за что ежегодно выплачивали: Кабарда - 65,5 тыс. руб., Осетия - 230,6 тыс. руб., Ингушетия - 49,5 тыс., Чечня - 400 тыс.руб.²⁶.

Земельный вопрос на Тереке, который не решили ни царское, ни Временное правительства, продолжал оставаться основной сутью главного клубка противоречий не только на стыке горских и казачьих земель, но и по всему краю. Им предстояло теперь заняться советской власти, установившейся на Северном Кавказе в 1918 г.

§3. Аграрная политика советской власти на Северном Кавказе. Причины участия в повстанчестве казачества

4 марта 1918 г. на II съезде народов Терека в Пятигорске (с 5 марта съезд переехал во Владикавказ) на Тереке «был совершен Октябрь»: съезд большинством голосов (220-за, 22-против, 44-воздержалось) признал власть СНК РСФСР. Он провозгласил образование на территории Терской области Терской народной республики, объявив ее составной частью РСФСР, принял ее конституцию, создал высшие органы - Терский народный совет и СНК.

По конституции Терской республики в национальных округах и казачьих отделах органами власти объявлялись не Советы рабочих, крестьянских, казачьих и горских депутатов, а народные советы и их исполкомы, в которые имели право избирать и избираться имущие классы. Сохранялись думы и управы. Таким образом, на Тереке установились не советская, а «народная» власть, высшим органом которой являлись съезды народов Терека. Признание власти советов в центре, но пока без организации советской власти на местах - так можно характеризовать специфику народной Терской республики с марта до конца 1918 г. Процесс советизации происходил здесь постепенно. Особенно усилился он после V съезда народов Терека (ноябрь 1918 г.), когда началась активная ликвидация народных советов. Только в середине января 1919 г. ВЦИК РСФСР санкционировал переход власти в области в руки Со-

ветов и утвердил наименование высшего органа власти в области - «Терский областной комитет Советов рабочих, горских, крестьянских и красноармейских депутатов»²⁷.

Съезды народов Терека (до прихода в Терскую область армии Деникина в начале 1919 г. их прошло 5) поэтому нельзя называть, как это делает П. Полян²⁸ съездами Советов: на съездах были представлены самые различные организации: Советы, городские думы, сельские самоуправления, военно-революционные комитеты, делегаты, избранные на сельских и станичных сходах²⁹.

Земельный вопрос, который «всегда делал политику Терской области», горячо обсуждался на всех съездах народов Терека. На II съезде горские делегаты выступили с требованием вернуть их исконные земли, что вызвало недовольство казачества. После того, как съезд проголосовал за решение III Всероссийского съезда Советов о социализации земли, часть казачьих делегатов ушла со съезда, заявив что только Учредительное собрание имеет право решать земельный вопрос. Никаких конкретных мер по практическому осуществлению советских земельных законов съезд не принял.

III съезд народов Терека (22-28 мая 1918 г., г. Грозный) подтвердил решение II съезда о конфискации помещичьих и крупных частновладельческих земель, отменил частную собственность на землю, запретил куплю-продажу земли, установил сроки перераспределения земли с тем, чтобы наделить прежде всего безземельных горцев и беднейшее казачество.

На такие решения, безусловно, повлияли и сложнейшая политическая обстановка в области, и наступление турецкой армии на Кавказ, и выступления представителей горских фракций на съезде.

23 мая делегат ингушской фракции Эльдиев, назвав земельный вопрос «альфой и омегой всех кровавых столкновений, какие были в области и какие могут быть», сказал, что он для горцев - «вопрос жизни и смерти»³⁰.

С большой речью на съезде выступил делегат чеченской фракции А. Шерипов.

Он заявил, что «от способов решения земельного вопроса «зависит исход революции в Терской области».

«У нас, горцев, нет фабрик и заводов, все благополучие нашего существования зависит от разрешения земельного вопроса. На справедливое разрешение земельного вопроса мы

проса. На справедливое разрешение земельного вопроса мы имеем право историческое, политическое и право революции...

60 лет назад царские генералы, кумыкские князья с казачеством ограбили у горцев ту землю, которую занимают они сейчас и на часть которой претендуют обездоленные горцы...

Армия безземельных горцев не может оставаться более в рабском состоянии покоя и, если она поднимается, то ничто не в состоянии будет ее удержать. Если эта армия не получит удовлетворения своих законных нужд и требований, она может стать страшной силой в руках контрреволюционеров..., удовлетворите наши справедливые требования, дайте нам родину, и вы найдете в ней достойных товарищей, которые честно и самоотверженно вместе с вами пойдут сражаться против всяких нашествий».

На крики казачьих депутатов: «Не боимся, не запугаете! Это ультиматум!» Шерипов ответил: «Мы сказали вам объективно о настроении наших масс, никакого ультиматума тут с нашей стороны не было»³¹.

Для наделения безземельных (в резолюции III съезда было записано: «В первую очередь удовлетворяются безземельные горные жители Ингушетии, Осетии, Чечни, Балкарии и иногородние из запасного земельного фонда области») образовывался запасный земельный фонд. Резолюция называет 3 источника его формирования: земли, полученные «путем уничтожения чересполосицы»; избытки «после распределения земли по установленной уравнительной норме»; частновладельческие земли.

Заметим, что уничтожению чересполосицы в резолюции отведено первое место. Провести ее предполагалось путем «безболезненного переселения» казаков на новые земли, а горцев - в казачьи станицы, «чтобы установить, наконец, мир между ними».

За резолюцию по земельному вопросу («немедленно приступить к урегулированию чересполосицы путем переселения для уравнивания национальных границ применительно к закону о социализации земли») проголосовало 303 делегата, ни одного - против, 127 воздержались.

Участники III съезда народов Терека постановили, что «переселение должно производиться так, чтобы переселяемый попадал по возможности в однородные с прежними привыч-

ными ему сельскохозяйственными и климатическими условиями».

Для обустройства на новом месте казакам должна была быть выдана беспроцентная ссуда. За оставленное ими в станицах имущество те, кто вселялся в станицы, должен был заплатить «по справедливой оценке». Вопрос о времени и способе удовлетворения выселяемых решали органы народной власти.

Территория, куда должны были переселить станицы, отводилась заранее и там «создавались условия для населения». До переселения власть и соседствующие с предполагаемыми к переселению станицами горцы должны были принять все меры «к ограждению мирной жизни и имущества названных станиц».

Резолюция назвала проведение земельной реформы первоочередной задачей Народного Совета и СНК Терской республики, объяснив причины этого: «ввиду серьезности момента и зависимости стойкости общего фронта защиты области от решения земельного вопроса».

III съезд народов Терка наметил к выселению 4 станицы: Тарскую, Сунженскую, Воронцово-Дашковскую и Фельдмаршальскую, а затем их передать ингушам³². Следует уточнить: станица Сунженская не переименовывалась в аул Акки-Юрт, как утверждает П. Полян³³. Переименована в Аки-Юртовскую (другие написания Акки-Юртовская, Акхи-Юртовская) была станица Воронцово-Дашковская.

О том, как переселяли эти станицы в 1918 г., подробно говорится в докладе делегации казаков и крестьян Терской области во ВЦИК от 22 декабря 1920 г.³⁴

Вину за переселение авторы доклада возлагают не на советскую власть, а на горцев, в частности, на А. Шерипова, который на III съезде народов Терка в мае 1918 г. предъявил «чуть ли не ультиматум Советской власти» в трудный для нее момент, когда «турки заняли Елисаветполь и двигались на Баку», заявив: «Если вопрос об уничтожении чересполосицы путем переселения не будет разрешен на данном съезде в положительном смысле, то чеченский народ с оружием в руках сам разрешит этот вопрос». Выступление А. Шерипова авторы доклада считают главным основанием для выселения станиц.

Из доклада следует, что в 1918 г. были выселены 3 стани-

цы: Сунженская, Тарская с хутором и Аки-Юрт (бывшая Воронцово-Дашковская). Станица Фельдмаршальская, предназначенная к выселению решением III съезда народов Терека, как и другая станица Кохановская, по словам авторов доклада, в конце 1917 г. «были сожжены ингушами, скот угнан ими, а казаки скитались по соседним станицам».

Как и следовало ожидать, переселение казаков отнюдь не было «безболезненным». Во время выселения станицы Тарской, писали авторы доклада, ее жители «отбивались от ингушей и красноармейцев», в чем им помогали осетины».

Следует пояснить, что в 1918 г. Осетия была против выселения казаков. 5 декабря 1918 г. на V съезде народов Терека делегат Осетинской фракции С.А. Такоев говорил: «Несомненный факт, что горцы малоземельны, но разве для того, чтобы наделить их землей, необходимо лишить земли других трудовых землеробов?...Осетинская фракция поручила мне заявить следующее: раз мы в пятый раз собираемся на съезде трудового народа, то земельный вопрос мы должны разрешить в интересах всех трудящихся элементов.

Чем же виновато трудовое казачье население, что его, хотя бы и в стратегических целях, поместили здесь? Я полагаю, что выселением казачьих станиц мы добьемся не пролетарского решения вопроса, разрешения его не на трудовых началах, а на буржуазных».

С.А. Такоев, который был председателем II и III съездов народов Терека, призывал к единению: «Мы все - и горцы, и казаки одна - трудовая семья и нам необходимо жить в мире и братстве. Но уничтожая чересполосицу, мы снова подойдем к гражданской войне. Осетинская фракция поручила мне заявить, что она с уничтожением чересполосицы не согласна». Делегат высказал подозрение: «Тот, кто требует уничтожения чересполосицы, тот, несомненно, имеет какую-то заднюю мысль³⁵.

Н.Ф. Бугай и А.М. Гонов явно ошибочно приписали речь С.А. Такоева Г.К. Орджоникидзе, из чего последовал безосновательный вывод о якобы неоднозначной позиции Орджоникидзе по вопросу о переселении станиц и о его сомнениях в правильности этой меры³⁶.

Факты помощи осетин казакам при выселении их в 1918 г. подтвердил 25 сентября 1920 г. член осетинского ревкома в

Наркомнаце: «Вопрос об уничтожении этой чересполосицы еще в 1918 г. остро стоял перед мусульманскими народами Северного Кавказа. В то время лишь Осетия стояла против выселения». В 1920 г., пишет автор доклада, «и Осетинский ревком стоит за уничтожение казачьего клина, разделяющего Осетию на две части»³⁷.

Авторы письма во ВЦИК в декабре 1920 г. сообщали о том, что казаков станицы Тарской, сопротивлявшихся переселению «в спешном порядке выселили в Пятигорский отдел». Казаки писали, что «многие мужчины были расстреляны».

К началу V съезда народов Терека (ноябрь 1918 г.) три станицы были выселены, а ингуши были «удовлетворены в отношении земельного фонда», как с удовлетворением отметил в своем выступлении представитель горцев Цаликов.

Но, похоже, проведение «безболезненной» акции удручающе подействовало на многих делегатов съезда. Тот же Цаликов даже выразил сочувствие казакам: «Я знаю, что трудно перейти из своего гнезда, где человек жил десятки лет, на другое новое место». Он осудил способ переселения казаков: «Тот метод, по которому недавно был разрешен этот вопрос, то есть с оружием в руках, нельзя принять...Я не являюсь непреклонным сторонником переселения».

В то же время делегат заявил: «Мы должны дать землю горцам. Откуда ее взять? У казаков». Проводить земельную «реформу» оратор предлагал так, чтобы «не было недоразумений»³⁸.

Фракция левых эсеров признала «незаконмерным полное уничтожение чересполосицы и связанное с этим выселение казачье-крестьянского элемента из давно насиженных мест». Свое решение левые эсеры обосновывали многими доводами, в том числе тем, что уничтожение чересполосицы «отстраняет возможность в настоящем и будущем тесного и братского единения народностей, населяющих Терскую область», «ведет к разрушению народного хозяйства»³⁹.

Как уже было сказано выше, делегат осетинской фракции С.А. Такоев заявил, что его фракция «с уничтожением чересполосицы не согласна». После речи Такоева один из чеченцев с места сказал: «Если социализация земли будет проведена без уничтожения станиц, против этого мы ничего не имеем, но мы должны все же получить землю»⁴⁰.

Фракция большевиков предложила считать, что «разрешение земельного вопроса в области отнюдь не стоит в плоскости исключительной необходимости переселения аулов, станиц и селений, а стоит в плоскости равномерного распределения всего областного фонда между трудящимися всех народов области»⁴⁰.

V съезд принял эту резолюцию с добавлением слов: «...не исключая частного устранения чересполосицы по мере надобности и с соглашения заинтересованных сторон».

Съезд решил «немедленно наделить безземельных и малоземельных горцев, крестьян и казаков землю из областного фонда в нижеследующем размере (в десятинах):

1. Горским обществам Балкар 24384
  2. Горным чеченцам Веденского округа 46000
  3. Горным чеченцам Грозненского округа 44000
  4. Горным осетинам Владикавказского округа 30000
- Всего (вместе с другими) 2000000»

Все «трудовое население» выселенных станиц Тарской, Сунженской и Аки-Юрт, а также беженцы разоренных слобод и хуторов тоже немедленно наделялись из того же областного фонда в местах, определяемых областной властью⁴¹.

Из доклада «О земельном довольствии трудового населения Терской республики, с которым выступил на заседании съезда 5 декабря 1918 г. П.Н. Раджаев, следовало, что частновладельческих земель в Терской области было 336000 десятин, казенной-236000 десятин.

По расчетам Раджаева, нуждающимся горцам из частновладельческих земель было «необходимо отыскать» 72.492 дес., остальную недостающую землю надо было изыскивать у казаков. V съезд принял решение о передаче части земель, занимаемых казачьими станицами (которые пока еще не переселялись), «трудящимся ингушам, чеченцам и осетинам»⁴². По этому переделу Чечня получила 15 тыс. десятин⁴³.

По сельскохозяйственной переписи 1917 г. в Терской области, по словам П.Н.Раджаева, было «70 казачьих станиц с населением 277891 душ обоего пола.

- В Кизлярском отделе 21 станица 60846 чел.
в Моздокском отделе 15 станиц 68675 чел.
в Пятигорском отделе 14 станиц 82234 чел.
в Сунженском отделе 20 станиц 66136 чел.»⁴⁴

Из 70 казачьих станиц Терской обл. советская власть намеревалась переселить 18 с населением в 60 тыс. чел.⁴⁵ Успели до прихода в область армии Деникина выселить 3. Результатом начавшегося переселения и «черного передела» земли остававшихся в области казаков было то, что горская беднота защищала советскую власть, большевиков от деникинцев, как говорил А. Авторханов, «не по обычаям горского гостеприимства, а по соображениям классового порядка»⁴⁶. В то же время аграрная политика большевиков привела к вооруженному сопротивлению со стороны казаков и способствовала утрате советской власти в области.

А.И. Деникин, армия которого заняла Терскую область в феврале 1919 г., возвращал казаков в их станицы, поэтому в 1920 г., после разгрома деникинцев, станицы пришлось выселять вторично.

Авторитет большевиков среди горцев был так высок, что горцы не только воевали вместе с ними против Деникина, скрывали их от него, но делились всем, что имели сами. Н.Ф. Гикало, возглавлявший Группу повстанческих войск в горах Чечни, не хотел ничего брать у чеченцев бесплатно, но поскольку денег у него не было, он выдавал горцам расписки, в которых обязывался вернуть плату за услуги «после победы Советской власти».

Одна из «комиссий по расследованию долговых обязательств Повстанческого отряда т. Гикало» 9 октября 1920 г. постановила «признать долг по удостоверениям и другим распискам», выданным Н.Ф. Гикало за февраль-май 1920 г. на сумму 1109437 руб. Этим же актом комиссия утверждала список владельцев подвод, которые давали их Красной Армии, даже плату за кувшин, за медный чайник для Штаба Группы повстанческих войск. (Комиссия оценила чайник в 3000 руб.)⁴⁷

Г.К. Орджоникидзе не без основания докладывал в СНК РСФСР 10 июля 1919 г. о том, что при приближении Красной Армии к Северному Кавказу горцы «как один человек восстанут против Деникина». «Можно сказать без всякого преувеличения, что нигде Советская власть не популярна так, как среди угнетенного горского населения Северного Кавказа», - писал Орджоникидзе в этом докладе.⁴⁸

На партийной конференции 27 октября 1920 г. он продолжал говорить о том, на чем настаивал всегда: «Партийная ра-

бота нигде не требует такой чистоты, как у горцев. Коммунист по ихнему святой».⁴⁹

Нет ничего удивительного в том, что Чечня (не вся, конечно) так восторженно встретила Красную Армию в марте 1920 г. Заведующий инспекторско-консультантского отдела Северо-Кавказского ревкома Банквицер, который прибыл на Северный Кавказ еще до прихода сюда Красной Армии для создания органов советской власти на местах, свидетельствует, что ингуши, чеченцы, осетины «встречали нас с еще большей радостью, чем ставропольские крестьяне», а когда он «вместе с Мдивани и Лактионовым» приехал в столицу Ингушетии Назрань, «весь ингушский народ, начиная от 16-летних мальчиков до седобородых стариков с красными и зелеными знаменами во главе со своими муллами верхом и в полном вооружении устроили нам торжественную встречу».⁵⁰

Американский историк Г. Дерлугьян почему-то находит союз «чеченских исламистов и северо-кавказских большевиков», сложившийся во время гражданской войны, «странным», хотя сам признает, что «значительная часть чеченцев готова была принять советскую власть на идейном уровне».⁵¹ Горцам близка была политика большевиков по возвращению им их бывших земель. Не только, но во многом поэтому горцы поддерживали коммунистов. В период гражданской войны часть духовенства, так называемые «бедные муллы» вместе с горской беднотой боролись за советскую власть, проявляя даже желание «записаться в Коммунистическую партию». В своем выступлении в с. Назрани 16 марта 1924 г. мулла ингушского аула Шалги Магомед Мистоев с гордостью сказал, что «21 ингушский мулла пал в борьбе за Советскую власть».⁵²

Намереваясь обустроить все народы Северного Кавказа, советская власть не смогла защитить интересы казаков, которые не могли не противиться крестьянской революции как привилегированные землевладельцы.⁵³ В том, что они довольно долгое время оставались «вандейскими войсками» и после революции, немалую роль сыграла политика советской власти по отношению к ним.

У В.И. Ленина, несомненно, были основания говорить в сентябре 1917 г. о том, что на казачьей окраине России «можно усмотреть социально экономическую основу для русской Вандеи»⁵⁴: казачество оставалось «таким же монархиче-

ским»⁵⁵, казаки так же боролись «за свои привилегии»⁵⁶; уповая на казаков, император Николай II затыгивал с отречением от престола; Временное правительство с их помощью покончило с двоевластием; их широко привлекали для карательных экспедиций против крестьянских выступлений в августе-октябре 1917 г.; они усмиряли вышедшие из повиновения большевизированные воинские части; они разгоняли и расстреливали Советы после июля 1917 г.

После установления своей власти большевики стремились «изжить» этот феномен, это своеобразное «войско-сословие», «народ-помещик», прекрасно отдавая себе отчет в том, что среди него есть и союзник пролетариата - бедняк, и колеблющийся середняк, которых надо было оторвать от верхов казачества, казачьего чиновничества офицерства и привлечь на свою сторону.

Меры, которыми большевики пытались решить казачий вопрос, «унифицировать» казачество, были весьма своеобразны и противоречивы.

Конкретным выражением политики власти явились: пятый пункт декрета о земле («земля рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуется»); «Обращение II Всероссийского съезда Советов к казакам» («Вам говорят, что Советы хотят отнять у казаков землю. Это ложь. Только у казаков-помещиков революция отнимет земли и передаст их народу»); воззвание ВЦИК к казакам от 1(14) ноября 1917 г. («Казаки! Переходите на сторону победившего народа!»); обращения СНК от 25 ноября (8 декабря) 1918 г. «Ко всему трудовому населению о борьбе с восстаниями Каледина и Дутова (контрреволюционеры «превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей») и «К трудовым казакам», разъяснявшее политику советской власти по отношению к казакам; обращение, подписанное В.И. Лениным от 9(22) декабря 1917 г. «Ко всему трудовому казачеству» с постановлением об отмене обязательной воинской повинности и других льготах казакам.⁵⁷

Результаты такой активной политики изучены историками, хотя дискуссии о том, «когда и насколько» бедняки и середняки казачества «отошли от лагеря контрреволюции» и заняли «позицию нейтралитета» или «поддержали Советскую власть «вряд ли когда-нибудь закончатся.

С начала социалистической революции в деревне, когда весной 1918 г. беднейшее крестьянство решительно поставило вопрос об уравнительном переделе земли, который в условиях Северного Кавказа поворачивался сразу же против казачества, в том числе его средних слоев, как наиболее массового земельного собственника - с весны 1918 г. «на волне возникшей тревоги за судьбу сословных привилегий запылали антисоветские мятежи»⁵⁸.

А.И. Козлов справедливо считает «далеко не бесспорными» (в отношении казачества Дона, Кубани, Терека) положения о том, что:

1) основная масса казачества перешла на сторону советской власти с конца 1918 г. по январь 1919 г.;

2) основная масса середняцкого казачества с лета 1918 г. по осень 1919 г. была нейтральной;

3) в ноябре-декабре 1919 г. в рядах РККА казаков было уже больше, чем у белых.⁵⁹ В нашу задачу входит поиск причин того, почему на заключительном этапе гражданской войны казачество, вернее часть его, все еще находилось в антисоветском лагере, какова была доля его участия в повстанческих отрядах 1920-1925 гг.

Помимо довольно взвешенных мер, проводимых советской властью в отношении казачества, были и другие. В директиве Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. наряду с задачами нейтрализации среднего казачества главный упор делался на репрессивные меры. Это циркулярное письмо к местным партийным организациям за подписью Я.М.Свердлова признавало «единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления - никакие компромиссы, никакая половинчатость недопустимы»⁶⁰. Ответом на директиву было восстание донских казаков. 16 марта 1919 г. Пленум ЦК РКП(б) вынужден был приостановить действие директивы.

По отношению ко всем казакам без разбору проводились массовые репрессии, были приказы местных властей об упразднении названия «станица», «казак», о запрете казакам носить лампасы, были реквизиции в том числе и у трудового казачества конской упряжи с телегами, отменялись местные ярмарки и пр. Ленину пришлось призвать РВС Кавказского фронта телеграммой от 3 июня 1919 г. «быть особенно осто-

рожными в ломке таких бытовых мелочей», даже делать «по-блажки в привычных населению архаических пережитках», поскольку они в общей политике «совершенно не имеют значения», а «ломка» их только «раздражает население»⁶¹.

После освобождения в марте 1920 г. Северного Кавказа от деникинской армии, кажется, ни у кого не было сомнения в том, что опорой советской власти в крае являются горцы, среди которых подавляющую часть составлял бедняк, ее союзник. По отношению к казачеству такой твердой и однозначной позиции, похоже, у центральных и местных властей не было.

В конце февраля- начале марта 1920 г. в Москве состоялся Первый Всероссийский съезд трудового казачества. На основе его решений СНК 25 марта 1920 г. принял декрет «О строительстве Советской власти в казачьих областях». Для проведения декрета и решений съезда в жизнь на места были направлены агитпоезда Казачьего отдела ВЦИК «Красный казак» и агитпоезд ВЦИК «Октябрьская революция», которые побывали во многих городах и на станциях, где проводили митинги, инструктировали работников местных исполкомов о создании казачьих секций при исполкомах и их функциях.

27 апреля 1920 г. Северо-Кавказский ревком намеревался для стабилизации обстановки на Тереке разоружить и казаков, и пограничные с казачьими станицами горские аулы. Г.К. Орджоникидзе предложил на этом заседании ревкома вопрос о разоружении горцев снять с повестки дня: «...несмотря на разбойничий дух, они являются угнетенным элементом на Северном Кавказе и единственно верным оплотом Советской власти», - сказал он⁶².

В мае 1920 г. на совещании казаков в Пятигорске (оно собралось вместо несостоявшегося казачьего съезда) Орджоникидзе на жалобы казаков о грабежах их чеченцами и ингушами ответил: для урегулирования взаимоотношений русского населения с горцами необходимо устранить чересполосицу путем переселения всех станиц, территориально прилегающих к горскому населению⁶³.

К 15 мая 1920 г., как сообщает в своем отчете Терский облземотдел, он временно (чтобы не оставить поля незасеянными) распределил между нуждающимися горцами и иногородними «все частновладельческие земли, земли некоторых казачьих станиц и так называемые оброчные земли». Только

во Владикавказском и Назрановском округах «было распределено между горцами до 30 тыс. дес. земли»⁶⁴.

1 июня 1920 г. на заседании северо-кавказского ревкома Мдивани в своем докладе заявил, что «политика Севкавказревкома опирается на горцев», что «единственная наша реальная опора - это горцы», что «надо уничтожить чересполосицу и дать горцам землю - переселить казаков на левый берег Терека, а горцам (ингушам, осетинам, чеченцам) - дать правый»⁶⁵.

Не столь однозначной позиции на вопрос о переселении терских казаков и вообще на казачий вопрос придерживался В.И. Ленин.

Выселение терских станиц, возобновленное весной 1920 г., вызвало массовое недовольство казачества. В условиях политической ситуации того времени, когда гражданская война не была еще закончена, когда советская власть в регионе еще не окрепла, а значительная часть казаков переходила в лагерь контрреволюции и, к тому же, переселение не могло полностью покрыть нужду горцев в земле, а вело к обиде не только контрреволюционного, но трудового казачества и не вносило успокоения в отношения между горцами и казаками - в такой обстановке в конце июня 1920 г. В.И. Ленин подписал телеграмму Владикавказскому ревкому с предписанием немедленно приостановить принудительное расселение казаков станиц Тарской, Сунженской, Воронцово-Дашковской и отчуждения у них пахотный земель.

Биографическая хроника В.И. Ленина показывает, как напряженно и тщательно работал Ленин над изучением казачьего вопроса в эти месяцы. Он выслушивает выступления казачьих делегатов на съезде трудовых казаков в Москве в марте 1920 г., сам выступает на нем, сопоставляет различные точки зрения, обсуждает казачий вопрос в разных инстанциях - и только 19 октября 1920 г. подписывает декрет о землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях для внесения его во ВЦИК^{65a}. 18 ноября 1920 г. декрет был узаконен. Он фактически не затронул казачье землепользование.

Вполне обосновано мнение В.В. Щетнева о том, что в условиях политической ситуации конца 1920 г. идти на ломку казачьего землевладения было нецелесообразно, в то время была необходима осторожная земельная политика^{65b}.

В это время Ленин продолжал считать союзниками совет-

ской власти на Северном Кавказе горцев. 28 сентября 1920 г. после продолжительной беседы с ним С.М. Киров писал Г.К. Орджоникидзе о ленинских указаниях: «Общая линия поведения - опора на горцев. Землю надо дать чеченцам»⁶⁶. Вместе с тем, он, вероятно, еще в июне 1920 г. пришел к выводу о необходимости отмены выселения терских казаков, поскольку послал об этом телеграмму во Владикавказ, ориентируя работников, посланных на Северный Кавказ из центра, на поиск других путей решения вопроса о наделении горцев землей.

Такие противоречивые указания центра выполнить было невозможно. Из уже упоминавшегося декабрьского 1920 г. доклада делегатов от казаков и крестьян Терской области во ВЦИК⁶⁷ следует, что горцы только весной 1920 г. получили 80 тыс. дес. земли: 40 тыс. дес. были отрезаны «весной 1920 г. от юртовых станичных наделов» и 40 тыс. дес., оставшихся «после выселения станиц Сунженской, Тарской, Аки-Юрт, Фельдмаршальской».

В этом докладе описано, как началось восстание терских и сунженских станиц в сентябре-октябре 1920 г. Складывается впечатление, что станицы поднимались на него неохотно, почти вопреки своему желанию, и во время восстания далеко не все «поддерживали затею бело-зеленых». Как доклад, так и другие источники не оставляют сомнений в том, что восстание было вызвано, в основном, земельной политикой советской власти по отношению к казакам, тем более, что до этих событий терские казаки резко враждебным отношением к советской власти не отличались.

Хотя выселенным казакам выделялись земельные наделы в других районах Северного Кавказа и для устройства на новых землях они получали денежные субсидии, переселение вызвало массовое недовольство казачества. Под воздействием верхов усилились колебания рядовых казаков. Реквизиция хлеба, скота для армии, сокращение в связи с этим запашки до 3-3,5 дес. на двор в 1920 г., неурожай зерновых, гибель виноградников из-за отсутствия медного купороса, самозахват горцами земель казаков - все это порождало контрреволюционное настроение казачества, которое в сентябре-октябре 1920 г. вылилось в вооруженное выступление его против советской власти.

О мятеже терских и сунженских станиц осенью 1920 г. подробно будет сказано в главе, посвященной действиям пов-

станцев.

Г.К. Орджоникидзе приказал восставшие станицы Ермоловскую, Закан-Юрт (Романовскую), Самашкинскую и Михайловскую выселить, а Калиновскую - сжечь, руководствуясь уже не решениями съездов народов Терека 1918 года об уничтожении чересполосицы, а согласно приказу РВС Кавказского фронта от 29 июля 1920 г. о «приведении в повиновение» станиц, восставших против советской власти, «самыми решительными мерами вплоть до полного их разорения и уничтожения»⁶⁸.

В 1987 г. на встрече со студентами МГУ им. М.В. Ломоносова И.Я. Врачев, который в 1920 г. был помощником командарма Кавтрудовой И.В. Косиора по политической части и непосредственно участвовал в выселении станиц, вспоминал, как это было.

«И вот когда восстала группа надтеречных станиц, и одна была особенно злостной, поголовно все население, Орджоникидзе, как член Реввоенсовета Кавказского фронта и как полномочный представитель Центрального комитета часто разъезжал, давал директивы, указания. И вот он нам приказал: «Станицу Калитвинскую (И.Я. Врачев ошибочно называет станицу Калиновскую Калитвинской - Е.Ж.) сжечь!». Говорит: «Издай приказ и поставь мою подпись!». А в практике были такие случаи. Он остановился в Грозном, а едет в Баку и говорит вот так вот: «Пошли телеграмму в Ростов и поставь мою подпись». Доверие было полное.

Был издан соответствующий приказ и крупным шрифтом, типографским отпечатал: «Станицу Калитвинскую сжечь!».

Приезжает Сталин с Орджоникидзе. Я иду на доклад. И вот когда я показываю этот самый, большим листом, черным шрифтом, этот приказ, Георгий Константинович говорит: «Ты зачем поставил мою подпись?!» Я был поражен, я говорю: «Товарищ Серго, Вы же мне поручили поставить подпись!»

И создался напряженный момент. И вдруг Сталин: «Ха-ха-ха! Попался Серго, проклянут тэпэр тэбя казаки, проклянут!». Напряжение спало, и мы перешли к очередным делам. Вот такой эпизод»⁶⁹.

Комиссия по выселению, возглавляемая начальником Особого отдела Кавтрудовой Пипиковым, с помощью пяти комиссий на местах разделила все население станиц на две ка-

тегории. В первую входили семьи «бело-зеленых» и принимавших участие в восстании. Таковых оказалось в 4-х станицах 7004 чел. (1691 семья). У этих людей реквизируют все имущество и продовольствие, им выдавался только двухмесячный паек. Вторую категорию составляли семьи сочувствующие советской власти лиц, семьи советских работников и красноармейцев. У населения этой категории изымались «лишь предметы общегосударственной продрозверстки». Их насчитывалось 6346 человек (1409 семейств)⁷⁰.

4 декабря 1920 г. выселение было закончено. Казаков сунженских станиц (Ермоловской, Закан-Юрт, Самашкинской) по железной дороге вывезли в станицы Теречной линии, а терскую станицу Калиновскую (ее решили не сжигать) выселили в хутора в 50 км севернее станицы.

Это было не окончательное место высылки. Председатель ВЦИК и председатель комиссии по установлению границ Горской АССР Муромцев докладывал 28 сентября 1921 г. во ВЦИК о том, что он «расселил до 15000 казаков Сунженской линии, выселенный из станиц Михайловской, Самашкинской, Закан-Юрт, Ермоловской и др. по Ставропольской, Терской губерниям, по Кубанской и Донской областям»⁷¹. В оставленные казаками станицы, докладывал начальник особого отдела Кавтрудоу Пипиков в РВС Кавказского фронта 21 декабря 1920 г., «никакого вселения по сей момент чеченцев не происходит», оставшееся в станицах имущество расхищается «вплоть до окон и дверей» чеченцами. Поджигаются лучшие дома, чтобы они не достались чеченцам». Вселенческие комиссии, как писал Пипиков, «бездействуют», а Чеченский исполком, которому были переданы станицы, на неоднократные обращения к нему «отмалчивается», продовольствие и фураж «гниют в тысячах пудов»⁷².

Начавшееся в 1918 г., продолжившееся в 1920 г. выселение поголовно всего населения (включая даже семьи красноармейцев) нескольких станиц нанесло страшную обиду людям, разорило их налаженное хозяйство, не решило земельного вопроса горцев и, конечно, не установило мир на Тереке, а, напротив, разжигало войну в области. Оно буквально загоняло казаков в повстанческие отряды.

Опомнились власти довольно быстро. 27 января 1921 г. Президиум ВЦИК приостановил, а 14 апреля 1921 г. запретил

переселение, признав его ошибочной мерой.

Многие современные исследователи называют выселение терских казаков 1918-1920 гг. первой в советской России депортацией. Слово «депортация» означает изгнание или ссылку как меру уголовного или административного наказания. Поэтому, строго говоря, депортацией можно назвать выселение терских казаков лишь в ноябре-декабре 1920 г.: их выселяли за участие в восстании.

Что же касается переселения станиц в 1918 г. и весной 1920 г., проводившегося во исполнение решений III съезда народов Терека, то вряд ли правомерно считать его депортацией: это была попытка советской власти провести «черный передел» в Терской области, решить как она предполагала, земельный вопрос « по справедливости».

Внимательное изучение вопроса переселения терского казачества в 1918-1920 гг. не позволяет увидеть в нем проявление «руссофобии», как считает И. Пыхалов⁷³. Большевики не боролись «с русскими». Они действительно хотели с помощью «безболезненного переселения» части казаков обеспечить земель безземельных и малоземельных и горцев, и русских иногородних, и казаков. Уничтожение чересполосицы было одним из источников формирования земельного фонда области, из которого наделялись землей и горцы, и русские.

Выселили как уже говорилось не 70 тыс. терских казаков, как считают А. Петрович, А. Ливен, И.В. Яблочкина, И. Пыхалов⁷⁴, не 45 тыс., как считает Т. Полян⁷⁵.

Из 70 станиц терских казаков с населением 277891 чел.⁷⁶ советская власть предполагала переселить 18 станиц (60 тыс. чел.)⁷⁷ из Сунженского отдела (в нем было 20 станиц), поскольку именно в этом отделе казачьи земли клином вдавались в горские.

К 14 апреля 1921 г. (когда переселение было запрещено) было выселено 8 станиц. Еще 3 станицы были разграблены, выселять их не пришлось, но их тоже причислили к выселенным. Так что население 11 станиц покинуло свои дома.

Эти цифры названы в докладе уполномоченного ВЦИК (1921 г.): «Начиная с 1918 г. разорено ингушами и чеченцами и выселено Советской властью 11 станиц, имевших в общем 6681 двор с надворными постройками, обсаженными усадьбами, садами, посевами на полях». Автора доклада интересова-

ло, прежде всего, сколько горцев вселилось в выселенные станицы: «...вселилось же ингушей и чеченцев за все время - 750 хозяйств».

В докладе не указана численность выселенных, но приведено количество хозяйств в каждой из выселенных станиц, и количество вселившихся хозяйств горцев. Название одной станицы пропущено, но, наверное, это станица Кохановская, из которой, как можно вычислить, выселился 441 двор, вселилось - 180.

Ст. Ильинская	было 151 хоз-в	- не вселилось ни одного,
Фельдмаршальская	238,	- //-
Акки-Юртовская	180,	- //-
(Станица не названа)	441	- вселилось - 180
Тарская с хутором	537	- //- - - 160
Самашкинская	561	- //- - - 150
Закан-Юрт	697	- //- - - 120
Михайловская	706	- //- - - 80
Ермоловская	768	не вселилось ни одного
Сунженская	890	вселилось - 160
Калиновская	1382	не вселилось ни одного

«Даже такое ничтожное вселение, писал автор, - не может быть прочным, ибо хозяйства не поддерживаются, а разрушаются. Здания разрушаются. Инвентарь, рамы, стекла увозятся в аул, портят фруктовые деревья. В станице Михайловской на площади против исполкома - кладбище развалин локомотивов, жаток, сеялок. Земля не распахивается, посевы частью только убраны, частью отравлены или птицам оставлены. При малоземелье и нужде в земле такого явления быть не может»⁷⁸.

Представители терского казачества в Казачьем отделе ВЦИК Шабунин и Гришин в своем докладе во ВЦИК от 31 марта 1921 г. сообщают, что терских казаков, покинувших свои станицы, было 34637 человек: «разорено нападением чеченцев и ингушей 3 станицы, выселено распоряжением Советской власти 8 станиц с числом хозяйств 6661 и числом душ 34637»⁷⁹. Из доклада следует, что в 11 станицах (из них 8 выселялись, 3 были разорены до выселения) проживало около 35 тыс. чел.

В докладе председателя комиссии ВЦИК по наделению

горцев землей сказано: «Выселено более 25 тыс. трудового населения»⁸⁰.

С.М. Киров в разговоре с членом Кавказского бюро ЦК РКП(б) А.М. Назаретяном сказал: «За Терек выселено 22 тыс. казаков»⁸¹.

Сопоставив эти источники, можно уверенно говорить, что не 70 и не 45 тыс. терских казаков было выселено из области, а примерно 25 тыс. человек, 8 станиц, всего же покинуло свои станицы около 35 тыс.

Эта же цифра получается из сопоставления других источников. А.И. Деникин сообщал о «примерно 10 тыс. человек», выселенных из 3 терских станиц в мае 1920 г.⁸² (весной 1920 г. их выселяли, как уже говорилось, вторично, первый раз их выселили в 1918 г. - Е.Ж.) А в докладе председателя комиссии по установлению границ Горской АССР Муромцева во ВЦИК от 28 сентября 1921 г., в котором речь идет о казаках станиц, выселенных в ноябре-декабре 1920 г. восставших станицах, сказано, что он «расселил до 15 тыс. казаков Сунженской линии»⁸³.

Вероятно, цифра выселенных из Терской области казаков «примерно 25 тыс. чел.» наиболее близка к истине. Она составляла примерно 1/10 часть терского казачества. Вполне возможно, что всего покинуло свои станицы около 34,5 тыс. человек.

Ошибаются некоторые исследователи в определении времени депортации. Например, английский историк А. Ливен ошибочно считает, что она проходила «в первые месяцы 1921 года, вслед за окончательной победой коммунистов над белой армией генерала Врангеля». Как уже говорилось, выселение мятежных станиц началось весной (май) 1920 г., а 14 апреля 1921 г. решением Президиума ВЦИК РСФСР переселение было запрещено⁸⁴.

Многие авторы неверно называют места, в которые были переселены казаки (Казахстан, Север, Донбасс и т.д.) Из приведенных выше документов ясно, что казаков вывозили «примерно за 50 км севернее станиц», расселяли «по Ставропольской, Терской губерниям, по Кубанской и Донской областям. На Север и на шахты Донбасса отправляли отдельных казаков-мужчин, активно участвовавших в антисоветских восстаниях.

Вне всякого сомнения, на активизацию повстанчества сре-

ди казаков влиял союз, заключённый 22 июля (4 августа) 1920 г. Врангелем с атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани «ввиду совместно предпринятой борьбы за освобождение России от большевиков»⁸⁵. Подробнее о влиянии Врангеля на повстанцев-казаков Северного Кавказа будет сказано в специальной главе.

§4. Причины повстанчества в горских округах Северного Кавказа

1 сентября 1920 г. помощник командующего Кавказской трудовой армией по политической части И.Я. Врачёв телеграфировал в РВС Кавказского фронта и Совтрударм Кавтрудовой: «На днях закончился чеченский съезд, который в отличие от предыдущих в смысле настроения весьма неудачен, так как можно смело утверждать, что в настроении чеченцев наступил перелом от дружелюбия и сочувствия Советской власти к позиции, которая грозит вылиться во враждебные действия. Например, вчера на рассвете чеченцами был совершён вооружённый налёт на Старые промысла, правда с целью грабежа, но всё же этот случай является первым враждебным актом в истории наших отношений с чеченцами, не считая центоройских событий (о последних будет сказано особо в главе о действиях горских повстанцев-ЕЖ)»⁸⁶.

Врачёв сообщал о том, что «впервые приходится прибегать к оружию против чеченцев», призывал соблюдать по отношению к чеченцам « в высшей степени осторожный такт». «А между тем делается совершенно обратное. Например, в ночь на 31/8-20 г. местная ЧК расстреляла 7 чел. чеченцев. Приговорённые оказали сопротивление, завязалась перестрелка, в результате которой 7 чеченцев были убиты и ранены 1-2 надзирателя. Всё это произошло около тюрьмы и на следующий день стало достоянием гласности».

Врачёв сообщал, что «случай этот произвёл убийственное впечатление на массы не успевших разъехаться после съезда чеченцев», которые требовали выдачи трупов «для погребения по мусульманским обрядам». «Кроме того, местными исполкомами почему-то до сих пор задерживается уплата чеченцам денег по старым квитанциям 1918 г.», - пишет Врачёв и сам же объясняет, что деньги «разворовали и в исполкомах-

вредители».

Он «полагает», что «местным гражданским и военным органам необходимо дать соответствующие указания», чтобы те приняли «конкретные меры»:

1) В самом срочном порядке произвести среди чеченцев выплату за прошлую реквизицию.

2) Временно воздержаться от проведения продразвёрстки в Чечне.

3) Гражданским и военным судебным органам расстрелов чеченцев не производить, а все серьёзные дела отправлять в Ростов».

Врачёв обращал внимание Совтрударма и РВС Кавказского фронта ещё на одно событие в Чечне. За подписью командующего войсками Терской области Давыдова по Чечне распространялись печатные листовки, в которых чеченцы призывались на службу в Чеченскую кавалерийскую бригаду. В них перечислялись условия поступления на службу, и в пункте 7 было обещано: «первая казачья станица, восставшая против Советской власти, подавленная частями чеченской бригады, отдаётся в распоряжение Чечокрисполкома для населения таковой трудовым народом Чечни. Все земли и сады этой станицы отдаются чеченскому трудовому народу».

Врачёв был «принципиально согласен на такую меру борьбы с контрреволюцией». В то же время он возражал: «Я вместе с Вридкомандармом Медведевым не могу не признать глубоко ошибочным и недопустимым превращать подобные тактическое действие в условие поступления в Чеченскую кавбригаду, притом публиковать эти условия». (Несколько позднее «Командтеробласти было сделано внушение за листовку» - ЕЖ)⁸⁷.

Почему уже летом 1920 г. в настроении горцев «наступил перелом от дружелюбия и сочувствия Советской власти» к враждебным действиям по отношению к ней?

Прежде всего потому, что советская власть, серьёзно взявшаяся за разрешение земельного вопроса, не могла сразу и резко улучшить экономическое положение горцев из-за крайней осложнённости экономического и политического положения всей республики. У советской власти не было возможности закрепить и углубить возникшую у горцев веру в силу и способность власти решить все наболевшие вопросы, в первую

очередь, экономический.

Хозяйство Чечни, Ингушетии, Грозного, казачьих районов после окончания здесь гражданской войны представляло из себя мрачную картину. Новогрозненские нефтяные промыслы, горевшие с 16 ноября 1917 г. в течение 17 месяцев, были превращены в руины: здания сожжены, скважины запущены, заводнены, непригодны для эксплуатации. За этот период сгорело 90 млн. пудов нефти (годовая добыча). Количество эксплуатировавшихся скважин в Грозном в мае 1920 г., по сравнению с 1917 г., уменьшилось в 5 раз, добыча нефти сократилась в 6 раз. В городе были разрушены лесопильный завод и многие дома. Требовали срочного ремонта завод Бур, снабжавший весь Грозненский округ котлами и резервуарами для нефти; завод Гауф, обеспечивавший город и промыслы гвоздями, завод быв. Чубоксарова, выполнявший заказы Нефтеуправления по выпуску подшипников, фонарей, болтов, кувалд и проч. Необходим был ремонт кирпичному заводу, мельницам Баширова и Мордовцева, электростанции, городскому водопроводу, зданиям Кавказского банка, тюрьмы, учебным заведениям, баням города.

Станция Грозный, как и вся Владикавказская железная дорога на её протяжении от Ростова до Петровска, была загромождена разбитыми и сожжёнными паровозами, вагонами, цистернами. Нужно было расчистить пути от испорченного подвижного состава, расширить железнодорожные пути, построить ж. д. ветку к Новым промыслам, а затем провести там большие работы: связать промыслы с городом и станцией шоссейной дорогой, трамвайной линией, построить школы, детсады, клубы.

Представители комиссариатов РСФСР, объезжавшие Северный Кавказ весной и летом 1920 г., приводят многочисленные факты «хозяйничания» деникинцев в регионе. В Чечне было разорено 27 аулов, число человеческих жертв составляло 15 тыс. человек⁸⁸.

Ингушские аулы Сурхохи и Экажево с 6-тысячным населением были дотла сожжены белогвардейцами. Наполовину были разрушены аулы Долаково, Базоркино, Кантышево, хутора, в которых деникинцы уничтожили семьи наиболее активных работников, отобрали скот, разграбили всё имущество, вплоть до постельных принадлежностей и белья. Деникинцы

разорили в 8 аулах и 13 хуторах Ингушетии 5613 двора⁸⁹. За годы Первой мировой и гражданской войн 1/4 хозяйств Ингушетии была полностью уничтожена, посевная площадь сократилась на 50%⁹⁰. Отказ ингушей дать всадников в ряды денкинцев привёл к тому, что вся Ингушетия (единственная из всех горских народов) была обложена непосильной контрибуцией: с каждого двора ингуши были обязаны заплатить 2000 руб., 4 барана, 1 корову, 18 пудов хлеба, 1 винтовку с 2000 патронов, 1 револьвер системы «Наган» с 30 патронами. Кроме того, ⁹¹каждые 3 двора были обязаны дать одного коня с седлом.

Эта контрибуция окончательно подорвала ингушское хозяйство и привела к полному обнищанию населения. Положение было таково, что образованный после изгнания денкинцев Ингушский ревком вынужден был издать приказ о запрещении мужчинам выходить из дома до 12 часов дня, чтобы лишённые одежды женщины могли произвести необходимые хозяйственные работы вне дома.⁹²

Разорённое за годы войны сельское хозяйство не могло обеспечить продовольствием 45-тысячное население Грозного и войсковые части. Снабжение Владикавказа носило случайный характер. Требовали хлеба казачьи станицы. Население городов и войска по нескольку дней не получали хлеба. Рыночные цены на него росли ежедневно. Прожиточный минимум средней рабочей семьи из 3 человек в марте 1920 г. составлял 600-700 руб. в месяц, в апреле он определялся уже в 14 тыс. руб.⁹³ На зарплату рабочего можно было купить лишь 3 фунта кукурузы. Ни за какие деньги нельзя было достать мануфактуру, нитки, мыло. Катушка ниток на рынках Ингушетии в июне 1920 г. стоила 700-800 руб.⁹⁴, пуд муки - 2500 руб.⁹⁵

В продовольственном отношении Северный Кавказ, обычно дававший около 150 млн. пудов хлеба для вывоза, В.И. Ленин называл в июне 1920 г. краем неслыханных богатств, который может накормить голодных рабочих и восстановить промышленность. «На Украине кормят пшеницей свиней, на Северном Кавказе, продавая молоко, бабы молоком вспласкивают посуду»⁹⁶. Хлеб на Кавказе был, был он и в горских областях, о чём говорил его усиленный вывоз через Веденский район Чечни, Дагестан в Грузию в обмен на оружие, которое

шло оттуда⁹⁷. Но взять его можно было только силой.

Попытка проведения политики продразвёрстки среди горского населения с применением методов принуждения вызвала резкое ухудшение политической обстановки. Усилилась активность повстанческих отрядов, которые делали набеги на продовольственные пункты, на отряды, сопровождавшие скот и грузы, захватывали обозы с продовольствием. Терский областной комитет не мог успешно бороться с ними, т.к. в его распоряжении осенью 1920 г. было всего 3 батальона далеко не полного состава раздетых и разутых красноармейцев⁹⁸.

Станичные и сельские исполкомы, которыми руководили кулаки, явно не желали производить развёрстку среди населения, провоцировали его на выступление против советской власти. Повстанческое движение горцев сливалось с казачьим. Терская область превратилась к осени 1920 г. в сплошной очаг восстаний, которые носили уже организованный характер, поэтому область не дала за 1920 г. по продразверстке ни одной головы скота⁹⁹.

Отказ крестьян и казаков выполнять продразвёрстку, отсутствие кадров продработников, неналаженность продорганов, расстройство транспорта, нехватка продуктов не позволили обеспечить рабочих и служащих области продовольствием в централизованном порядке. В таких условиях большое значение приобретала частная торговля. Советская власть вынуждена была не только использовать, но расширять свободную торговлю, рынок, одновременно ведя, насколько это было возможно, борьбу со спекуляцией, вводя государственную монополию на продажу некоторых товаров, регулирование цен. 22 апреля 1920 г. продовольственное совещание при Северо-Кавказском ревкоме, а позднее ряд циркулярных распоряжений ревкома объявили свободу торговли на местах.¹⁰⁰

Продовольственное дело осложнялось ещё и тем, что на территории Терской области проводили заготовки многочисленные организации и предприятия, военные и гражданские продовольственные органы, деятельность которых не была чётко разграничена. Фактически всё продовольственное дело находилось в ведении Опродкомарма Кавказского фронта и подведомственных ему опродкомармов. Они поделили между собой районы Северного Кавказа, но часто производили заготовки продуктов не в своих районах, что порождало неразбе-

риху, вызывало враждебную настроенность населения.

Последствием продовольственной разрухи была тарифная неразбериха. Нормирование зарплаты, установление ставок зависело от рыночных цен на предметы первой необходимости. Так как цены росли неимоверно быстро, ставки нужно было повышать ежемесячно. В марте 1920 г. они были определены в 4-9 тыс. руб., в апреле доходили до 14 тыс. (в Черноморье до 24 тыс. руб.), в мае к апрельским ставкам вынуждены были на дороговизну добавлять по 250 руб. в день.¹⁰¹ В результате ставки на Северном Кавказе были в 4-5 раз выше московских, в то время, как должны были быть на 40% ниже.¹⁰² Советская власть была поставлена в очень трудное положение: фиксируя новые ставки, она фиксировала новые спекулятивные цены; отказывая в утверждении новых ставок, толкала население на голодное существование.

Она прекрасно понимала, что горское население можно было вырвать из-под влияния антисоветских сил, лишь убедив его в экономической мощи власти, в способности её обеспечить горцев землёй, мануфактурой, восстановить разрушенные аулы.

В обстановке глубочайшей разрухи экономики всей страны советская власть не могла в полной мере решить ни одну из этих задач, но всё же нашла возможным выделить Терской области и Дагестану по 1 млн. аршин мануфактуры. Горцам, пострадавшим во время войны с деникинской армией, было выдано 200 млн. руб. В Чечне вместо денежного пособия выдавали товары натурой. 18 мая Терский областной продкомитет отпустил Чеченскому исполкому 298588 аршин мануфактуры и 30141 катушку ниток¹⁰³ 29 октября 1920 г. Чечня получила ещё 1,5 млн. аршин мануфактуры, в декабре центр прислал 19 вагонов семенной пшеницы¹⁰⁴, хотя рабочие Питера, Москвы, Иваново-Вознесенска «получали хлеба не больше 7 пудов в год», в то время как крестьяне хлебных губерний (куда относился и Северный Кавказ) ели не менее 17 пудов¹⁰⁵.

Причиной организованного и развитого повстанческого движения было и то, что оно имело на Северном Кавказе опору в лице кулачества, духовенства, чиновников, находившихся на службе еще при царской власти, средних землевладельцев и промышленников, национальной интеллигенции, купечества, из которых после разгрома Деникина только небольшая часть

уехала за границу. На местах остались даже те, кто активно сотрудничал с Деникиным.

Эти враждебные советской власти люди входили в состав её местных органов. Представители комиссариатов РСФСР, объезжавшие Северный Кавказ в 1920 г., свидетельствовали, что среди милиционеров Северного Кавказа бывшие чины прежней царской «наружной охраны» составляли 60% ¹⁰⁶. Офицеры царской армии, грузинские меньшевики, кулаки становились членами ревкомов и исполкомов Чечни, Дагестана, Ингушетии ¹⁰⁷. Большую помощь повстанцам оказывали переводчики, которые, извращая смысл речей советских представителей на митингах и собраниях, восстанавливали горцев против советской власти ¹⁰⁸.

Вопрос об организации краевого органа советской власти для Северного Кавказа был поставлен и разрешён по окончании VII съезда Советов в декабре 1919 г. в связи с приближением Красной Армии к Северному Кавказу. Оторванность Кавказа от центра в течение 2 лет затрудняла точное определение задач и форм строения краевого органа.

Сначала он был утверждён под названием «Кавказский революционный комитет» (с районом действия на Северном Кавказе и в Закавказье). Вскоре он был переименован в «Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе», которое занималось разрешением вопросов и партийного, и советского строительства.

Практика показала трудность руководства из одного центра одновременно и советской, и партийной работой, поэтому позднее утверждаются самостоятельные советские и партийные органы края.

31 марта 1920 г. РВС Кавказского фронта на основании постановления ВЦИК создал Северо-Кавказский ревком, в ведение которого входили Кубань, Черноморье, Ставрополье, Терская область, Дагестан. 31 марта Северо-Кавказский ревком утвердил Партбюро по руководству партийными организациями Северного Кавказа, которое вскоре переименовали в Северо-Кавказский крайком партии.

Северо-Кавказский ревком до занятия Красной Армией Северного Кавказа находился в Астрахани, подбирая работников для советской и партийной работы в крае. В помощь ему при ЦК РКП(б) была создана Кавказская комиссия (Енукидзе,

Каспаров и др.), которой была поручена регистрация кавказских работников, организация агитационно-инспекторского поезда, заготовка литературы для Кавказа и проч. Комиссия направила на Кавказ 485 человек, но состав большей части работников оказался малоквалифицированным, поэтому недостаток кадров чувствовался здесь очень резко¹⁰⁹.

С продвижением Красной Армии в пределы Северного Кавказа, с прибытием в Пятигорск, ревком начал проводить плановую работу по организации советской власти на местах: издаёт приказы, инструкции, разъяснения по вопросам советского строительства, посылает инструкторов на места; члены ревкома (Г.К. Орджоникидзе, С.М. Киров, П.Г. Мдивани, Н.Н. Нариманов, Я.В. Полуян, А.М. Стопани, С. Габиев) участвуют на областных, губернских съездах по советскому строительству, организуют краевые совещания профсоюзов, финотделов, отделов народного образования. Выполнив своё назначение по первоначальной организации советской власти, а также в связи с осложнением политической обстановки в крае 22 июня 1920 г. Северо-Кавказский ревком передал власть Совету Кавказской Трудовой Армии¹⁰⁰.

Местные ревкомы в некоторых областях Северного Кавказа были созданы ещё до прихода Красной Армии (в Ингушетии, Кабарде, Осетии) и приняли активное участие в разгроме деникинских войск, но большинство организовалось после их ухода с Кавказа.

8 апреля 1920 г. приказом Северо-Кавказского ревкома был назначен Терский ревком под председательством В.И. Квиркелия. В члены ревкома вошли: Т. Эльдарханов, С. Такоев, И. Зязиков, Б. Калмыков, А. Дьяков, Ю. Настуев, Н. Гикало и др. В апреле же были созданы окружные ревкомы Ингушетии, Чечни, Кабарды, Черкесии, Дагестана, Осетии.

Работу по созданию советских органов в горских областях приходилось проводить иначе, чем в центре России. Этого требовали сохранившиеся у горцев элементы родового быта, патриархального уклада, широкое распространение исламской религии, безграмотность масс, слабость партийных организаций. Горцам трудно было уяснить сущность советской власти и коммунистической программы ещё и в силу незнания русского языка, слабой политической пропаганды идей большевизма и усиленной агитации враждебных советской власти

сил.

В июне 1920 г. в Чечне было только 2 коммуниста. Ингушская парторганизация насчитывала 37 членов и 430 кандидатов РКП(б)¹¹¹, но коммунистами здесь считали всех, кто воевал с деникинцами. «Наши старики - все революционеры: мы сражались с деникинцами, укрывали красноармейцев и т.п., как видите, мы все коммунисты», - говорили члены Назрановского окрбюро. Достаточным основанием для приёма в партию считалась просто беседа с вступающим в неё¹¹². Поэтому I партконференция Ингушетии 10 июня 1920 г. распустила все комячейки и начала создавать новые¹¹³.

Слабые парторганизации не могли сами справиться с организацией советской власти на местах, поэтому им помогали военные органы, которые, занимая местность, создавали ревкомы, оставляя на местах политработников. Число коммунистов в Кавказской армии к концу 1920 г. сократилось до 2%, тогда как в начале 1920 г. коммунисты составляли 50% общего числа красноармейцев¹¹⁴.

В такой обстановке в состав ревкомов часто проникали враждебные советской власти люди: кулаки, муллы, белогвардейские офицеры. Но, как правило, местные ревкомы почти, исключительно, (на 80-90%, по подсчётам Н.Ф. Бугая¹¹⁵) состояли из работников местной национальности.

Образованные весной 1920 г. ревкомы действовали недолго: в июле 1920 г. в условиях относительно мирной обстановки в Терской области прошли выборы в Советы. Но дальнейшее развитие событий показало, что переход к системе Советов в национальных округах Терской области был преждевременной мерой, так как большинство в исполкомах захватило кулачество, которое открыто проводило антисоветскую политику.

Исполкомы не способны были решить земельный вопрос, так как не хотели проводить уравнительное землепользование - оно затрагивало коренные интересы кулаков; созданные исполкомами вселенческие комиссии даже не составили списки горцев, желающих переселиться на освободившиеся казачьи земли, что можно было объяснить только нежеланием отдать станицы горской бедноте. В 7 км от Грозного земля сдавалась в аренду, открыто продавалось оружие, все повинности в аулах несла беднота, т.к. комиссии по сбору единовременно проднаряда, подкупленные кулаками, освободили их от на-

лога, в результате чего он был выполнен только на 3%¹¹⁶. Наиболее активных работников кулачество всячески очерняло, а бандиты свободно проживали в аулах, хотя в исполкомы поступало много жалоб от лиц, пострадавших от их грабежей. Комиссия СНК ГАССР, обследовавшая Чечню в 1921 г., пришла к выводу: «Не трудовая Чечня, как таковая, не её интересы, не чеченский народ вообще, а Чечня с её кулацким элементом является предметом забот Чечокрисполкома»¹¹⁷. Доверие бедноты к советской власти в лице исполкомов было подорвано. Ей ещё не раз приходилось возвращаться к системе ревкомов, которые действовали в национальных округах и в 1925 г.

Большой силой, способной влиять на политические события в горских районах, являлось мусульманское духовенство, которое пользовалось особым авторитетом среди горцев.

Почти все горцы Северного Кавказа, за исключением части православных осетин, исповедовали мусульманскую религию. В Терской области мусульмане составляли 52% населения, в Дагестане-94%¹¹⁸. Только в Чечне в 1924 г. было 38 шейхов и 850 мулл, вокруг которых группировалось около 60 тыс. организованных мюридов. В Ингушетии в 1926 г. примерно 20% населения (около 14 тыс. чел.) состояли мюридами шести религиозных сект¹¹⁹.

Есть необходимость несколько подробнее сказать об исламе и в силу того, что иначе невозможно уяснить сущность горского повстанчества, и в силу того, что ислам в течение десятилетий существовал в условиях почти полного запрета и был «не рекомендован» для изучения. Недостаточность знания ислама приводит к тому, что многие относятся к нему резко негативно.

Между тем учёные всего мира, занимающиеся изучением этой религии, находят взвешенным, объективным, «научно правильным и практически значимым» такой вывод: ислам сам по себе никогда не представлял и не представляет никакой опасности. Опасность всегда представляют политики, которые использовали его для достижения своих целей¹²⁰.

Ислам, как самая молодая среди основных религий мира, привлекает всё большее число своих последователей. В настоящее время её исповедует более 1 млрд. человек, каждый четвёртый житель планеты Земля. В 35 странах мира на долю мусульман приходится примерно 75% населения. В России

мусульманские народы составляют около 20% населения, примерно 20 млн. чел. На 1 января 1999 г. мусульманское население Северного Кавказа насчитывало около 4 млн. чел. Ислам всё больше продвигается на север и теснит христианство и атеизм. В ислам переходят представители самых разных религий во всех странах мира. Учёные полагают, что в 2030 г. его будет исповедовать каждый третий житель земли¹²¹. Быстрый темп исламизации населения планеты только демографическим фактором объяснить трудно. Тем более необходимо внимательное изучение этой религии.

Ислам возник в Аравии в начале VII века. Основателем его является пророк Мухаммед (Мухаммад, Мохаммад, Магомет), (570-632). Сведения о детских и юношеских годах Мухаммеда весьма скудны. Достоверно известно лишь то, что он рано осиротел. Его отец Абдаллах скончался ещё до его рождения, а мать Амина умерла, когда ему было 6 лет. Заботу о мальчике взяли сначала его дед, а после смерти деда - его дядя по отцу Абу-Талиб.

В 12-летнем возрасте мальчик принял участие в многомесячной поездке дяди по торговым делам в далёкую Сирию, где соприкоснулся с новым для него миром христианских, иудейских и других религиозных общин, резко контрастным по отношению к той языческой среде, в которой он рос. Многие считают, что это знакомство оказало неизгладимое впечатление на юного Мухаммеда, что оно не ослабевало всю его жизнь и привело к созданию новой религии.

В 595 г. 25-летний Мухаммед женился на 40-летней вдове Хадидже, у которой было трое детей. Их взаимная любовь стала легендой. На протяжении 25 лет совместной жизни с Хадиджой, уже будучи мусульманином, Мухаммед не взял себе в жёны ни одной другой женщины. У них родилось 6 детей, из которых только последняя Фатима стала продолжательницей его рода.

В 610 г., когда Мухаммеду было примерно 40 лет, он получил первое «откровение», якобы исшедшее от бога. Это произошло в пещере под его родным городом Меккой, в которой он часто уединялся для своих религиозных бдений.

Находясь в экстатическом состоянии, сопровождаемом смутными видениями и малопонятными голосами, он вдруг ясно увидел ангела, обратившегося к нему с приказом «чи-

тать» людям истинное слово - слово Аллаха. Об этом первом «откровении» говорит сура (глава) 96 Корана: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил человека из сгустка»¹²².

Так с 610 г. Мухаммед, выслушивая «откровения» бога, обращённые к нему, начал проповедовать их среди людей. «Откровения» Аллаха Мухаммеду, запомненные и записанные приверженцами пророка, были собраны в одну книгу - Коран - примерно через 25 лет после его смерти.

Мухаммед призывал жителей г. Мекки отказаться от поклонения многочисленным племенным богам и верить только в одного бога - Аллаха, вести праведную жизнь, готовить себя к грядущему божьему суду. Он рассказывал о всемогуществе Аллаха, создавшего из ничего мир и человека, о том, что Аллах направлял к людям посланников, таких же как он, но люди не слушали их и всегда были наказаны за свою строптивость.

Естественно, что ислам, как самая поздняя мировая религия, вобрал в себя многое из более ранних вероучений, особенно от иудеев и христиан, которых Коран выделяет особо среди «неверных», т.е. людей, не исповедающих ислам, называет «люди книги», т.к. они получили откровение бога через священное писание. Согласно Корану «люди книги» верят в того же бога, что и мусульмане. Этот бог посылал и им своих посланников - Моисея (Мусу), Иосифа (Йусуфа), Захария (Закария), Авраама (Ибрахима), Иисуса (Ису), которые несли людям слово божье. Однако люди исказили и забыли то, чему учил их бог. Поэтому он и направил им Мухаммеда, своего последнего пророка с божьим словом - Кораном. Эта была как бы последняя попытка наставить людей на праведный путь, последнее предупреждение, после которого должен наступить конец мира и Суд, когда всем людям будет воздано по их делам и они попадут в райские сады или в адский огонь. Ислам, таким образом, объявлялся не новшеством, а восстановлением веры Авраама (Ибрахима), праотца арабов и евреев, первого, кто стал проповедовать веру в Аллаха. А пророк Мухаммед принёс самое совершенное учение, которое обеспечивает духовную близость и определённую преемственность от «устаревших» религий.

В то же время религия мусульман отличается от религии «людей книги». Символ веры ислама, который знает каждый

мусульманин, гласит: существует единый, единственный, вечный и всемогущий бог - Аллах; своим посланником он избрал араба из Мекки, Мухаммеда, через которого передал людям текст священной вечной книги - Корана, его руками основал общину верующих мусульман (умму). Самое краткое изложение этого главного догмата ислама дано в суре (главе) 112 Корана:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Скажи: «Он - Аллах - един,

Аллах вечный;

не родил и не был рождён.

и не был ему равным ни один!»¹²³

Мусульмане подчёркивают, что в исламе нет непонятого им бога в трёх лицах; им непонятно, зачем Творцу всего живого и мёртвого потребовалась еврейская женщина, чтобы произвести на свет Иисуса, тем более непонятно происхождение и предназначение Святого Духа¹²⁴. Ислам - наиболее цельная религия. В нём нет деления на духовное и светское (в христианстве: Богу - Божье, кесарю – кесарево). Поэтому соединение ислама и политики органично.

Первыми, кто безоговорочно признали Мухаммеда посланником Аллаха, стали Хадиджа и его двоюродный брат Али (сын Абу Талиба), затем к нему присоединилось ещё около 50 человек.

Проповедь Мухаммеда вызвала протест и ненависть влиятельной верхушки города, охранявшей традиции язычества, которые освящали её власть. Десятилетие между 610 и 622 гг. шла борьба между мекканскими язычниками и последователями ислама, драматизм которой был усугублён кончиной в 620 г. Хадиджи, а через два месяца после этого и Абу Талиба.

Потеряв столь преданных помощников, Мухаммед стал искать сторонников ислама в других городах и нашёл поддержку среди жителей г. Ясриба, побывавших в Мекке. Они приняли ислам и поклялись защищать его ценой своей жизни. Пророк решает переселиться в Ясриб, тем более, что в Мекке ему и его приверженцам грозила физическая расправа.

Тайком от курейшитов (соплеменников Мухаммеда) 26 июля 622 г. он совершил знаменитое переселение (хиджру) вместе с семьёй и верными ему последователями. Это событие - хиджра - положило начало мусульманскому летосчисле-

нию. Город Ясриб позже стал называться Мединой (Город Пророка).

Переезд 53-летнего Мухаммеда в Ясриб резко изменит его общественный статус. Из проповедника, религиозного «увещателя» и «представителя» он превращается в полном смысле в «посланника Аллаха», передающего людям божественные законы, по которым они должны были жить.

В диспутах с жившими в Ясрибе иудеями складываются исламские догматы. Увеличение числа мусульман и начало образования первого исламского государства в Медине требовали от новой религии более конкретных указаний и инструкций, политических и правовых норм, на основании которых должно было строиться государство. Нужды политического руководства породили многочисленные наставления самого Мухаммеда (как со ссылками на Коран, так и без них) о правилах общественной жизни и быта мусульман. Так сложились поздние части Корана, а также хадисы - предания о высказываниях, поступках, решениях уже не Аллаха, а Мухаммеда, которые сначала передавались устно, а затем были записаны в Сунне. Сунна - мусульманское священное предание, содержащее рассказы (хадисы) о Мухаммеде, а также его высказывания - является источником, поясняющим и дополняющим Коран и второй (после Корана) основой мусульманского права. Складывалась Сунна во II половине VII - начале VIII в. Шесть её сборников, два главных из которых были составлены в IX в., играют роль канонических. От термина «сунна» происходит название одного из направлений ислама - суннитов, для которых хадисы являются основой всей религиозной и общественной деятельности мусульманина. (Другое направление - шиизм - отрицает достоверность большей части хадисов, вошедших в канонические сборники).

Объединившиеся вокруг Мухаммеда мусульмане образовали в Медине свою общину - умму, которая в отличие от родоплеменных объединений строилась на основе веры. Эта община была теократической организацией, где политическая власть принадлежала Мухаммеду, который одновременно играл роль и духовного, и светского главы.

На второй год хиджры, в 623 году Мухаммед предписал мусульманам молиться не в сторону Иерусалима, как они делали раньше, а в сторону мекканского храма Каабы. Это древ-

нее языческое святилище было объявлено священным и для мусульман.

Из Медины Мухаммед начал борьбу с родной, но враждебной ему Меккой. Серия сражений, нападений на караваны, стычек и переговоров закончилась компромиссом. Мекканцы подчинились пророку, а он подтвердил святость их города и простил своих врагов. Кааба после демонстративного разрушения находившихся там языческих идолов и символов (за исключением «чёрного камня») стала главным святилищем новой религии, паломничество (хаджж) к которому объявлялось одним из «пяти столпов» новой религии.

Кааба - мусульманская мечеть - небольшое четырехугольное здание из серого камня с плоской крышей, в юго-западный угол которого, в нишу, с наружной стороны вделан «чёрный камень», якобы упавший с неба. Он состоит из нескольких кусков, скреплённых серебряным обручем.

Мусульмане, посещающие Мекку (особенно во время хаджжа), стремятся прикоснуться к «чёрному камню», так как верят, что он послан Аллахом с неба людям как знак его могущества и благоволения к ним. Они считают, что это окаменевший ангел, который во время страшного Суда выступит в защиту прикасавшихся.

8 марта 632 г. Мухаммед в сопровождении всей семьи совершил в святыне Мекки своё первое и единственное «великое паломничество», вошедшее в историю под названием «прощального». Этот акт окончательно закрепил роль Мекки как религиозного центра ислама - она отныне становилась его священным городом, запретным для всех «неверных», местом ритуального паломничества мусульман, которое на протяжении всех последующих веков неукоснительно и строго совершалось и совершается по тому образцу, который дал Мухаммед во время своего прощального «хаджжа» с 8 по 12 марта 632 г. Спустя 3 месяца после него пророк Мухаммед скончался. Похоронен он в г. Медине, в основанной им мечети, к которой примыкал его дом.

Дело Мухаммеда продолжили халифы («заместители»), первые 4 из которых пользуются особым уважением у большинства мусульман. Их прозвали «праведные халифы».

После смерти Мухаммеда его преемником, духовным и светским главой мусульманской общины стал друг пророка

Абу Бакр (ок. 568-634), при котором ислам стал распространяться за пределы Аравии - в Сирию и Ирак.

На смену Абу - Бакру пришёл второй по счёту «праведный халиф» Омар (Умар). При нём ислам распространился не только на Ирак и Сирию, но и на Египет и на часть Ливии. В 638 г. Омар лично принял капитуляцию Иерусалима, где на развалинах священного храма Соломона (X в. до н.э.), разрушенного римлянами в 70 г. н.э., совершил демонстративную молитву, чем подчеркнул преимущество ислама по отношению к предшествующим религиям.

В конце VII в. на месте, где молился Омар, был построен храм «Купол скалы» (Куббат ас-сахра), который вместе с мечетью VIII в. аль-Акса стал второй после Каабы святыней ислама, закрепив за Иерусалимом в целом положение третьего (после Мекки и Медины) города всего мусульманского мира¹²⁵.

Третий «праведный халиф» - Осман (Усман) - один из самых первых последователей и сподвижников Мухаммеда. Он стал преемником халифа Османа в 644 г. в обстановке, когда медино-мекканская община, образованная Мухаммедом в 630 г., фактически превратилась в империю, управляющуюся на местах наместниками мединского халифа из числа ближайших сподвижников пророка. Он был женат на дочери Мухаммеда Рукайе, а после её смерти взял в жёны другую его дочь - Умм Кульсум, за что получил уважительное прозвище - Обладатель Двух Светочей.

Главная заслуга Омара, согласно арабо-мусульманской традиции, заключается в том, что по его приказу был установлен единый и окончательный канонический текст священного писания мусульман - Корана. В 656 г. Осман был убит в своём доме в Медине во время восстания, поднятого в городе прибывшими туда представителями мятежных мусульман из Египта и Ирана.

Четвёртый и последний из «праведных халифов», Али, был двоюродным братом (сыном Абу Талиба) и зятем Мухаммеда, мужем его дочери Фатимы. Он вошёл в историю как одна из самых трагичных и противоречивых фигур раннего ислама, при котором острая борьба за власть положила начало расколу мусульман на сторонников Али - шиитов и его противников суннитов. Для суннитов - он простой смертный,

один из «праведных халифов», образец набожности, благочестия, смелости и благородства. Для шиитов же Али - прямой наследник власти Мухаммеда и его связи с Мухаммедом. Али и его потомки наделяются шиитами священной благодатью. По их представлению, он порой оттесняет на задний план даже самого Мухаммеда, почитание его доходит в некоторых шиитских сектах до его обожествления. Шииты считают Али первым шиитским халифом. Погиб Али в вооружённой борьбе против правителя Сирии. Он был смертельно ранен при входе в мечеть и скончался от ран в 661 г.

Каждый уверовавший в ислам мусульманин обязан исполнять пять заповедей, «пять столпов» его, составляющих основы религии.

Первая из них - верить в то, что Аллах - единственный бог, а Мухаммед - его посланник. Величие бога выражено во многих формулах, которые часто повторяет мусульманин в речи, молитвах, бытовых восклицаниях: «Аллах самый великий!», «Царство принадлежит Аллаху», «Нет никакой силы, никакого могущества, кроме как от Аллаха», «Побеждает только Аллах», «Я полагаюсь во всём только на Аллаха».

Вторая обязанность мусульманина - молитва. Мусульманину предписано пять молитв в сутки. Совершать их можно и дома, и в поле, и в мечети. Молитве предшествует ритуальное омовение. Пятница является днём всеобщей молитвы, когда все мусульмане собираются на коллективную молитву в мечеть. Пятничная молитва сопровождается проповедью.

Мечеть является и местом для моления, и помещением для религиозной школы, и центром религиозных проповедей и диспутов. Главное место мечети - ниша (михраб), указывающая направление на святыню всех мусульман - мекканскую Каабу. К ней обращаются лицом молящиеся, около неё стоит руководитель молитвы - имам. Рядом с михрабом ставится возвышение (минбар, или мимбар) с ведущему к нему ступенями, нечто вроде кафедры, с которой читаются проповеди. Каждая мечеть имеет один или несколько минаретов (башен), с которых пять раз в день мусульман оповещают о наступлении времени очередной молитвы.

Третьей ритуальной обязанностью мусульманина является пост - воздержание от пищи, питья и развлечений. Время поста должно быть посвящено молитвам, чтению Корана и религи-

озных сочинений. Главным и обязательным для мусульман (кроме больных, путешествующих и др.) является пост в месяц рамадан, девятый месяц мусульманского календаря, в который, согласно традиции, Мухаммеду было передано первое откровение Аллахом.

Кроме ограничений, связанных с постом, в исламе существует большое количество запретов, регулирующих жизнь мусульманина. Ему запрещено пить алкогольные напитки, есть свинину, играть в азартные игры. Ислам запрещает ростовщичество.

Четвёртой обязанностью каждого мусульманина (если у него есть к тому физическая и материальная возможности) является хаджж - паломничество в Мекку, прежде всего к Каабе. Хаджж сопровождается выполнением ряда других церемоний: прослушиванием проповеди у горы Арафат, символическим метанием камней в дьявола, семикратным обходом вокруг Каабы, молитвой, питьём воды из источника Зам-Зам и др.

Хаджж завершается праздником курбан-байрам (ид аль-адха), который длится 3-4 дня (начинается 10 числа месяца зуль-хиджжа, приходится на разное время года). В день праздника в долине Мина паломники режут овец и ягнят в память о том, как Ибрахим (Авраам) был готов принести в жертву Аллаху своего сына. То же делают мусульмане по всему мусульманскому миру. На период хаджжа паломники надевают ихрам - специальные белые одежды, не стригут волос и ногтей. Люди, совершающие хаджж, носят почётное прозвище хаджж или хаджжи и пользуются особым уважением в своих родных местах.

Пятой обязанностью мусульманина является закят (закат, закьят, заккиат) - обязательный налог на имущество и доходы, который должен идти на нужды общины и распределяться среди бедных и малоимущих. Мусульманские проповеди толкуют этот термин как «очищение». Уплата «очищает», делает безгрешным пользование богатством, с которого уплачен налог.

Закят не является прямым государственным налогом. Он, по существу, есть средство перераспределения богатства внутри мусульманской общины и имеет целью снизить социальное неравенство. Его платят только взрослые дееспособные мусульмане с посевов, виноградников, финиковых пальм, золота

и серебра, мёда, товаров.

В Коране не были определены размеры уплаты закята, они были оставлены на усмотрение пророка Мухаммеда. Однако, указаны некоторые виды материальных благ (природных ресурсов), с которых необходимо заплатить закят, например, золото и серебро: «...А те, которые собирают золото и серебро и не расходуют его на пути Аллаха, - обрадуй их мучительным наказанием». (9:34). Что касается плодов, посевов, коммерции и металлов, то и о них говорится в Коране: «Он - тот, кто производил сады,...пальмы и посевы с различными плодами... Вкушайте плоды их, когда они дадут плод, и давайте должное во время жатвы» (6:142(141)). Сказано в Коране и об имуществе в целом: «Возьми с имущества их милостыню, которой ты очистишь и оправдаешь их» (6:104(103)). Коран говорит, что Аллах не накажет того, «в имуществе которого известно право для просящего и лишённого» (70:24,25). Используя ясное и чёткое обоснование закята в Коране, пророк Мухаммед и мусульманские законодатели сами вырабатывали конкретные правила этого налога. Он выплачивался, если богатство мусульманина превышало определённый минимум. Минимальное количество голов верблюдов, с которых в настоящее время взимается закят - 5 голов. За них платится 1 овца, а если у мусульманина от 91 до 120 голов верблюдов, он платит 2 трёхгодовалых верблюдиц. С 30 голов коров (минимальное количество, облагаемое налогом) - один годовалый телёнок, с 80 до 120 коров - 3 коровы и 4 телёнка. Минимальное количество овец, с которого платится закят - 40 (закят равен 1 овце). На вес менее 675 кг сельхозпродуктов закят не уплачивается¹²⁶.

Иногда к «столпам ислама» причисляют джихад (араб.: усилие, отдача всех сил и возможностей ради распространения и торжества ислама). Первоначально под джихадом подразумевались главным образом военные действия мусульманского государства. Это значение стало основным для немусульман и получило у них название «священная война» - газават - война мусульман против «неверных», т.е. немусульман.

Такое понимание термина «джихад», уравнивание его с термином «газават» стало традиционным для европейцев. На самом деле понятие «джихад» значительно шире. Точное значение этого термина: «борьба», «старание», «напряжение», «рвение», «усилие», т.е. термин включает в себя и применение

силы в сражении, борьбу, военный конфликт, но не сводится только к ним. В Коране и Сунне это слово используется и как средство убеждения. Применение силы в сражении - это малый джихад, а применение мирных усилий для исполнения требований ислама (например, правдивая речь в лицо жестокому правителю) - большой или высший джихад¹²⁷.

Мужчина становится мусульманином после того, как над ним в раннем возрасте совершается обрезание. Заключение браков совершается в присутствии духовных лиц, фиксируется и закрепляется чтением Корана. Ислам разрешает мужчине иметь несколько жён. У самого Мухаммеда, как считается, в разное время было 14 жён, в год его смерти - 9 жён; пока была жива его первая жена Хадиджа, Мухаммед не брал второй жены. Главной целью жизни жены является рождение и воспитание детей. Она - хранительница домашнего очага, религиозных и национальных традиций. Некоторые исследователи считают, что «представления о мусульманке, как о «забитой и робкой женщине» не соответствует реальному положению вещей», и что так утверждают лишь «несведующие в традициях и быте исламской семьи»¹²⁸.

Похоронный обряд предполагает чтение определенных сур Корана. Хоронят обычно в день кончины. Тело кладут в могилу завёрнутым в саван, без гроба, головой к Мекке. Согласно мусульманским представлениям, все мёртвые воскреснут в день Страшного Суда, чтобы предстать перед Аллахом и ответить за свои дела и намерения.

Несмотря на обилие в исламе различных течений, главными из которых являются суннизм и шиизм, среди всех мусульман существует довольно стойкое представление о принадлежности их к единой общности, объединённой общей верой, общими традициями, общими интересами в современном мире.

Единого мнения о времени, когда горские народы Северного Кавказа перешли в ислам, нет. Чеченские предания, например, называют VIII век, конец XIV в. (время походов Тамерлана против вайнахов). Учёные склонны относить принятие ислама к XV, ко второй половине и к концу XVI в. В том, что ислам стал официальной религией практически всех чеченских тукхумов к концу XVIII-началу XIX в., согласны, кажется, все исследователи. До принятия ислама многие горцы

были язычниками, некоторые знали христианство, проникавшее сюда особенно интенсивно в период с X по XIII вв., когда влиятельной силой на Кавказе была Грузия.

Горцы Северного Кавказа стали приверженцами наиболее многочисленного направления ислама - суннизма, т.е. они признают достоверность канонических сборников Сунны, отрицают особую природу четвёртого «праведного» халифа Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, и особое право его потомков на халифат (имамат), т.е. на руководство мусульманской общиной. Они считают, что имамом (халифом) может стать любой мусульманин, которого выберет община или её представители; что он зависит от воли людей, а не является «божественным установлением». Законными имамами (халифами) сунниты признавали не только потомка пророка Мухаммеда, Али, но и первых трёх халифов, бывших до него, которые не являлись его потомками.

Ислам утвердился на Северном Кавказе в форме суфизма (по арабски тасаввуф, букв. облачённость во власяницу). Суфизм (тасаввуф) - это мистическое течение в исламе, возникшее в XIII в. Оно проповедует аскетизм, отказ от мирских желаний, пренебрежение к земной жизни, полное отрешение от земной воли, равенство всех людей, осуждение стяжательства и богатства. Суфии призывают к нравственному самосовершенствованию, воспитанию внутренней самодисциплины. Суфии вырабатывали путь (тарика), который привёл бы их к осуществлению главного смысла их жизни - к познанию бога, к возможности единения с ним.

С XI в. суфии создают многочисленные суфийские ордена (братства, вирды, тарикаты), которые получают названия по имени их основателей. В XIV в. в Средней Азии Баха ад-дин Накшбанда (1318-1389) основал суфийский орден Накшбендия (Накшбандия, Накшбенди). В XII в. в Ираке было создано суфийское братство Кадирия (Кадирийа), получившее своё название по имени его основателя Абд-аль-Кадира аль-Джиляни (аль-Джили, аль-Гиляни). Практически все горцы Северного Кавказа стали приверженцами этих двух суфийских орденов (вирдов, тарикатов).

Мусульманские мистики считали, что приблизится к богу могут лишь достойные. Чтобы стать таковыми, суфии должны пройти несколько ступеней преобразований своей личности.

На первой ступени суфии неукоснительно исполняют законы ислама, шариата, что означает ведение праведной, угодной Аллаху жизни. Эта ступень ведёт его к богу через внешнее поведение.

Вторая ступень - период послушничества мусульман, которые становятся мюридами - учениками авторитетного суфийского «старца» (шейха, мюршида). Мюриды сами находят себе учителей и подчиняются им беспрекословно.

Путём молитвы, напряжённого созерцания, коллективных молений суфии стремятся убить в себе личную волю, избавиться от несправедливых желаний, страха, преодолеть физические болезни, выработать такие качества, как покаяние, терпение, любовь и благодарность Аллаху, упование на него, страх перед ним; надежду на спасение, аскетизм, умение страдать, радоваться, тосковать. Эта ступень тариката (пути) ставит своей задачей целиком подчинить волю ученика - мюрида воле его учителя - мюршида (шейха).

На последующих двух ступенях суфии не умом, а сердцем познают единство Вселенной о боге, относительность добра и зла. На последней происходит слияние познавшего с божеством.

Члены суфийских тарикатов имели свои, тщательно разработанные религиозно-философские доктрины, ритуалы поклонения основателю тариката (ордена, братства). Одним из таких ритуалов является зикр-коллективная молитва, во время которой суфии многократно поминают Аллаха, повторяя формулы: «Аллах самый великий (Аллах акбар)»; «Нет никакого божества, кроме Аллаха», «Слава Аллаху!» и др. Зикр сопровождается определенными телодвижениями, проводится иногда под музыку и бой барабанов. Особенно бурными и продолжительными бывают зикры во время религиозных праздников, когда их участники в экстазе доводят себя до исступления. Считается, что исступленное и частое совершение зикра поможет суфиям приобрести высшую благодать и приведёт их к «высшему знанию» - познанию бога.

Официальный ислам от первоначального жестокого преследования суфиев постепенно переходит к примирению с ними. К XV- XVI вв. суфизм уже фактически мирно сосуществовал с официальным исламом¹²⁹.

На Восточном Кавказе вначале главное распространение

получил тарикат Накшбенди.

О программе его судить трудно, т.к. речи руководителей ордена записывались по слухам, т.е. недостоверно переданы. Одно находится вне сомнений: руководители движения, муллы, особенно упорно подчёркивали обязанность каждого правоверного - принимать участие в священной войне с «неверными» - газавате.

Гораздо больше нам говорит устав ордена - правила поведения мюрида по отношению к шейху (мюршиду), которые делали секту сильной и сплочённой, с железной дисциплиной.

Вот лишь некоторые из обязанностей мюрида: перед своим шейхом ученик должен быть «как вор перед уважаемым султаном и чтобы не отвратил своего сердца от шейха, если тот унизит его или будет бранить его перед товарищами; и чтобы не упрекал шейха, если кажется ему, что шейх нарушает явно закон... И чтобы не противился приказанию шейха, если бы он приказал броситься в огонь». Мюрид «должен быть убежден в том, что его шейх есть самый высокий из шейхов и путь его - высший из путей». Эти правила требовали от мюрида привязанности к своему шейху, которая должна быть так сильна, что он обязан не только свято «исполнять волю мюршида, но даже стараться предупреждать его желания прежде, чем он выскажет их».

Чрезвычайно важным в уставе мюридских организаций было право каждого горца вступать в число последователей тариката и возможность для каждого из них добиться высших ступеней тарикатской лестницы: «Мюрида, приходящего к учителю, спрашивают только о знании закона и решимости отречься от грехов и ...далее он возвышается единственно по мере развития его нравственных совершенств, следовательно... ни богатство, ни рождение не имеют никакого значения у последователей тариката, так что простолудин, очистивший сердце своё постом и молитвой и достигнувший последних степеней нравственного образования, стоит несравненно выше отягчённого благами мира вельможи, который, признав ничтожность их, прибегает к мюриду с просьбой наставления в тарикат»¹³⁰.

Понятно, что организация, обладающая такой дисциплиной, могла руководить массовым движением, поднимавшемся в начале XIX в. в Дагестане и Чечне.

Прямым результатом растущего влияния ордена Накшбендия на Кавказе стало антирусское и антихристианское восстание шейха Мансура в 1785-1791 гг. Это была первая «священная война» с «неверными», названная «газаватом». Возникла она прежде всего в ответ на угрозу с севера - наступление России, которое грозило не только утратой плодородных равнинных земель, но и независимости горцев.

Английский учёный А. Ливен считает (как уже говорилось выше, его тезис далеко не бесспорен), что «газаваты» - восстания против русских - проходившие «под знаменем ислама и под руководством членов ордена Накшбандий, начались в 1829 г. и продолжались до 1921 г.¹³²

Основателем тариката Кадирийа в Чечне считается шейх Кунта-Хаджи Кишиев (Кишинский), который начал свои проповеди в конце Кавказской войны (1817-1864 гг.),¹³³ продолжение которой считал гибельным для горцев. Шейх был принципиальным противником всякого насилия, призывал чеченцев прекратить военные действия и пойти на компромисс с русскими ради спасения своего народа, смириться, заняться внутренним самоусовершенствованием. Учение Кунта-Хаджи называют ещё зикризмом по характерному кадирийскому «громкому зикру», коллективной молитве, сопровождаемой ритуальным танцем.

Поскольку политическая программа Кунта-Хаджи допускала возможность подчинения Чечни России, ему пришлось в 50-е годы XIX в. бороться с Шамилём. Число его сторонников возрастало по мере отхода от накшбендийского тариката разочаровавшихся в нём масс и значительно увеличилось после падения имамата Шамиля. Следует заметить, что и «закризм», как и накшбендийский орден, не являлись специфически чеченскими, они имели своих приверженцев в других районах Кавказа. Кадирийский орден Кунта-Хаджи стал среди чеченцев и ингушей второй, а может быть и первой по своей численности. Популярности секты способствовала прежде всего программа Кунта-Хаджи, призывавшего прекратить Кавказскую войну и спасти себя: «Братья, перестаньте воевать. Нас провоцируют на войну, чтобы уничтожить... Если будут заставлять ходить в церковь - идите. Это лишь стены. Лишь бы ваши души были мусульманскими. Я никогда не поверю, что нам помогут какие-то турки... Поэтому умейте жить с русски-

ми, но если вас будут заставлять забыть свой язык, свои обычаи - восстаньте и погибните все как один». Д. Гакаев замечает, что главную опасность для своего народа Кунта-Хаджи видел не в попрании ислама, а в возможности уничтожения языка и культуры, для него «этничность (идея сохранения этноса) была выше конфессиональной принадлежности и, в отличие от Мансура, он не хотел жертвовать чеченцами ради спасения их религии»¹³⁴. Способствовали популярности закризма и репрессии царских властей по отношению к Кунта-Хаджи, усилившиеся в связи с тем, что это мирное учение, призывавшее к смирению, в действиях некоторых зикристов в 1862-1863 гг. приобретало антицаристский характер. Арест в начале января 1864 г. Кунта-Хаджи и его окружения и ссылка его под Вологду (он там и умер) вызвало восстание зикристов (18 февраля 1864 г.) Оно было жестоко подавлено. Зикристы ушли в подполье.

Что же касается накшбандийского тариката, то некоторые его шейхи в Дагестане и Чечне после поражения горцев в Кавказской войне заняли примиренческую позицию, в ряде случаев определялись на государственную службу. Вместе с тем, отдельные сторонники Накшбанди оставались противниками царизма.

В годы гражданской войны в Чечне и Дагестане шейх Узун-Хаджи, член тариката Накшбандийа возглавлял борьбу кавказских горцев против белогвардейцев армии Деникина и внёс значительный вклад в её разгром. В Дагестане против белогвардейцев со своими мюридами сражался накшбандийский шейх Али-Хаджи Акушинский.

Другой дагестанский алим (знаток теологии и религиозного права) Нажмутдин Гоцинский, последователь тариката Накшбандийа, занимал пробелогвардейскую позицию и в 1920 г. вместе с внуком Шамиля Саид-беком поднял восстание против советской власти.

Зикристы, объединявшие, в основном, бедноту, поддержали большевиков и сражались против белогвардейцев. Это объясняется тем, что большевики обещали вернуть земли горцам, некогда отобранные у них царизмом в пользу казаков, предоставить им самоуправление и право решать свою судьбу согласно их обычаям и религии. Некоторые из так называемых «бедных мулл» даже проявляли желание «записаться в Ком-

мунистическую партию». В выступлении на представительной ингушской конференции 16 марта 1924 г. в Назрани мулла ингушского села Шалги Магомет Мистоев сообщил, что 21 ингушский мулла погиб в борьбе за советскую власть. «Бедные муллы» толковали Коран в пользу советской власти: «То, что говорит большевик, написано тут, в Коране. Сам Магомет сказал, что на реке Дон будут очень большие бои... Будут они и на Тереке между русским народом. И когда будут на Тереке, мы, горцы должны помочь». Новые муллы даже отвергали шариат, как давно устаревшие нормы поведения¹³⁵.

И.П. Добаев утверждает, что «сторонники кадирийя советскую власть не приняли». Этот тарикат, по мнению историка, превратился «в основной оплот сопротивления коммунизму». Кадирийцы, считает автор, «как бы поменялись ролями с накшбендийцами». Многие накшбендийцы сотрудничали с «атеистической советской властью», а кадирийцы перешли в оппозицию к ней¹³⁶. Очевидно, что такое утверждение нуждается в уточнении: когда кадирийцы стали «основным оплотом сопротивления коммунизму» и почему это произошло.

Трудно предположить, что работники советской власти, посылаемые на Кавказ, в полной мере представляли себе все особенности религии, с которой им пришлось соприкоснуться, вряд ли они могли предвидеть, какой организующей силой станет ислам в борьбе горцев с советской властью.

Муллы и шейхи, зачастую являвшиеся главами родов, были крупными богачами, поскольку располагали средствами мечетей, получая закят, часть дохода зажиточных мусульман, которую те жертвовали в пользу бедных. В 1925-1926 гг. только по закяту и единовременным сборам жители аулов Чечни и Ингушетии выплачивали духовенству и мечетям 543 тыс. руб. в год, что в 25 раз превышало сельскохозяйственный налог и почти в 1,5 раза - все прямые и косвенные государственные и местные налоги, выплаченные населением. В 20-е годы горцы Северного Кавказа расходовали на содержание мечетей, мусульманского духовенства, на религиозные праздники и обряды более 5 млн. руб. в год - половину той суммы, которая тратилась на хозяйственные нужды и культурное строительство в этих областях¹³⁷.

Муллы вели всю работу по организации арабских школ, готовивших защитников и хранителей веры. Почти всё судо-

производство горцев проходило через шариатские суды, которые состояли исключительно из духовенства. Шейх, возглавлявший секту, согласно традициям и обычаям, распоряжался личностью преданного ему мюрида, пользовался его имуществом и трудом, иногда за некоторую компенсацию, иногда безвозмездно.

Сочетая в своих руках духовную и административную власть, духовенство становилось большой силой во всех областях общественной жизни, могло влиять на политические события, направлять их в ту или другую сторону, в зависимости от ориентации, которой они придерживались. Авторитет мулл и шейхов был настолько велик, что в Чечне, например, и в 1923 г. без них нельзя было провести ни одного митинга или собрания, они играли здесь главную роль при решении любых вопросов¹³⁸.

Учитывая роль мусульманского духовенства, советская власть привлекала наиболее авторитетных религиозных вождей в ревкомы, исполкомы, что вызывалось спецификой национальных окраин: как уже говорилось, только в Чечне в 1924 г. было 38 шейхов, вокруг которых группировалось около 60 тыс. организованных мюридов, а в Ингушетии примерно 20% населения в 1926 г. (около 14 тыс. чел.) состояло мюридами шести религиозных сект¹³⁹.

На протяжении всего рассматриваемого периода, до 1927 г. продолжали действовать шариатские суды.

В такой сложной обстановке, коммунисты, направленные партией большевиков на Северный Кавказ, зачастую, будучи превосходными её работниками в центре, оказывались совершенно не подготовленными для деятельности на местах, где нельзя было провести в жизнь декрет об отделении школы от церкви и церкви от государства. Нельзя было, борясь с религией, арестовать шейха, не рискуя вызвать взрыв религиозного фанатизма. Поэтому В.И. Ленин в письме от 14 июля 1921 г. коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики призывал их понять своеобразие их задач. Он призывал не копировать тактику, применяемую в центре, а «обдуманно видоизменять её применительно к различию конкретных условий», что было важнейшим условием, как считал Ленин, для успешного развития здесь советской власти¹⁴⁰. Поэтому ЦК РКП(б) предоставлял широкие полномочия кавказ-

ским работникам в их деятельности, предлагал в своём циркулярном письме от 22 февраля 1920 г. «считаться с религиозными предрассудками народов Востока»¹⁴¹.

Следует согласиться с мнением А. Малашенко о том, что примерно до 1927 г. советская власть на Северном Кавказе не боролась с исламом, а осуществляла «поиск компромисса с исламом как с мировоззрением и социокультурной системой, которую большевики рассчитывали использовать для закрепления своего правления». Совершенно справедливо автор утверждает, что «несмотря на государственный атеизм, советская власть обращалась с исламом довольно прагматично..., прекрасно понимая невозможность «атеизации» Северного Кавказа»¹⁴².

Ислам, как и другие монотеистические религии не знал примеров полного и безоговорочного забвения старых верований и культов. «Чистого» ислама в мусульманском обществе не существовало вообще. Возникал и складывался синтез, в котором языческие традиции невольно или осознанно преобразовывались и ассимилировались новой религией. Языческие традиции, приобретая мусульманскую окраску, прочно укреплялись в сознании людей, занимали важное место в повседневной жизни.

Шамиль пытался навязать кавказским горцам шариат, т.е. комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, религиозной жизни и поступков мусульманина - «божественных законов», доводимых до людей через Коран, хадисы и сочинения религиозных авторитетов. Эта его попытка не увенчалась успехом. Шариат вынужден был приспособиться к традиционным этнокультурным особенностям горцев, к их адатам, т.е. к обычному праву, племенным обычаям, которые регулировали различные стороны экономической жизни и части семейных и родовых обычаев.

Сферы влияния адата и шариата на социальную и духовную жизнь горцев всегда были разграничены. Регулирование части семейно-бытовых, религиозно-погребальных и другого характера социальных явлений находилось в ведении шариата. В ведении адата оставался большой пласт этнической культуры: горский этикет, подчёркнутое гостеприимство, уважительное отношение к старшим, взаимопомощь, военная доблесть, кровная месть и т.д.¹⁴³.

Адатно-шариатский симбиоз в социально-духовной жизни горцев сохранился и в годы советской власти. Ей тоже не удалось преодолеть его.

Одним из главных пережитков родового строя была кровная месть обидчику за причинение вреда мстителю или его сородичу. Кровная месть являлась особой формой самозащиты родов: чтобы не нарушить существовавшего ранее равновесия между родами, не стать слабее рода обидчика, род обиженного должен был или причинить враждебному роду равноценную обиду, или убить равноценного члена рода. Мстителю не интересовало, преднамеренно ли было совершено убийство или случайно, убит ли состоятельный горец или бедняк. Часто за кулака, который в обычное время вызывал неприязнь всего рода, кто эксплуатировал бедняков, они должны были мстить за его смерть, рискуя своей жизнью. Кровная месть прекращалась только тогда, когда потерпевший род уничтожал человека из враждебного рода или путём примирения получал определённую сумму за потерю членов рода. Обычай кровной мести использовался противниками большевиков для уничтожения лучших советских работников, с одной стороны, и для укрывательства и защиты от преследования власти явных антисоветчиков и бандитов, с другой. Предполагали, что на почве кровной мести в июне 1921 г. был убит преданный советской власти работник, председатель ревкома Урус-Мартановского округа Чода Яшуркаев и ещё 5 человек из аула Новые Алды. Вдохновителем убийства был мулла С. Гойты Магомет Хаджи, которого Яшуркаев отстранил от должности общественного муллы¹⁴⁴.

Пережитком родового строя, который способствовал развитию уголовного бандитизма, был калым - выкуп за невесту. По шариату женщина была рабочей силой, которую род, община, не хотели терять безвозмездно. При заключении брачного договора со стороны мужа нужен был калым, размер которого зависел от соглашения между договаривающимися сторонами, хотя минимальный размер калыма определялся в классическом шариате 10 драхмами, 7 золотниками серебром¹⁴⁵. Калым платился тем больше, чем богаче был род, семья, из которой бралась невеста.

В Ингушетии, например, весной 1920 г. сумма калыма составляла 1 млн. руб. и выше. Выплата калыма нередко приво-

дила к разорению рода жениха, побуждая последнего к участию в грабежах. Иногда в счёт калыма один род снимал урожай или забирал скот у другого¹⁴⁶.

Дом и очаг каждого горца, по древнему обычаю, был открыт для каждого пришедшего или ищущего приюта. Закон гостеприимства способствовал установлению дружеских связей между горцами и соседними народами. Этот закон, обязывал горца не мстить даже явному врагу, вошедшему без обнажённого оружия к нему в дом. Любой пришелец, если даже он был незнаком хозяину дома, принимался с почётом, как дорогой гость. Поэтому часто горцы (даже иногда помимо своего желания) укрывали повстанцев, давали им приют и гостеприимство, ибо, в противном случае, горцу грозило проклятие рода, а этого он боялся больше всего.

Отчасти в силу этого обстоятельства советской власти стоило огромного труда изъятие руководителей повстанцев, например Н. Гоцинского в 1925 г. во время операции по разоружению Чечни. Для населения хуторов Итум-Калинского района, где он находился в это время, да и вообще жителей горной Чечни, Гоцинский, с одной стороны, являлся имамом, с другой - гостем, т.е. концентрированным воплощением «почётного гостя». Посягнуть на него тем, кто даже и сочувствовал советской власти, означало пойти против вековых укладов, обычаев, традиций. Это могло бы повлечь за собой (в силу кровной мести) уничтожение всего рода горца, опозорило бы его в глазах горцев на много поколений. На такую операцию никто бы из горцев не пошёл.

Благоприятной почвой для развития повстанчества среди горцев являлась их большая культурная отсталость. К 1917 г. грамотное население всего края составляло 26%. К нему относилось, в основном, городское и казачье население, горцам же грамотность была практически недоступна. Так в Чечние к 1917 г. читать и писать по арабски умели 1,9% жителей, по-русски - 0,8%, в Черкесии, по данным переписи 1920 г., грамотных насчитывалось 2,5%. В одной только Чечне около 3 тыс. мечетей, 180 арабских школ, 60 тыс. мюридов, организованных под руководством 38 шейхов выступали против ликбеза, радио и кино, бань и больниц, не допуская детей к светской школе¹⁴⁷.

Почти сплошная неграмотность являлась благоприятной

почвой для религиозности, доходившей до фанатизма, до появления многочисленных «святых» шейхов и мулл. «Святым» мог стать любой человек с сильной волей, организаторскими дарованиями, ведущий многолетнюю жизнь аскета, который день и ночь во время молений, прославлял имя всевышнего. Наиболее сильные, фанатичные и богатые из них совершали пономничество к святым местам в Мекку и к высшим представителям магометанской религии в Турцию. Иногда это путешествие продолжалось свыше 5 лет. Паломник возвращался на родину «образованным» человеком: хорошо знал Коран и умел его читать (по-арабски), знал тонкости религиозного культа, рассказывал о диковинных местах, виденных им. Он сразу занимал авторитетное положение в своём ауле, распространял влияние на соседние, с течением времени присваивал себе титул «святого». Слух о «святом» шейхе распространялся далеко по горным аулам, и бедные люди, страждущие правды и спасения, начинали стекаться к нему. Уходили они после многочисленных молений уже его мюридами (поклонниками), добровольно взявшими на себя обязательства выстроить ему дом, соответствующий «святости» шейха, содержать его семью, обрабатывать его пашню и т.д. Во всяком бедняке, можно было найти поклонника такого шейха, готового встать на его защиту, уверенного, что смерть за шейха приведёт его в рай Магомета. Убедить мюрида словами было невозможно, для изменения его мировоззрения необходимо было коренным образом менять условия его жизни¹⁴⁸.

До советской власти среди горцев Кавказа не было своей письменности. Часть горцев (чеченцы, ингуши, осетины и др.) одновременно с распространением среди них ислама приняли от Дагестана арабский шрифт и письменность.

Горцы западной части Северного Кавказа (кабардинцы, черкесы, адыгей), которые в XVII в. были обращены в христианство, пользовались греческой письменностью.

С завоеванием горцев крымскими татарами, все они были обращены турецкими эмиссарами в мусульманство, арабская письменность завоевала положение национальной. Русский царизм, противодействовал введению арабского шрифта, пытался создать для горцев алфавит с русскими буквами.

После установления советской власти для всех бесписьменных народов был введён алфавит на латинской основе, как

более приспособленный к особенностям языков национальных областей Северного Кавказа¹⁴⁹. Это культурное мероприятие подрывало экономическую базу духовенства, т.к. за обучение в арабской школе родители платили деньгами и продуктами, обеспечивали муллу дровами, отапливали и убирали помещение школы¹⁵⁰.

Арабисты повели открытую борьбу за арабскую школу. Проповедание идей арабизма муллы Дамели Карнай Хаджиев сам обошёл десятки дворов с. Дышне-Ведено, убеждая родителей в том, что учёба их детей в советской школе - «греховное заблуждение», настаивал на возвращении учеников в его школу, обещая за это блага после смерти¹⁵¹.

Причинами, позволявшими повстанчеству принимать организованный характер и широкий размах в горских районах были слабость местного советского аппарата, партийных организаций, что, в свою очередь, объяснялось отсутствием национальных кадров, опытных работников из центра, знакомых с местными условиями, переводчиков и проводников, без которых невозможно было проникнуть в горы.

По данным М.А. Китаева, к началу 1920 г. в регионе было около 2 тыс. членов РКП(б). Самая крупная парторганизация края - Донская - вышла из подполья в составе 50 чел., Кубано-Черноморская в марте 1920 г. насчитывала 459 членов, Ставропольская лишь оформлялась после освобождения губернии от белых, в Терской области вообще не было ни одной партийной ячейки¹⁵². Ошибками неокрепших советских и партийных органов умело пользовались руководители повстанцев. Положение осложнилось ещё и отсутствием прочных связей Северного Кавказа с центром, приводившим к тому, что постановления советской власти доходили туда с большим опозданием.

В результате длительного угнетения со стороны царских властей, в обстановке постоянных столкновений с казаками, занявшими земли горцев, когда защита с оружием в руках своей жизни и имущества заменяла горцам суд и закон, бандитизм стал для них отчасти бытовым явлением, стереотипом разрешения острых конфликтов. Когда на одном из съездов в Ингушетии секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микоян обвинил ингушей в грабежах, старик-ингуш ответил: «Да, мы грабим, но вы должны удивляться, что мы не все гра-

бим, ибо нас учили не грамоте, а грабежу, нас веками грабили, и удивительно, что только часть из нас - бандиты»¹⁵³. Под руководством опытных руководителей уголовный бандитизм легко перерастал в повстанческое движение.

Зависимость от казаков, отсутствие защиты со стороны царской администрации, сознание своей зависимости от завоевателей на протяжении десятков лет воспитывали у горцев недоверие ко всему русскому. Их руководители, используя это недоверие, убеждали, что все русские - враги мусульманской религии, носители царского угнетения, против которых необходима беспощадная борьба. Советской власти предстояло решить здесь самый сложный вопрос - устранить недоверие горцев, обеспечить дружеское сожительство потомков бывших завоевателей - казаков с обездоленными горцами.

Необходимо заметить также, что горцы постоянно носили при себе оружие. «Нет почти ни одного горца, - докладывал в СНК 10 июля 1919 г. Г.К. Орджоникидзе, - у которого не было бы трёхлинейной винтовки и к ней 150-200 патронов»¹⁵⁴. Это высказывание относится ко времени пребывания на Северном Кавказе армии Деникина, но и после её ухода количество оружия у горцев не уменьшилось.

Повстанческое движение Северного Кавказа не могло бы получить такого размаха, который он принял особенно в 1920 г., если бы оно не было поддержано извне. Оно было одним из звеньев плана стран Антанты в открытии нового фронта против Советской России. Этот вопрос требует освещения в отдельной главе работы.

Глава III. Роль стран Антанты, Врангеля, Турции, меньшевистской Грузии в поддержке повстанчества Северного Кавказа

§1. Роль Англии, Франции, Врангеля, Грузии в поддержке повстанцев в 1920 году. Врангелевский «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков»

После поражения армии Деникина Врангель, а за его спиной французская и английская буржуазия стремились сохранить своё положение на Кавказе, который привлекал их богат-

ством природных ресурсов и возможностью создать здесь буфер, способный помешать проникновению революционных идей из Советской России в страны Востока. На этот раз свержение советской власти Англия и Франция предполагали осуществить с помощью антисоветского повстанческого движения.

21 марта 1920 г., сложив с себя командование армией, А.И. Деникин назначил генерала П.Н.Врангеля своим преемником на посту главнокомандующего.

В роли спасителя разгромленной и разлагающейся деникинской армии выступила Антанта. Англо-французский флот принял самое активное участие в вывозе остатков деникинских войск в Крым и Константинополь, и в боях при обстреле морского побережья. Правительство Антанты выступило посредником между Врангелем и советским правительством «в интересах мира и гуманности», предлагая через верховного комиссара Британии в Константинополе адмирала де Ребека вступить им в переговоры. 9 апреля 1920 г. де Ребек, прибывший в Сочи, заявил на совещании, что борьбу надо продолжать, так как от обеих сторон ответа не последовало.¹

Вскоре Англия обратилась к советскому правительству с требованиями о неприкосновенности Крыма и прекращении вооруженной борьбы с Врангелем, предупреждая, что «в противном случае английским морским силам будет предписано принять меры против вторжения советских войск в Крым».²

Результатом непосредственного вмешательства Антанты явилось то, что Врангелю удалось преодолеть распад Добровольческой армии, создать на её основе «Русскую армию» и укрыть её в Крыму, образовать в апреле 1920 г. «Правительство Юга России», которое возглавил А.В. Кривошеинов. Обстановка способствовала Врангелю: польская армия вступала в это время в пределы Украины и Советской России.

Задачи, поставленные Врангелем перед «Русской армией», были гораздо скромнее деникинских устремлений на Москву. «Всё должно быть сделано, чтобы удержать с помощью союзников последний кусок на Советской России», - писал Врангель в своём обращении к войскам после поражения Деникина³. 11 апреля 1920 г. в интервью с сотрудниками крымских газет он ещё раз подтвердил, что не хочет идти на Москву, а имеет целью создать на клочке русской земли такой порядок и

условия, которые бы «потянули к себе народ». Но уже в мае 1920 г. Врангель заявил о беспощадной борьбе «с красной нечистью», о необходимости «дать, наконец, России настоящего хозяина».

С конца июля 1920 г. и министр врангелевского правительства П.Б. Струве, который должен был пропагандировать в Европе демократичность политики Врангеля, перестал говорить о мирных переговорах с большевиками⁴.

Колебание планов Врангеля отражало колебание английской политики в отношении России, которое в немалой степени зависело от успехов антисоветских сил. В апреле 1920 г. британское правительство выступило посредником между советским правительством и Врангелем, предлагая армии Врангеля сдаться, за что выговаривало ей амнистию у советского командования. 8 мая 1920 г. парижские «Последние новости» сообщили о повороте в правительственной политике Англии по отношению к русским делам - основой её политики стала поддержка Врангеля. «На изменение политической ситуации, - писала газета, - повлияли три фактора: 1) неожиданная для англичан активность Врангеля в Крыму, 2) занятие большевиками Баку, угроза Батуми и Армении, 3) польское наступление на Украине⁵.

Следствием изменения английской политики явилось возобновление снабжения армии Врангеля, что было весьма сочувственно встречено руководящими кругами Франции и белой русской эмиграцией. «Снабжение войск Врангеля протекает в настоящее время чрезвычайно интенсивно», - с удовлетворением сообщали милюковские «Последние новости» 19 мая 1920 г.⁶

Врангелю удалось продлить на 2 месяца договор английского правительства с Деникиным, срок действия которого, по данным английской прессы, истекал 20 марта 1920 г. Кредит в 15 млн. фунтов стерлингов, открытый Деникину и не израсходованный им, в силу преемственности власти Врангеля, был предназначен теперь для его правительства и армии⁷.

Наряду с этим, Англия предоставила «Правительству Юга России» необходимые средства для ведения войны: моторные суда, гидроаэропланы, скорострельную артиллерию, пулемёты. К врангелевскому правительству были прикомандированы генерал Перси, который возглавлял английскую военную мис-

сию в Севастополе, консульство во главе с капитаном Боллом; создавалась британская администрация, прибыли английские военные суда «Мальборо», «Эйжекс» и другие. Англия приложила много сил, чтобы отстоять Крым и помочь осаждённым Красной Армией белогвардейцам. «Под защитой дипломатических нот лорда Керзона, речей Ллойд-Джорджа и особенно снарядов Черчилля, - передавала эмиратская газета сообщение советского радио, - Врангель развивает своё наступление на Украине⁸».

Сочувствие английского пролетариата Советской России, его солидарность по отношению к ней чрезвычайно затрудняли оказание помощи врангелевской армии. Английское правительство вынуждено было прибегать к скрытой помощи, выражавшейся в виде специальных кредитов, посылки оружия контрабандой, отпуска товаров через частных лиц и пр.

Истощённая войной Европа после Версальского мира нуждалась в русском сырье, в привозном хлебе. Демилитаризация промышленности и хозяйственная разруха создавали целые армии безработных, которые находили выход из экономического тупика в революционных выступлениях.

В таких условиях и борьба с Советской Россией, и политика её блокады становилась для Антанты делом весьма затруднительным. К тому же, политика крымского правительства, вызвавшая резкое неприятие её крестьянами, свела на нет все военные успехи Врангеля в северной Таврии. Население чуть ли не поголовно уклонялось от мобилизации и уходило к «зелёным». Даже кулаки Украины не согласились на союз с Врангелем. Жизнь заставляла европейские державы, если не формально, то фактически признавать советское правительство, вступать с ним в переговоры о заключении торговых соглашений. Из стран Антанты первой в этом отношении была Англия.

После заключения Советской Россией перемирия с Польшей 17 октября 1920 г. английское влияние на юге сходит на нет. Ослабление его было вызвано, с одной стороны, выявлением крепости советского правительства, с другой - требованиями английской экономики ориентироваться на «фактически существующее правительство России». Уже переговоры Ллойд - Джорджа с Л.Б. Красиным пробили брешь в отношениях Англии к крымскому генералитету, что вызвало горечь в

рядах добровольцев и недовольство английских представителей на юге России.

20 июля 1920 г. первый лорд адмиралтейства Лонг ответил в палате общин депутату Кенворси, что британская морская миссия при Врангеле отозвана⁹. Отъезд из Крыма генерала Перси и оставление при ставке Врангеля лишь в целях осведомления английского консульства во главе с капитаном Боллом знаменует собой конец английского влияния на южнорусские белогвардейские силы.

Роль протектора переходит к французским биржевым дельцам и правительству Франции, поддерживавшим Врангеля и раньше. В то время, как умеренное крыло английского кабинета министров, представленное Ллойд-Джорджем, склонялось к тому, чтобы признать советское правительство, французский кабинет министров был настроен непримиримо по отношению к Советской России, требуя у неё уплаты царских долгов.

Царская Россия была в неоплатном долгу у французских кредиторов. 5 млрд. руб. довоенного долга возросли за годы войны до 55 млрд. руб. Одних только процентов Россия должна была платить ежегодно 2,5 млрд. руб. при годовом бюджете в 3 млрд.руб.¹⁰.

Францию привлекало не только русское золото, которое она считала своим. Юг России, Украина, Донская область, Кубань могли дать Франции недостающее ей сырьё. Во французской влиятельной прессе приводились данные о неисчерпаемых природных богатствах Украины и Дона. Донбасс привлекал внимание французских капиталистов, мечтавших о соединении северных районов Украины с портами Чёрного моря, откуда можно было вывозить уголь во Францию.

Министр финансов правительства Врангеля М.В. Бернацкий в июле 1920 г. заявил о том, что правительство Врангеля «всегда стояло и стоит за признание всех обязательств России по отношению к иностранным державам и будет их выполнять». Он сказал, что это «один из первых актов его после освобождения России от большевиков»¹¹.

В начале августа 1920 г. Франция признала правительство Врангеля. По поводу признания Врангель заявил: «Нота Франции является справедливым и благородным выражением признательности одного союзника за жертвы, принесённые

другим союзником в общем деле. Владея Доном и Кубанью - двумя самыми богатыми житницами хлеба в России - мы будем вскоре в состоянии вывозить за границу огромное количество зерна и съестных припасов в обмен на фабрикаты, в которых нуждаемся»¹².

Врангель преувеличивал свою роль, считая себя равноправным союзником Франции. Уже после его падения английская газета «Манчестер Гардиан» писала: «Он был, в сущности, орудием в руках мощной деловой организации, главная квартира которой находится в Париже. Общество это называющееся «Русско-французским обществом для использования южной России и Крыма», было учреждено в начале 1920 г. с капиталом в 12 млн. франков группой франко-русских финансистов и промышленников. В состав общества входили главные акционеры железных рудников Кривого Рога и угольных копей Донбасса. Общество закупало большие запасы платья и снаряжения для врангелевской армии, надеясь оплатить поставки продажей хлеба и других крымских продуктов. Позднее они рассчитывали продолжить дело путём вывоза железа и угля. Им в самом деле удалось вывести в Марсель несколько кораблей с грузами, проданными по хорошей цене»¹³.

Ясно, что в Париже придавали чрезвычайно важное значение военным операциям южной армии. Чтобы держать Францию в курсе военного положения на юге, служить советником Врангеля и видеть, в чём нуждается его армия, 8 октября 1920 г. в Крым выехала французская военно-морская миссия под начальством генерала Бруссо, который считался в военном министерстве Франции одним из самых талантливых молодых генералов, много занимавшимся военными вопросами периода гражданской войны в России. Независимо от него в октябре же в Севастополь выехал верховный комиссар Франции при правительстве Врангеля де Мартель, который должен был установить (как говорилось в инструкции министерства иностранных дел, подготовленной для него) коммерческие и дипломатические отношения между Крымом и Францией¹⁴. В качестве личного секретаря его сопровождал комендант французской армии Пешков.

На самом деле миссия де Мартеля была гораздо значительнее: он должен был осведомлять Францию о прочности положения правительства Врангеля. «Дальнейшая деятель-

ность Франции в Крыму будет в значительной зависимости от донесений г.Мартеля», - говорилось в русской эмигрантской прессе¹⁵.

После военно-экономического совещания в Крыму и парадного обеда, устроенного Врангелем в честь высокого гостя, де Мартель, ознакомившись с положением дел, рекомендовал французскому правительству усилить военную помощь Врангелю, хотя и до этого Франция открыто признавала, что «оказывает в настоящее время Врангелю полную моральную и материальную поддержку». Ходатайство его о 100 млн. франков французское правительство удовлетворило, за что получило гарантию о 50% экспорта продовольствия из Крыма. Средства от продажи предметов экспорта шли на погашение долга¹⁶.

Начался планомерный вывоз русского хлеба, который везли в Марсель пароходы бывшего Российского общества пароходства и торговли (РОПИТ) «Евфрат» и «Иерусалим». Их регулярные рейсы организовало французское пароходное общество «Месажер Маритим». В начале октября в Марсель прибыл пароход «Константин» с 4500 т. ячменя. Представитель Врангеля, сопровождавший его, сообщил, что в течение ноября придут ещё 7 пароходов с зерном общим весом 30 тыс. т. Три из них уже находились в пути¹⁷.

Вместо хлеба в адрес Врангеля поступали уголь и керосин, сахар и медикаменты, оружие и инженерное имущество, сапоги, мануфактура и кожа для армии. Каждые 5 дней пароходы «Цесаревич Георгий», «Константин», «Русь» отходили из Константинополя с грузом для Врангеля и через неделю разгружались в Севастополе. 20 октября пароходы «Веста» и «Аскольд» доставили в Крым 12 тыс. п. угля, медикаменты, сахар. 23 октября греческий пароход «Кек уэн» и английский «Леди Элеонора» привезли 10 тыс.т. угля и 100 тыс. т. мазута. 12 тыс.т. военного снаряжения, предназначавшегося Колчаку, также попали Врангелю. 18 октября прибывший из Владивостока пароход «Омск» снабдил врангелевскую армию американскими сапогами (92 тыс. пар), мануфактурой и кожей (1800 т.), значительным количеством инженерного имущества. Грузы в Севастополь шли и из Марселя¹⁸.

Часть денежных субсидий, оружия, обмундирования, полученных Врангелем от его покровителей, предназначалась для северо-кавказских повстанцев, которые занимали особое

место в планах Антанты и Врангеля.

«Я отлично понимаю, - говорил Врангель, - что без помощи русского населения нельзя ничего сделать, надо на кого-то опереться, для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать»¹⁹. Не сумевший создать себе социальной опоры среди крестьянства, Врангель после неудач в Северной Таврии делает ставку на казачество и горцев Северного Кавказа, на поднимавшее там голову повстанческое движение. Прежде всего его интересовала Кубань, Тереку пока отводилась роль резерва.

Антисоветское движение на Кубани Врангель планировал начать в августе 1920 г. Для его подготовки многочисленные врангелевские агенты с помощью довольно щедрых денежных субсидий превратили остатки бесчисленных деникинских отрядов, скрывавшихся в балках, плавнях Кубано-Черноморской области из «отрядов спасения самих себя» (так их называли агенты в отчётах Врангелю из-за их критического положения) в силу, серьёзно угрожающую советской власти на Кубани. На подготовку восстания, как о том свидетельствует донесение одного из доверенных лиц Врангеля генерала Султан-Келеч-Гирея от 26 сентября 1920 г., было затрачено 300 млн. руб. Генерал просил ещё 100 млн.²⁰

Отдельные группы белогвардейцев, сначала разрозненные, были объединены под руководством белых офицеров в войсковые соединения - взводы, сотни, эскадроны, батальоны, полки, бригады, дивизии. Из них состояла кубанская «Армия возрождения России» под командованием генерала П.П. Фостикова, насчитывавшая в своих рядах, по данным самого генерала, до 25 тыс. человек, по мнению историков до 12-30 тыс. штыков и сабель²¹.

Для привлечения к участию в восстании казаков Врангелю необходим был союз и их бывшими правительствами, которые независимо от своего местонахождения (Константинополь, Грузия, Крым, Париж) продолжали распоряжаться судьбой казаков, были ли они в армии Врангеля или в станицах Северного Кавказа.

14 мая 1920 г. член Донского правительства Г.К. Карев, приехавший в Париж, обещал, что «в ближайшее время в Крым съедутся все члены правительства, где определят политику Дона». Не надеясь своими силами свергнуть советскую

власть на Дону («Донское правительство разъединилось, Донская армия распалась») он высказался за «объединение Дона, Кубани, Украины» и попросил помощи у Антанты: «Перед нами стоит задача возрождения армии, и здесь нам нужна помощь Антанты»²².

14 июня делегат Терского казачьего войска в беседе с корреспондентом «Последних новостей» заявил, что терцы стремятся к созданию Всероссийского казачьего союза, в который должны войти все казачьи войска²³.

Против союза выступили только кубанцы. Председатель Кубанской Краевой рады и председатель Верховного круга И.П. Тимошенко 25 июня 1920 г. в беседе с представителями печати заявил, что они имеют довольно сильное ядро Кубанской армии в Сочинском округе, которое постоянно пополняется. Армия имеет достаточное количество вооружения и готова перейти в наступление против большевиков²⁴.

Кубанская рада не ставила своей целью поход на Москву, а стояла за создание «независимой» Кубани. Наиболее видные деятели Рады И.П. Тимошенко, Л.Л. Быч считали наступление Врангеля авантюрой, заранее обреченной на неудачу. В декларациях к правительствам Грузии, Армении, Азербайджана, в воззваниях к населению Кубани, Черноморья и Ставропольской губернии Кубанская рада призывала к борьбе с советской властью «собственными силами только в пределах своего края». Учитывая «опыт прошлого» (разгром армии Деникина), а также «состояние сил каждой из окраин и всей России», бывшее правительство Кубани «отказывалось от миссии своими силами освободить и вернуть всю Россию»²⁵.

Тимошенко и Быч были против соглашения с Врангелем, а когда 2 апреля 1920 г. оно всё же было подписано, Президиум рады объявил его недействительным: соглашение не имело подписи председателя войскового правительства. Договор вызывал резкую критику потому, что создавал для Кубани «зависимость военную и политическую» от Врангеля, чем «нарушал суверенитет и конституцию края»²⁶. Кроме того кубанцы не без основания опасались, что по договору, разрешавшему Врангелю вывозить хлеб и сырьё из казачьих областей, «все богатства Дона и Кубани будут вывезены за границу»²⁷.

Разногласия между частью членов Кубанской рады и Врангелем не были столь серьёзными, чтобы перерасти в раз-

рыв, так как ближайшая цель у них была одна. 2 апреля 1920 г. Главное командование заключило с войсковыми атаманами предварительное соглашение, подписанное, с одной стороны, Врангелем, с другой - донским атаманом генералом Богаевским, кубанским атаманом генералом Букретовым и терским атаманом генералом Вдовенко.

Соглашение передавало всю полноту власти над казачьими вооружёнными силами генералу П.Н. Врангелю. В отношении внутреннего гражданского устройства казачьей войска и области были независимы от командующего. Врангель не мог вести переговоров, затрагивающих интересы казачьих войск без ведома их атаманов²⁸.

22 июля (4 августа) 1920 г. «в развитие соглашения 2(15 апреля) 1920 г. и во исполнение его последнего пункта был заключён союз Врангеля с казаками Дона, Кубани, Терека и Астрахани «ввиду совместно предпринятой борьбы за освобождение России от большевиков». Он назывался: «Соглашение между Правителем и Главнокомандующим Вооружёнными Силами на Юге России и Атаманами и Правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани». Под соглашением, «учинённом 22 июля (4 августа) 1920 г. в Севастополе» стоят подписи П.Н. Врангеля, председателя его правительства А. Кривошеина, начальника штаба Врангеля генерал - лейтенанта Шатилова. От Донского казачества договор подписал атаман Богаевский и представитель правительства войска Донского Корженевский; от Кубани - и.о. Кубанского войскового атамана В. Иванис и член войскового правительства Захаров; от Терека - терский атаман Вдовенко и председатель Терского войскового правительства Е.Н. Букановский; от астраханского казачества - астраханский атаман Ляхов Н.В. и председатель правительства Санжи-Баянов²⁹.

Договор вновь подтвердил автономию казачьих областей по вопросам внутренней организации и управления. В распоряжение Врангеля как главнокомандующего всеми войсками казачьих земель договор предоставлял: все продовольственные и другие ресурсы казачьих областей, управление железными дорогами и телеграфными линиями, сношения и соглашения с иностранными державами, уничтожение таможен между казачьими областями, взимание налогов с населения, право выпуска денежных знаков.

Казачьи войска, по условиям договора, должны были занять весь Северный Кавказ и Закавказье, отделить их от Советской России. Соглашение имело силу «до полного окончания гражданской войны»³⁰.

В июле - августе 1920 г. Врангель высадил десанты общей численностью 12,5 тыс. штыков и сабель в Приазовье и на Кубани,³¹ об условиях высадки которых он заключил в июне 1920 г. соглашение с английским правительством³².

Накануне высадки генералам и офицерам, командированным в Кубанскую и Терскую области, были даны секретные инструкции, предписывавшие им объединить действия всех повстанческих групп, свести их в правильные воинские соединения, установить среди них строгую воинскую дисциплину, полностью подчинить их уполномоченным Врангеля. «По мобилизации казаков, - говорилось в инструкции, - по возможности соразмерно поднимать иногородних и желающих горцев». Во главе десантного отряда, который должен был развернуться в армию и подчинить себе все повстанческие отряды, оперировавшие на Северном Кавказе, Врангель назначил генерала Улагая³³.

Когда в начале июля 1920 г. в штабе повстанческих отрядов стали военспецы, создавшие из разрозненных групп боевые единицы, повстанцы стали занимать станицы (в апреле-июне они ограничивались короткими набегами на них), превращая их в опорные пункты для общего наступления. В июле повстанческие отряды Кубани были объединены в «Армию возрождения России» под командованием М.А. Фостикова. Успешное продвижение войск Врангеля послужило сигналом для её наступления на Армавир и Моздок. На Кубани создались два фронта, пытавшихся охватить кольцом центральные районы и свергнуть здесь советскую власть.

Тревожная обстановка для большевиков сложилась и в Донской области, которой с северо-запада угрожали отряды анархистов, с запада - части белогвардейцев, в центре - подпольные антисоветские организации, с которыми Врангель к тому времени установил контакты³⁴.

К активным действиям перешли повстанцы Терской области, объединённые врангелевским «Комитетом содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков». Положение осложнилось настолько, что в августе 1920 г.

был создан Кавказский фронт, в состав которого вошли войска расформированного СКВО.

При помощи армии Фостикова, десантов Врангеля, при поддержке повстанцев Дона и Терека врангелевцы овладели частью Кубани, где немедленно начали проводить реставрацию дореволюционных порядков.

Разбирая потом причины своих неудач, сами белогвардейцы обвиняли представителей главного командования, прибывших на Кубань, в одержимости «твёрдой властью». «Беспричинно злобствовавшие против казачества, - говорил заместитель кубанского атамана Винников, - они дали простор своим чувствам при первой же встрече с казачьими станицами и сразу изменили отношение местных казаков к десантным войскам... Генерал Черепов, высадившийся со своим отрядом у станицы Анапской, созвал казаков и объявил им: «Ну, кончились ваши круги и рады, и выборные атаманы. Довольно накружились и нарадовались... Пора и твёрдую власть установить!». Полковник Крыжановский, земельный собственник Таманского отдела приказал выпороть одного из уважаемых граждан станицы этого отдела, казака, который не отдал ему честь.

В станицах начались крупные реквизиции, участились насилия и произвол. «Население стало с ужасом прятаться от представителей «твёрдой власти», в станицах появились пустые избы, - говорил Винников³⁵.

Если в августе-начале сентября 1920 г., о чём свидетельствует разведсводки разведотдела штаба СКВО, около 80% населения поддерживало повстанцев, то к концу сентября за ними шло только 20% населения³⁶.

«Десант провалился, - писал В.И. Ленин, - потому что кубанский казак хотя и богат хлебом, но он прекрасно знал, что значат эти обещания Учредительного собрания, народовластия и прочих прекрасных вещей, которыми мажут дураков по губам эсеры, кубанские казаки верили им, когда они так красно говорили, но в результате они поверили не словам, а делу, они увидели, что большевики, хотя народ и строгий, но всё-таки с ними лучше. В результате этого Врангель полетел с Кубани»³⁷.

К 10 сентября 1926 г. десанты Врангеля и «Армия возрождения России» были разгромлены советскими войсками Кавказского фронта.

С сентября 1920 г. ударным центром повстанчества становятся Терская область и Дагестан. Здесь вспыхнул антисоветский мятеж, который превратился в настоящую войну, длившуюся с сентября 1920 г. по май 1921 г. Возглавили мятеж имам Н. Гоцинский и полковник К. Алиханов. Идейным вождём движения стал внук Шамиля Саид-бей. Организаторы мятежа смотрели на него как на знамя нового «газавата» против «иноверцев» и как на будущего имама.

В начале октября 1920 г. подняли восстание казачьи станции Терской области.

Главной организацией, призванной готовить восстание в Терской области был врангелевский «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков».

Деятельность его началась в июне 1920 г. в Тифлисе, в доме №7 княгини Эристовой по ул. Ольгинской, где был создан штаб по вербовке всех желающих бороться против советской власти. Основателями комитета были личные друзья Врангеля - генерал-лейтенант князь Н.И. Меликов и генерал-майор князь Туманов (во время Первой мировой войны они командовали кавалерийскими корпусами). а также чеченский князь Ахмет-хан Эльдаров, занимавший видное место среди сотрудников бывшего командующего войсками Северного Кавказа при Деникине генерала Эрдели. Эльдаров имел тесную связь с Врангелем ещё до создания комитета. У него была своя организация, которая, пользуясь большим доверием Врангеля и грузинского правительства, вербовала белогвардейских офицеров, бежавших в Грузию с Северного Кавказа и грузинских офицеров.

Персональный список личного состава комитета, препровожденный Врангелю был таков:

1. «Председатель комитета - генерал-лейтенант князь Туманов
2. Заведующий оперативным и военно-административным отделом - генерал-лейтенант князь Меликов.
3. Его начальник штаба - вакансия до назначения из Крыма.
4. Заведующий по объединению городов и временно заведующий финансовым отделом - Лисицман (бывший член городской управы и заместитель городского головы г. Тифлиса).

5. Заведующий политотделом (внешним и внутренним) - поручик Погодин.
6. Представитель для связи с грузинским правительством и иностранными миссиями - полковник Натиев.
7. Представитель для связи с командованием ВСЮР.
8. Заведующий медчастью - вакантная.
9. Казначей - полковник Рогожин.
- Члены комитета для организации восстания на местах.
10. От терских казаков - полковник Портянка и генерал-майор Блажнов.
11. От Осетии - полковник Багаев.
12. От кумыцкой плоскости и Надтеречной части - ротмистр князь Эльдаров.
13. От Ингушетии - Муса Бузуртанов.
14. От Дагестана - Мавраев (бывший член городского правительства).
15. От Чечни - ротмистр Сарокаев.
16. Секретарь комитета - поручик Зипалов».

Копия с доклада Погодина в Крым, где содержался этот список, была снята советской контрразведкой 17 октября 1920 г.³⁸

Один из самых активных членов комитета, «нерв организации», как его называла советская контрразведка, поручик А. Погодин в своём письме на имя министра внутренних дел Грузии 12 ноября 1920 г., ничуть не преувеличивая заслуг комитета, подвёл итог его деятельности. «За пять месяцев непрерывной работы, - путём непосредственного сношения на местах с горскими деятелями, с начальниками небольших повстанческих отрядов удалось весь Северный Кавказ, а также много из лиц, находящихся на территории Грузии, связать общей сетью и к настоящему времени подготовить всё, дабы поднять всеобщее восстание на Северном Кавказе»³⁹.

Врангель и его комитет планировали начать восстание с захвата Владикавказа, Грозного, Кизляра и Моздока, чтобы отрезать от Ростова-на-Дону стоявшие здесь части Красной Армии и уничтожить их. Для этого предполагалось занять железнодорожные пути, Военно-Грузинскую дорогу, закрыть горные ущелья в Осетии и Чечне, уничтожить красноармейские гарнизоны в крепостях Ведено и Шатой. «По взятии Владикавказа, - писал Погодин Врангелю, - борьба не может быть

прервана даже на короткий срок до тех пор, пока не будет обеспечена база Армавир-Туапсе, с одной стороны, и, с другой стороны, пока большевики не будут отброшены за Сулак и не будет освобождён горный Дагестан и часть Азербайджана»⁴⁰.

Невозможно определить всю сумму средств, затраченных комитетом на подготовку так широко задуманного восстания, можно говорить лишь о том, что комитет весьма щедро субсидировался самыми различными организациями и лицами многих стран. Данные о поступлении денег в фонд мятежников приводятся в разведсводках Кавказского фронта, в донесениях и докладах военной контрразведки, советских и партийных работников, красноармейцев, населения, в докладах и отчётах комитета.

В начале октября 1920 г. Меликов и Погодин составили смету на ежемесячное содержание комитета и 15 повстанческих отрядов, с которыми у него была налажена связь. Общая сумма расходов на содержание «кадра», «временных бойцов», связи, отделов штаба, на организацию мятежей в городах равнялась 98,5 млн. руб. грузинскими деньгами или 50 млн. руб. «керенками»⁴¹.

Поступления денег начались ещё до составления сметы и значительно превышали испрашиваемую сумму. В июне князь Эльдаров получил от генерала Драценко в Батуме 11 млн. руб. донской валютой для финансирования повстанцев Ингушетии, Осетии, Дагестана, Чечни⁴². В августе неофициальный представитель Врангеля в Грузии генерал Пиковский привёз из Севастополя 1 млн. руб. в донской валюте⁴³. В сентябре он передал комитету ещё 50 млн. рублей. В конце сентября комитет получил из Крыма 70 млн. руб. грузинской валютой, 7 октября - 50 млн. грузинских рублей⁴⁴. Председатель исполкома чеченского села Беной и советские работники Дагестана сообщали о получении Гоцинским и Алихановым на подготовку восстания в Дагестане и Чечне 400 млн. руб. Другие источники подтверждают факт прибытия от генерала Врангеля есаула Слоева с крупной суммой денег⁴⁵. 20 ноября Грузия снабдила горских представителей 15 млн. рублей (в какой валюте - неизвестно - Е.Ж.). Щедрая помощь Антанты позволила Врангелю повысить оклады военнослужащих в Крыму (для рядовых - с 75 до 2000 руб., для офицеров с 8 до 37 тыс. руб. в месяц) и удовлетворить все денежные сметы комитета⁴⁶.

Кроме того, комитет получал деньги в счёт зерна, посылаемого в Грузию из Крыма. Он заключил соглашение с грузинским правительством на поставку 80 тыс. т. зерна. Зерно комитет получал на адрес английской фирмы в Батуме, а деньги за него выплачивались ему через другую фирму в Тифлисе⁴⁷. Если учесть, что в октябре 1920 г. в Батуме фунт пшеничного хлеба стоил 160 руб.⁴⁸, то по этому соглашению комитет должен был получить ещё около 500 млн. руб.

Грузинское правительство помогло комитету установить прочную связь с французской миссией в Тифлисе. Он стал пользоваться материалами её разведки, на её адрес штаб Врангеля передавал шифром особо срочные сообщения для комитета; с помощью курьеров миссии осуществлялась связь с Крымом и получение денежных средств. На непредвиденные расходы комитет имел здесь кредит в размере 500 английских фунтов стерлингов⁴⁹.

В конце сентября 1920 г. комитет доложил в Крым о готовности к восстанию. 15 организованных им отрядов общей численностью около 5 тыс. человек, по мнению комитета, были только «кадром», к которому должны были примкнуть ещё около 5 тысяч «временных бойцов».

Агенты Врангеля предпринимали активные усилия, чтобы заключить с горцами Кавказа договор, подобный тому, который был заключён Врангелем с казаками. 22 августа 1920 г. поручик Погодин и ротмистр Ахмет-хан-Эльдаров от имени Врангеля вступили в соглашение с участниками нелегально созванного в Кистинском ущелье Терской области собрания представителей горцев, где присутствовали, как писал в своём отчёте Врангелю Погодин, «почётные старики и руководители туземных масс, а также несколько представителей командного состава красных туземных войск во главе с командиром красной Ингушской бригады Хизиром Арцхановым». Погодин сообщает, что ему и Эльдарову удалось от имени Главного командования «войти в нижеследующее соглашение:

1) Участники собрания согласились немедленно приступить к боевым действиям и своими силами очистить Терский край от большевиков с участием в этом деле красной бригады Х. Арцханова на следующих условиях:

1. Генералом Врангелем или его представителем будет дана письменная гарантия, что им или его представительством

будет признана горская или горско-северокавказская республика, имеющая федеративную связь с Россией и будет обеспечена полная независимость ее внутреннего устройства и управления.

2. Законодательная и исполнительная власть составляются, имея в основе пропорциональное представительство от народов, входящих в состав территории Терского края и Дагестана, включая сюда казачество и иногородних.

3. Основанием для пропорционального представительства должна служить последняя перепись.

4. Отдельные народы: дагестанцы, чеченцы, осетины, ингуши, кабардинцы, а также казачество в пределах своей территории пользуются правами широкой местной автономии, а города, находящиеся на территории отдельных народов, также пользуются полной независимостью в их внутреннем устройстве и управлении». Города, по мнению Погодина, должны быть «экономическими и культурными центрами для всех народов, входящих в состав республики».

Поручик был явно доволен, что комитету удалось «войти в связь с большевистскими деятелями, в особенности с теми, которые занимают ответственные посты в советских туземных воинских частях, и привлечь их на свою сторону».

В пункте 5 соглашения говорилось, что «оружие и боевые запасы пока не требуются, т.к. тем и другим Х. Арцханов располагает в достаточном количестве в виде нетронутого запаса, находящегося в горах и перевезённого им в прошлом (1919) году на 500 вьюках из Грузии для действия против Добрармии, что было установлено документально и известно многим офицерам штаба Командующего войсками Северного Кавказа».

Погодин сообщал Врангелю, что для содержания бригады Арцханова и прочих отрядов, которые будут в его распоряжении, «ему потребуется 50 млн. общегосударственными деньгами. По получении гарантий и денег Арцханов и его единомышленники обязуются немедленно занять своими частями Владикавказ, Грозный, Кизляр и Моздок и вести дальнейшую борьбу, связанную с очищением Терского края от большевиков совместно с казаками».

Погодин считал достигнутое соглашение «довольно крупным фактором, значительно облегчающим работу освобождения края от большевиков», потому что «Хизир Арцханов поль-

зуется популярностью не только среди ингушей, но и чеченцев», и потому, что «он и его единомышленники опираются на реальную вооружённую силу, которую не надо создавать, она имеется налицо», и, в особенности, потому, что «арцхановская красная бригада при условии несогласия выступит против нас».

Состоявшееся собрание решило, «основываясь на вышеупомянутых фактах», ещё до получения ответа от Врангеля относительно соглашения комитета с Арцхановым и его единомышленниками, «принять все меры к материальному удовлетворению Арцханова. Другие пункты постановления предлагали отряду полковника Голиева закрыть Алагирское и Кобанское ущелья, отряду ротмистра Сарокаева уничтожить гарнизоны красных в Ведено и Шатое, отряду поручика Местоева было поручено «быть готовым к открытию действий по линиям железных дорог». Генерала Меликова попросили объединить все связанные с комитетом повстанческие отряды Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии и возглавить их.

Погодин заверял Врангеля, что при усилении денежной помощи из Крыма «оказалось бы возможным не ограничиваться только скромной задачей и приступить к более широким операциям». «В случае же, если предложение командира красной Ингушской бригады Х. Арцханова оказались бы приемлемыми, т.е. просимые гарантии и деньги были бы даны, то при таких условиях вопрос об очищении Терского края от большевиков... был бы закончен в ближайший срок, максимум до декабря»⁵⁰.

В подготовке мятежа Н. Гоцинского принимало участие и Горское правительство, бежавшее после победы советской власти на Тереке в Грузию. Встреча поручика А. Погодина с «группой лиц, именовавших и именующих себя Горским правительством» произошла в Тифлисе. После «детального изучения направления» Погодин с возмущением писал Врангелю о том, что «эта группа лиц не имеет решительно никакого влияния на народ, который она возглавляет», что «народ отказывается от этих лиц и не допускает их появления на территории горских народов». Особое негодование Погодина «группа лиц» (он в своих докладах ни разу не назвал их правительством - ЕЖ) вызывала тем, что она «всё время делает потуги вести для русской государственности преступную политику и

готовится к борьбе не с большевиками, а с казаками и вообще с русской государственностью (подчёркнуто Погодиным – Е.Ж.) с целью изгнания первых из Терского края и осуществления горской независимой республики с полным отмежеванием от казачества и России»⁵¹.

Князь Меликов в июне 1920 г. создал новое Горское правительство из лиц, угодных комитету и имевших влияние среди горцев. В него вошли некоторые члены прежнего его состава, бывшие члены Дагестанского парламента и другие лица: Сахдула Гаджи Кадиев, Джебашев, Алихан Кайтмасов, генерал Керселадзе, полковник Чавчавадзе, Ахмет Цаликов, Александр Дадида, полковник Алиханов, Сулейман Данелиян и др. Возглавить правительство было предложено внуку Шамиля Гази-Магомет-Саид-бею, но он отказался работать с ним. Премьером стал П. Коцев. Отделившись от правительства Коцева, работала «партия Бамматова-Кундухова», которую комитет хотел объединить с членами бывшего Дагестанского парламента, готовивших восстание в Дагестане и Чечне, но последние, по словам генерала Пиковского, не объяснив причины, «наотрез отказались»⁵².

Реформация Горского правительства не изменила его сути. Жалобы на него продолжают идти в Крым. Погодин, пристально следивший за ним, «выявил» связь «преступной группы лиц» с представителями штаба кемалистов в Тифлисе, Батуме и Трапезунде.

Прекрасно понимая, что «на Терский край должно быть обращено особое внимание, т.к. грозненская нефть является необходимой кровью правильного функционирования всего организма русской государственности», члены комитета настойчиво убеждали Врангеля ни в коем случае «не вверять Горскому правительству дело освобождения Горского края и Дагестана от большевиков».

Погодина возмущает, что «эта кучка авантюристов» получает «русские миллионы и проживает их на личные нужды, а отряды Голиева, Местоева и др. до 10 сентября ни копейки от Горского правительства не получали». (Горское правительство, как следует из документов комитета, финансировали Врангель, Грузия, бывшее правительство Азербайджана - ЕЖ). Далее Погодин писал, что чеченским разведчикам и юнкерам из Крыма, обратившимся за деньгами к Кундухову, тот ответил:

«Деньги, присланные командованием, пошли на более важное в целях горских народов назначение».

Борьба между врангелевским комитетом и Горским правительством закончилась победой комитета, который добился у грузинского правительства ареста 18 октября 1920 г. главы Горского правительства П. Коцева «за контакт с Кемальпашою». Победе в значительной степени способствовало и то, что Г. Бамматов перешёл на сторону комитета и выступил против П. Коцева и всего правительства. Оно потеряло вес в глазах Врангеля и перестало получать от него денежные субсидии⁵³.

23 сентября 1920 г. состоялась встреча представителей комитета с членами бывшего Дагестанского парламента, которые, категорически отказавшись сотрудничать с Горским правительством, готовили восстание совместно с комитетом.

Дагестанцы заявили, что их устраивают условия, которые гарантирует Врангель (создание Горской автономной республики), заверили о готовности начать восстание и высказались за привлечение к нему Саид-бея, с которым они уже вели переговоры. Вечером этого же дня члены комитета встретились с Саид-беем.

Следует заметить, что последний долго колебался между Горским правительством и комитетом. Тот факт, что он перешёл на сторону комитета и на этот раз сам был инициатором встречи, говорит о большом влиянии комитета на горцев, об авторитете врангелевской организации среди всей горской контрреволюции.

До встречи с комитетчиками Саид-бей побывал на границе Кахетии, где вёл переговоры о восстании с представителями Осетии, Ингушетии, Дагестана, горной Чечни. Все они заверили его в полной поддержке, поэтому он хвастливо заявил врангелевцам: «Через несколько дней комитет убедится, насколько моё имя популярно в Дагестане и Чечне».

Во время беседы Саид-бей выражал крайнее беспокойство по поводу того, что агитация большевиков имеет большой успех у горцев, поэтому убеждал комитет начать восстание как можно скорее. Комитет и сам спешил с его началом, т.к. перевалы через Кавказский хребет, по которым мятежникам переправлялось всё необходимое с октября по апрель почти все становились непроходимыми из-за дождей и снежных завалов.

Торопились с восстанием и потому, что комитет боялся предоставления советским правительством автономии горцам, создания Горской республики, которая, как писали члены комитета в одном из своих докладов Врангелю, послужила бы для большевиков «базой для дальнейшей их работы, связанной с Востоком»⁵⁴.

Необходимость в немедленном выступлении диктовалась и тем, что у Антанты и Врангеля вызывала страх перспектива соединения «большевиков» и «националистов» - пролетарской революции в России и национально-освободительного движения в Турции. Их целью было не допустить союза Советской России с кемалистской Турцией, - сорвать заключение советско-турецкого договора, переговоры о котором велись в Москве в августе 1920 г.

С другой стороны, Антанту и Врангеля беспокоили успехи султанской Турции в проповеди идеи мусульманского государства с турецкой ориентацией, включавшей все мусульманские народы от Каспийского до Черного моря.

Идеальное решение «турецкого вопроса» для Антанты состояло в том, чтобы добиться разрыва между кемалистской Турцией и республикой Советов, спровоцировать разрыв, советско-турецкий конфликт, вовлечь кемалистов в антисоветский фронт (за это Турции обещали «уступки» и пересмотр Севрского договора, представлявшего смертельную угрозу для турецкой государственности и нации)⁵⁵.

В гостеприимном Тифлисе находилась и Кубанская рада, интересы которой расходились с антанто-врангелевскими. Рада не ставила своей целью поход на Москву, а стояла за создание «независимой» Кубани, но поскольку она сама не имела достаточных сил для свержения советской власти в «своём» районе, выступала вместе с Врангелем и Антантой.

Наиболее видные деятели рады «самостийники» И.П. Тимошенко, Л.Л. Быч старались разорвать (особенно после неудачных врангелевских десантов) договор Врангеля с казаками, заключенный 4 августа 1920 г.⁵⁶ Вместе с членом рады генералом Султан-Келеч-Гиреем они принимали активное участие в подготовке нового антисоветского восстания. Обладая значительными денежными средствами бывшего правительства Кубани, глава рады И.П. Тимошенко и Султан-Гирей формировали в Грузии отряды и через Гагры отправляли их на

Кубань.

Врангелевский комитет регулярно доносил в Крым о совместной с Горским правительством работе Кубанской рады о «вредной для интересов южного командования» пропаганде, которую она вела на Кубани. Но большой тревоги у комитета «самостоятельность» рады не вызывала. Он не считал её серьёзной организацией из-за «скверной постановки работы в ней»⁵⁷.

С разгромом Врангеля пал и его комитет. Ему стали отказывать в помощи и французская миссия, и правительство Грузии. 7-11 ноября 1920 г. советские войска преодолели укрепления крымских перешейков. 9 ноября в Тифлисе был арестован поручик А. Погодин. Ему было предложено в двухнедельный срок покинуть территорию Грузии. 12 ноября 1920 г. в своём письме на имя министра внутренних дел Грузии он «наипокорнейше» просит отменить постановление о высылке, ибо «ни на секунду не считает себя вправе оставить начатое великое дело освобождения Северного Кавказа от большевиков», обещает работать «ещё более конспиративно», чтобы «не создавать прецедента для обострения отношений между Грузией и советской миссией»⁵⁸.

Меньшевистская Грузия была базой подготовки антисоветского восстания как до, так и после падения Врангеля.

По заключённому 7 мая 1920 г. договору с РСФСР Грузия была обязана не допускать никакой поддержки любой организации или группе, претендующей на роль правительства России или её части, закрепить пребывание в её портах пароходов, обслуживающих такие организации и группы, не выпускать из своих пределов интернированных граждан и военных чинов Добровольческой армии. Договор передавал Грузии порт Батум, с условием, что англичане, приглашённые Грузией в декабре 1918 г., уйдут оттуда⁵⁹.

С первых же дней, грубо нарушая условия договора, Грузия охотно предоставляла свою «нейтральную почву» всем врагам Советской республики, каких бы направлений они ни придерживались. Она оказывала содействие врангелевскому комитету не только деньгами, но и оружием. Помощник военного министра Грузии Гедеванов (в начале октября 1920 г. он стал министром) взял на себя роль посредника в сношениях между комитетом и иностранными государствами по вопросу

о поставках оружия и боеприпасов.

Когда об этом стало известно советскому правительству и полномочный представитель РСФСР в Грузии С.М. Киров заявил протест грузинскому правительству в связи с нарушением советско-грузинского договора, Гедеванов нашёл выход из положения. «Пусть под флагом торговой фирмы, - учил он членов комитета, - в наши порты идёт хлеб, а с хлебом в тщательно замаскированной закупке патроны, пулемёты. Наш агент под флагом торговой фирмы будет принимать хлеб, а вместе с ним транзитом через Грузию отправлять всё для вас необходимое, куда потребуется»⁶⁰.

15 сентября 1920 г. Алиханов и Гоцинский получили из Грузии вагон мануфактуры и оружие⁶¹, 8 сентября - 10 пулемётов, 30 ящиков патронов, 2 тыс. винтовок. В начале ноября 1920 г. из Тифлиса на границу с Дагестаном прибыло 4 вагона с английскими винтовками, 14 подвод обмундирования для повстанцев, 12 ноября - ещё 9 фургонов английского обмундирования и оружия⁶². Этот список можно продолжить.

Много оружия и боеприпасов было в самой Грузии. Добровольческая армия при отступлении сдала ей 15 тыс. винтовок, 200 пулемётов, 10 орудий, 267 лошадей с обозом, 4 аэроплана, 25 мотоциклов, 29 автомобилей⁶³. Тифлисский арсенал (он мог производить в сутки до 50 тыс. патронов и 1000 снарядов) получил в сентябре 1920 г. от комитета заказ на 4 млн. патронов и 10 тыс. снарядов⁶⁴.

Грузинское правительство, как уже упоминалось, помогло комитету установить прочную связь с французской миссией, которая открыла денежный кредит комитету⁶⁵.

Арест Погодина в Тифлисе 9 ноября 1920 г. вовсе не означал, что меньшевистская Грузия переставала быть базой северо-кавказской контрреволюции. Подобные действия грузинского правительства тот же Погодин называл «буффонадой, разыгранной с целью предотвращения могущих возникнуть осложнений с большевиками в связи с советским договором». Вероятно очередной протест полномочного представителя РСФСР в Грузии заставил выслать Погодина. В то же время арест и высылка «нерва» комитета означали ослабление влияния Врангеля и усиление, даже преобладание влияния «самостийных» национальных организаций в руководстве повстанческим движением Северного Кавказа, хотя в местечке Мцхет

в Грузии не прекращало работу отделение врангелевской контрразведки, осуществлявшее связь с Горским правительством, с Кубанской радой и продолжавшее вербовать в районе Батума силы для отправки в Дагестан⁶⁶.

§2. Поддержка повстанцев Северного Кавказа странами Антанты, Врангелем, Грузией после ухода армии Врангеля из Крыма (конец 1920-1925 годов)

В конце ноября 1920 г. остатки армии Врангеля (по его словам, из Крыма эвакуировалось 50 тыс. человек, исследователи называют другие цифры)⁶⁷ покинули Крым.

Верховные комиссары Англии и Франции в Турции генерал Харрисон и Пеллэ сделали всё, чтобы сохранить остатки врангелевской армии как боевую единицу, не дать им расплыться. Врангелевцы были сведены в 3 корпуса и размещены в лагерях недалеко от Константинополя. Заботу о них взяла на себя Франция. В качестве платы за содержание армии французским войскам в Константинополе были переданы русские корабли, которые были отправлены в Бизерту⁶⁸.

Штаб Врангеля, обосновавшийся в Константинополе, занялся установлением конспиративной связи с Россией для подготовки там нового восстания. Организациями, помогавшими Врангелю, были вначале константинопольское, а потом и созданное в декабре 1920 г. южное отделение «Центра действия» («ЦД») - органа, образованного в Париже в ноябре 1920 г., главная цель которого состояла в том, чтобы проникнуть в Россию и проводить там подрывную работу⁶⁹. Ячейки «ЦД» и организации Врангеля совместно работали в Одессе, в Крыму, на Кавказе, несколько партий агентов было послано в казачьи области Северного Кавказа. Они должны были готовить восстание, распространять слухи о том, что вскоре «отдохнувшая армия Врангеля высадится на Черноморском побережье»⁷⁰.

По плану ,разработанному Кубанским краевым правительством (оно находилось в Грузии) и штабом Врангеля в Константинополе, вся Кубано-Черноморская область (она снова привлекала внимание руководителей повстанцев своими удоб-

ными для накапливания боевых сил природными условиями) была разбита на участки. В каждом из них определенные подпольные белогвардейские организации, возглавляемые офицерами из рассеявшихся остатков армии Деникина, Фостикова, десанта Улагая начали вновь формировать повстанческую армию.

В Баталпашинском и Лабинском отделах области полковник Даутов-Серебряков, имея широкие полномочия от Врангеля, за полтора месяца объединил более 20 отрядов в группу, громко названную «Народными войсками Северного Кавказа». Связь между отрядами в группе была непрочной, т.к. навязывалась насильно путём приказов. Врангелевцы пытались установить в войсках строгую дисциплину, но попытка не увенчалась успехом. Дневник начальника штаба «Народных войск» Супрунова пестрит сообщениями о то и дело совершаемых грабежах, самовольных отлучках казаков с постов и т.д. В апреле 1921 г. штаб вынужден был вынести решение об объявлении вне закона не подчинившихся Серебрякову и занимавшихся грабежом казаков⁷¹.

Для усиления влияния Врангеля на население области, для привлечения в отряды бойцов штаб «Народных войск» выступил с так называемой «Программой союза трудовых земледельцев», 13 пунктов которой обещали созыв Учредительного собрания, «всеобщее, прямое, равное, тайное голосование без различия пола», «самостоятельное законодательство по вопросам местной жизни областей, отличавшихся своими национальными, экономическими бытовыми укладами». Они должны были входить в состав России, которая объявлялась федерацией.

Программа обещала свободу слова, печати, собраний, союзов, совести, стачек, вероисповедания. Обещаны были неприкосновенность личности и жилища, свободный и независимый суд, отделение церкви от государства.

Земля передавалась тем, кто её обрабатывает, без всякого выкупа. Отменялась трудовая и подводная повинности, развёрстка, трудовые мобилизации, восстанавливались кооперация и свободная торговля. Авторы программы брали на себя обязанность урегулировать споры между казаками, крестьянами и горцами, ввести всеобщее начальное образование, отменить плату за обучение во всех учебных заведениях⁷².

Программа не помогла белогвардейцам. Казачество им не верило, перестало видеть в них силу, способную свергнуть советскую власть. Полковник Серебряков, попавший в плен после разгрома его группы на допросе рассказал о его беседе с казаками. На его вопрос, почему они, сочувствуя всей душой повстанцам, не помогают им и уклоняются от мобилизации, казаки ответили, что пошли бы с повстанцами, «если бы был фронт близко», т.е. если бы видели солидную силу, ведущую борьбу с советской властью.

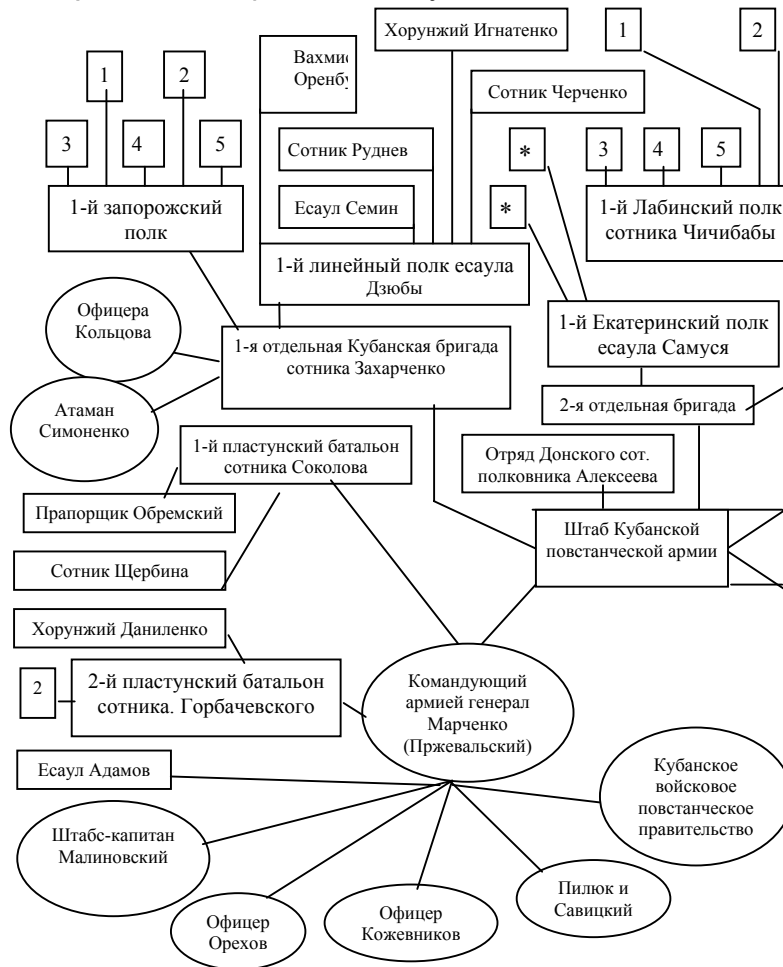
В первом же столкновении с Красной Армией 20 мая 1921 г. «Народные войска Северного Кавказа» распались на свои составные части, а начальник их штаба оказался в плену⁷³.

Другой довольно крупной группой войск, поддерживающей Врангеля на Кубани, была «Дивизия помощи Русской армии генерала Врангеля», которой руководил врангелевский полковник Жуков. Советская разведка характеризовала эту группу как «стройную организацию в правильных войсковых соединениях. Она состояла из двух бригад по два полка в каждой⁷⁴.

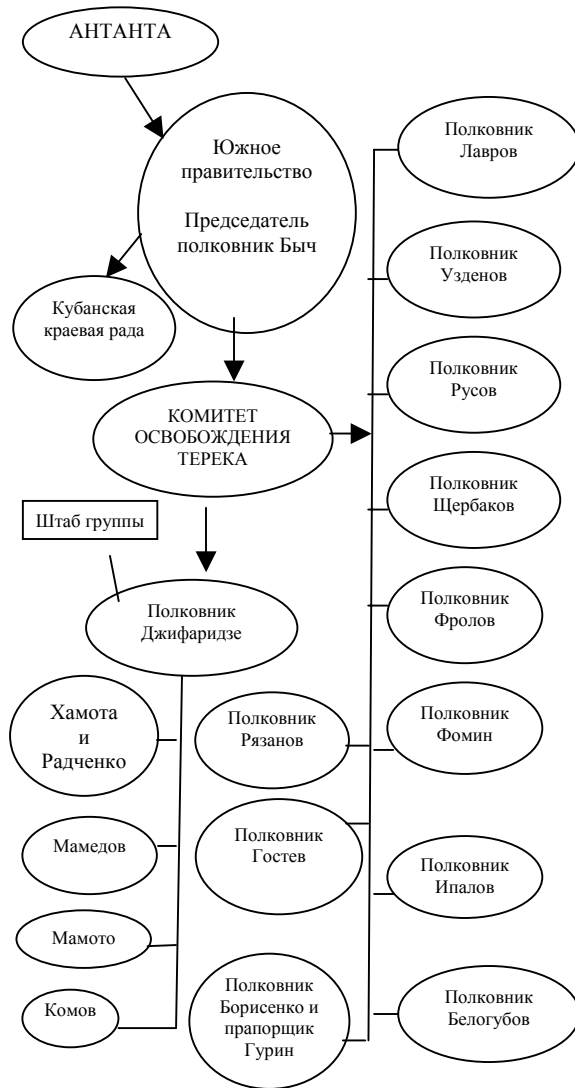
Были и другие группы войск, ориентировавшихся на Врангеля как на Кубани, так и на Дону. На схеме, представленной ниже (Документ №1), составленной в разведотделе штаба СКВО в сентябре 1921 года⁷⁵, ясно показано, какая часть повстанцев поддерживались Врангелем, кто ориентировался на самостоятельную Кубанскую раду и ее повстанческое правительство. (Документ №1, опубликованный в данной работе по частям, целиком опубликован в альманахе «Белая гвардия» 2002 г., №6, между страницами 120 и 121).

Схемы организации повстанцев, действующих на территории Северо-Кавказского военного округа по их политической ориентации на 25 августа 1921 года

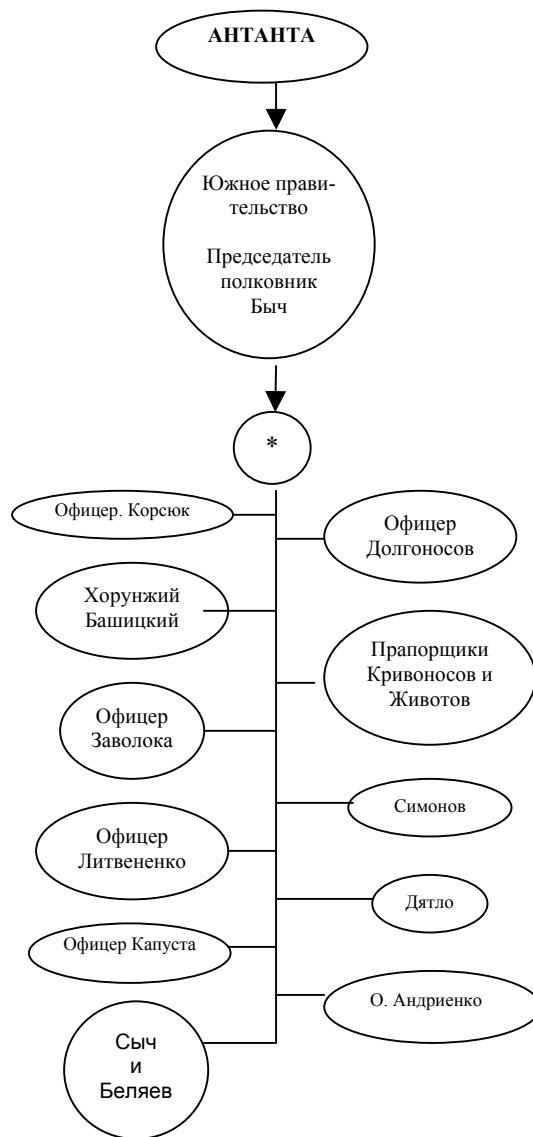
а) схема 1. Ориентация Кубанская самостоятельная

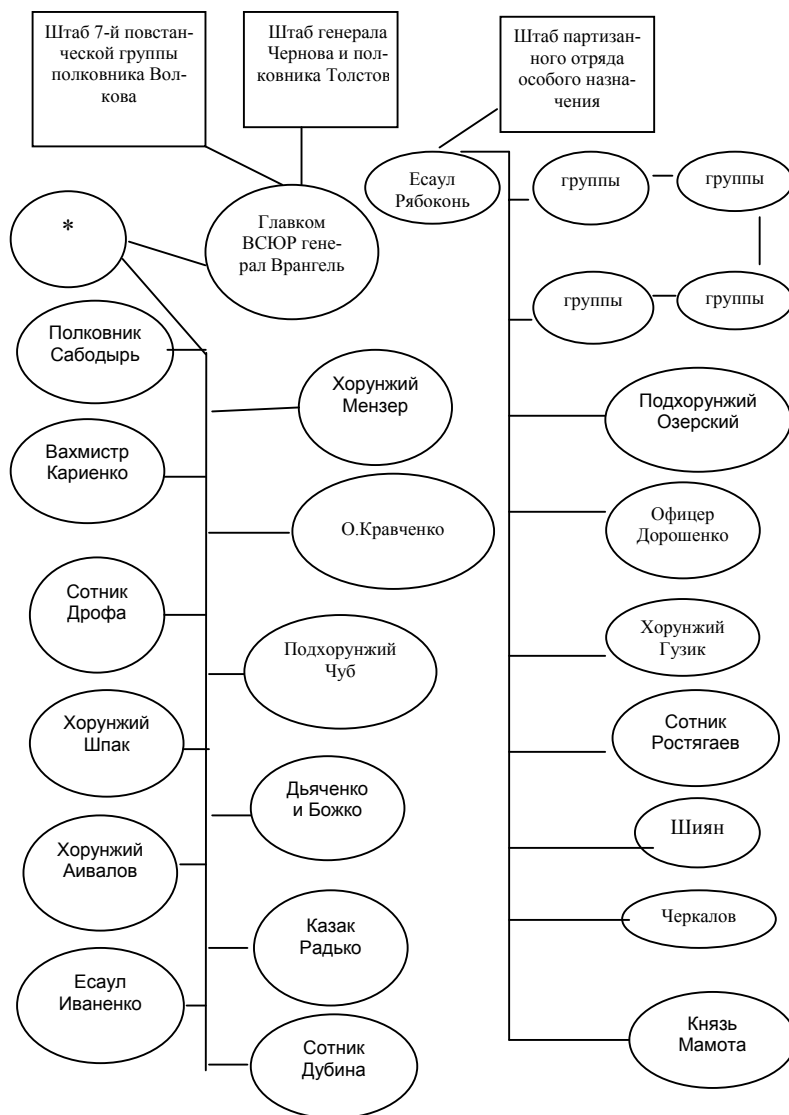
б) схема 2. Освободительное движение горцев

в) схема 3. Эсеровская ориентация

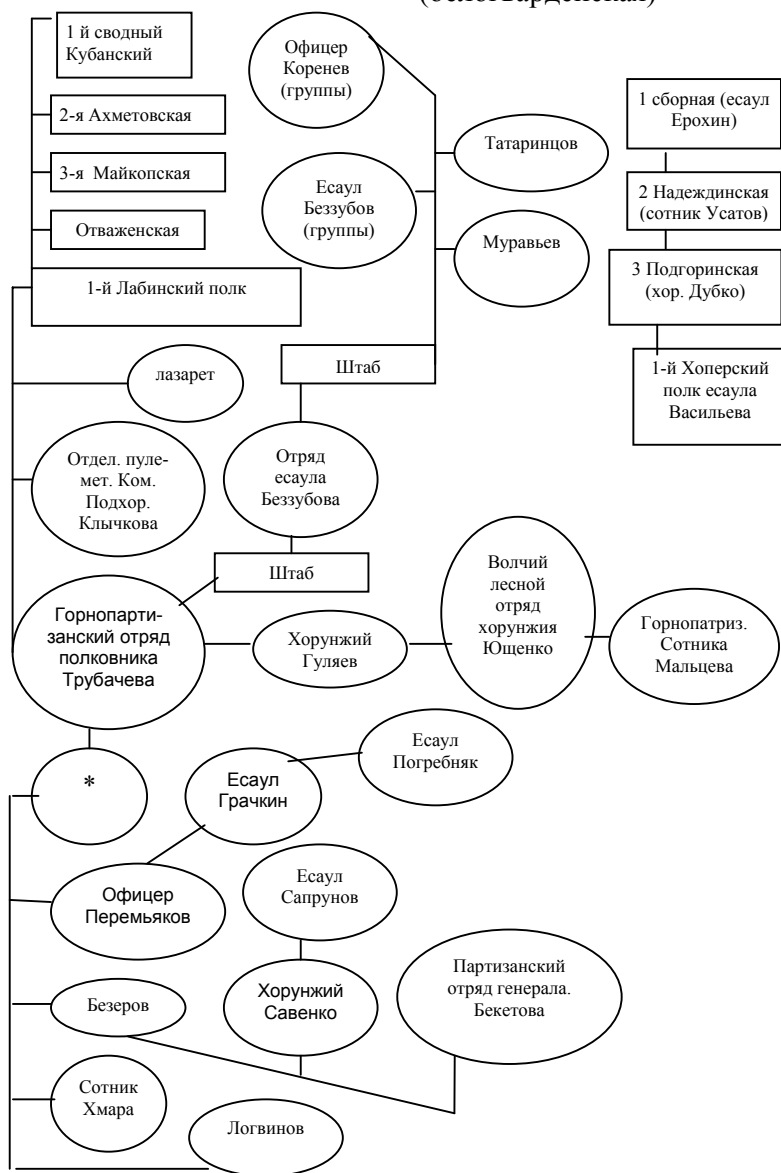

г) схема 4. Ориентация на генерала Врангеля
(белогвардейская)

д) продолжение схемы 4. Ориентация на генерала Врангеля
(белогвардейская)

Договор 22 июля (4 августа) 1920 г. между казачеством Северного Кавказа и Врангелем продолжал действовать и некоторое время спустя после эвакуации Врангеля из Крыма. Прибыв в Константинополь, генерал Врангель, считая договор утратившим силу, предложил атаманам «полюбовно его расторгнуть», но они сочли это преждевременной мерой. Они считали, что для сохранения армии, поддержания в ней порядка необходимо было сохранить общее единое командование до того момента, пока судьбу армии не решат союзники России. Врангель согласился с этим.

Разрыв был осуществлён 13 мая 1921 г. по инициативе Врангеля, ввиду резко осложнившихся отношений его с казаками.

«Охлаждение» взаимоотношений произошло потому, что в составе правительства Врангеля в эмиграции, Русского Совета, который определял сам главнокомандующий, из 30 мест только 3 были представлены казаками, хотя казачьи силы составляли не менее половины «Русской армии» Врангеля. Такое представительство не могло не обидеть казаков.

В январе 1921 г. атаманы и правительства казачьих войск заключили между собой соглашение, по которому создавали свой руководящий орган - Объединённый Совет казачьих войск - и лишали Врангеля права внешних сношений, как и права заниматься финансово-экономическими и политическими вопросами. Казаки сами хотели сноситься с Францией и США по вопросу улучшения положения «братьев-казаков в том тяжёлом положении, в котором они оказались». Поскольку они считали, что «необходимо продолжение вооружённой борьбы с Советской властью», Объединённый Совет письменно подтвердил своё признание Врангеля главнокомандующим.

Врангель не признал ни соглашений, ни Объединённого Совета казачьих войск. Не принял он и проект Русского Совета, предложенного казаками, в котором казачеству «предполагалось дать достойное место, соответствующее его участию в 3-х -летней борьбе с большевиками, значению и силе».

11 мая 1921 г. Русский Совет признал главнокомандующего свободным от каких бы то ни было обязательств по отношению к атаманам и правительствам казачьих войск, обвинив их в нарушении договора 22 июля (4 августа) 1922 г., в «пагубных действиях» и «стремлениях создать независимое каза-

чьё государственное образование», «заменить сохранившуюся единую противосоветскую власть гибельным многовластием» и «отделить казачество от общерусских сил». Объединённый Совет казачьих войск на обвинения Русского Совета ответил постановлением от 26 мая 1921 г., которое считало «обоюдно расторгнутыми» соглашения казаков с Врангелем от 2 апреля и 22 июля 1920 г. Войсковым атаманам предписывалось «вновь принять всю данную им законами краёв власть». С главнокомандующим и Русским Советом решено было «продолжать поддерживать деловые отношения», поскольку Врангель обещал продолжать заботиться о казаках. Постановление предписывало сообщить «о вышеизложенном» войсковым кругам и раде, войскам и беженцам⁷⁶.

Но даже после этого «разрыв» Врангеля с Объединённым Советом не был окончательным.

В конце марта 1921 г. Верховный комиссар Франции в Константинополе Пеллэ сообщил Врангелю о решении прекратить снабжение его армии. К этому времени на её содержание было израсходовано, по подсчётам французского правительства, 200 млн. франков. Только 1/4 часть этой суммы покрывалась стоимостью судов и товаров, отданных Врангелем Франции⁷⁷. Её правительство больше не видело смысла поддерживать Врангеля. Официальные приказы о прекращении выдачи пайков русским беженцам в 7 лагерях с 15 июля 1921 г. были расклеены на стенах всех учреждений Константинополя. Русская армия расселялась по разным странам. К середине декабря 1921 г. закончился её переезд из Турции в Болгарию, Сербию, Югославию, Чехословакию, Венгрию. В прощальных речах перед отъездом Врангель заявлял, что «услуги сохранившейся части армии скоро понадобятся», что «по призыву командующего армия должна будет вновь приняться за осуществление прерванного дела», его агенты на Кубани продолжали обещать повстанцам, что «отдохнувшая армия вскоре высадится на Черноморском побережье»⁷⁸. Этому все верили мало.

Даже в это время, несмотря на официальное расторжение союза казаков с Врангелем, он всё ещё продолжал действовать, многие казаки и сам Врангель не считали «разрыв» серьёзным. На вопрос корреспондента «Последних новостей» в конце сентября 1921 г. Врангелю: «Как конфликт с казаками?»

тот ответил: «Никак. Какой же конфликт, если я командую казачьими частями, переправлял на Балканский полуостров весь Лемнос? Поверьте, в казачьем вопросе я сейчас сильнее, чем когда-либо»⁷⁰. 13 октября 1921 г. Врангель ещё раз подтвердил, что «несмотря на некоторые политические расхождения, моё сотрудничество с атаманами прежнее. Самостоятельность чужда громадной массе казачества»⁷⁹. Врангель явно переоценивал своё влияние на казачество - влияние его на повстанческое движение Северного Кавказа резко упало после Крымской катастрофы; расторжение договоров и переезд армии на Балканы также способствовали падению его авторитета среди казачьих масс.

Всеобщего антисоветского восстания на Северном Кавказе, которое Врангель и его покровители планировали на май 1921 г., не произошло. Врангелевский десант, обещанный им, не был высажен на побережье Чёрного моря. В мае при первом же столкновении с красными войсками распались «Народные войска Северного Кавказа», в мае же части IX Кубанской армии разгромили «Дивизию помощи Русской армии генерала Врангеля» полковника Жукова.

Причины неудач Врангеля следует искать не только в том, что белогвардейское движение с ориентацией на него не имело глубоких корней в казачьей массе, в «самостийниках» Кубани, которые даже порицали движение белогвардейцев, агитируя против него. С внешней стороны между «самостийниками» и врангелевцами был полный контакт, ибо они понимали необходимость объединения. Казаки Кубани рассчитывали на десант Врангеля, который помог бы им осуществить «самостийные» цели. Многие ожидали с десантом родных и близких, которые бежали с крымской армией за границу. Большую роль в разгроме повстанчества весной 1921 г. сыграл тот факт, что Врангель без помощи Антанты становился бессильным и не мог помочь повстанцам. В последующие периоды руководство повстанческим движением прочно перешло в руки «самостийных» организаций, хотя Врангель пытался сохранить его за собой.

Н. Воронович говорил о том, что сторонники Врангеля играли «большую роль» в создании «Кубанской повстанческой армии», в которую вошли остатки армии Фостикова, «Народных войск Северного Кавказа» Серебрякова, другие повстан-

ческие отряды. Эта армия была «оплотом всех тайных надежд Кубанской рады и главной артерией, питавшей всю Кубань «самостийной» пропагандой». Она начала создаваться летом 1921 г. 18 июля 1921 г. совещание руководителей отрядов утвердило её командующим генерала Пржевальского. Врангелевцы, как считает Н. Воронович «решили использовать начавшееся восстание и подчинить его себе».

Сначала казаки охотно пополняли армию вскоре численность армии достигла (вместе с «махровыми», пишет Воронович) 5000 человек. Затем, когда Пржевальский объявил себя диктатором и отказался от требований «самостийников» ограничиться ролью военного руководителя, казаки отошли от него и перестали его поддерживать. 22 сентября 1921 г. при переправе через реку Белую советские войска под командованием С.М. Будённого разбили «Повстанческую армию», численность которой к тому времени не превышала 500 человек⁸¹.

Весной 1922 г. Врангель попытался вновь активизировать свою деятельность по подготовке нового восстания в России. Лондонская газета «Дейли Геральд», которую белая эмиграция считала пробольшевистской, устами римского корреспондента этой газеты, выходца из монархических кругов, не вызывавшего сомнений в своей ненависти к Советской России, в начале марта 1922 г. заявила, что штаб Врангеля разработал план кампании, предусматривающий переброску расположенных в Болгарии и Югославии воинских частей через Румынию на Украину с базой в Бендерах. Говорилось также о связи организаторов наступления с великим князем Николаем Николаевичем⁸². В беседе с белградским корреспондентом «Последних новостей» Врангель назвал эти слухи «вымыслом большевиков»⁸³, но, представляется, они имели под собой какую-то основу.

К этому времени 50-тысячная врангелевская армия была расселена в Сербии (большая часть), в Чехословакии, Болгарии, Греции и Польше. Как заявил Врангель представителям сербской печати, «все части бывшей Русской армии, рассеянные по различным странам, сохранили свою военную организацию и с нетерпением ожидают того дня, когда они смогут вновь посвятить свои силы освобождению России».

Корреспонденту парижской газеты «Руль» Врангель сказал, что штаб предписал всем военным агентам за границей

приступить к регистрации военных, но что это, мол, отнюдь не означает подготовку к немедленной мобилизации. Военным были розданы опросные листы, содержавшие 20 вопросов. На главный из них: желает ли лицо вернуться в ряды армии, когда того потребуют обстоятельства, в одной только Софии положительно ответили 10 тыс. человек⁸⁴.

17 марта 1922 г. Врангель приехал в Белград, где были созваны близкие ему генералы. Последовал целый ряд перемирий и назначений. Для создания «единого национального фронта» с армией из Парижа приехала делегация представителей белой эмиграции во главе с А.В. Карташёвым и В.Л. Бурцевым. Объединению помешал Русский Совет при Врангеле, который считал себя «государственным органом»⁸⁵.

В марте 1922 г. проходили оживлённые сношения Врангеля с С.В. Петлюрой, который имел за границей 15-тысячную армию. Союз между собой они заключили в конце 1921 года⁸⁶.

Но без поддержки покровителей Врангель, этот «последний преемственный носитель российской государственной власти», уже не мог ничего сделать. В странах, где находились врангелевцы, злоупотреблявшие гостеприимством, начались конфликты между ними и населением. Печать этих стран требовала немедленного и окончательного разоружения военной силы и превращения армии в беженцев, которые должны были подчиняться гражданской власти. Из Софии, где находился штаб Врангеля, якобы был перехвачен приказ генерала Кутепова о мобилизации. Совет министров Болгарии выслал в мае 1922 г. 40 и наметил к высылке более 130 человек командного состава армии⁸⁷. 16 мая Врангель послал телеграмму болгарскому правительству с угрозой, что «русские воины могут быть вынуждены сомкнуть ряды вокруг своих знамён», но этих угроз уже не боялись⁸⁸.

С предостережением и попыткой «предупредить заблуждающихся» выступила милюковская газета «Последние новости». Редакционная статья, обращаясь к врангелевцам, старалась убедить их в том, что «в России среди разных её слоёв происходит процесс, в который нельзя ворваться безнаказанно, особенно тем людям, репутация которых подорвана». «Разведка Врангеля может уверить его, - писали авторы статьи, - что в России только и ждут прихода твёрдой власти... Возможно, в России есть такие настроения, но на одиночные

голоса не следует полагаться». «Надо помнить, что в случае вторжения извне враждующие между собой силы все обратятся против пришельца, а население, если не сразу, то очень скоро узнает в пришельцах черты навсегда отвергнутого прошлого». Кадетская эмиграция говорила о неприемлемости для послереволюционной России «белого движения» («...движение этой окраски не найдёт опоры в России») и призывала «участников возможной авантюры» воздержаться от новых жертв и ошибок, которые могли бы остановить «естественный ход русского освобождения». Это было мнение парижской группы кадетов, выступивших с так называемой «новой тактикой» по отношению к России 21 декабря 1920 г.⁸⁴

С их мнением совпадало мнение Н. Вороновича, выступавшего в Париже от имени «зелёных», т.е. повстанцев - «самостийников» Кубани и Причерноморья. Он обвинял «константинопольских авантюристов» и «другие руки, которые тянутся к «зелёному движению», желая использовать его в своих интересах, пытаются установить с ним связь, засылают своих агентов и рассчитывают при помощи сочувствия им «махровых» прибрать «зелёные банды». Идеолог и организатор повстанчества уверенно заявлял, что «все эти господа жестоко ошибаются в своих расчётах - «зелёные» не пойдут за ними, ибо уроки прошлого им хорошо памятливы»⁹⁰.

К концу 1922 г., лишённое массовой поддержки местного населения и помощи извне, повстанческое движение постепенно капитулировало перед советской властью. Этому способствовали и многие другие причины.

Не надеясь больше на Врангеля, страны Антанты обратили свои взоры к бывшим кавказским правительствам, оказавшимся в Париже после победы советской власти в 1920 г. в Азербайджане и Армении и в марте 1921 г. - в Грузии. В начале июля 1921 г. французская печать горячо приветствовала заключение соглашения между представителями бывших правительств Грузии, Азербайджана, Армении, Северного Кавказа о совместном выступлении против Советской России. Соглашение возлагало также на договаривающиеся стороны регулирование отношений с Врангелем и ангорским правительством Турции⁹¹.

«Создание жизнеспособной закавказской конфедерации, - писали газеты, - явилось бы крупным успехом французской

внешней политики. Франкофильское государство, являющееся буфером между Россией и Турцией, определило бы окончательную ориентацию последней в сторону Франции и на случай утверждения в России советской власти, создало бы между красной империей, с одной стороны, сирийским протекторатом Франции и её северо-африканскими владениями, с другой, сплошную «китайскую стену» от Кавказского хребта до Средиземноморского побережья».

Далее высказывались восторженные мечты о том, что Франция и Италия, способствуя созданию кавказской конфедерации, «распространяли бы своё экономическое влияние на нефтяные недра Закавказья». Попутно Французская пресса раскрывала интересы Англии, которая тоже «ради нефтяных недр Закавказья» стремится заменить сильную Турцию слабой Грецией», а для того, чтобы успешно «отразить напор красной России», пытается занять господствующее положение «в Малой Азии и в создаваемых ею Аравийском государстве и новом халифате в Мекке».

Французское правительство обосновало экономическую необходимость объединения Северного Кавказа и Закавказья в «конфедерацию»: «Без Кубано-Донского плацдарма (хлеб и уголь) нельзя успешно отстаивать Закавказскую (нефть и ископаемые) независимость. Казачьи земли могут успешно обороняться, только опираясь на Кавказский хребет и имея как тыл Закавказье»⁹².

Председатель Совета Министров Франции А. Бриан устроил приём в честь договорившихся дипломатов. На нём присутствовали и представители Англии, вступившие в контакты с бывшими правительствами.

В середине июня 1921 г. англичане предложили главе бывшего грузинского правительства (оно капитулировало 17 марта 1921 г., 18 марта бежало из Батуми за границу) Н. Жордания, обещавшего поднять в Грузии антисоветское восстание, высадить десант на Черноморском побережье. Англия обязывалась поставить полный комплект вооружения, снаряжения, обмундирования для 50-тысячной армии. Сверх того, она обещала содержать 25-тысячную армию на территории, которую займут восставшие. Штабу восстания на организационные расходы отпускалось 50 тыс. фунтов стерлингов. Предполагалось, что снабжать обе армии будет врангелевский орган - ин-

тенданство⁹³. Эти планы, хотя и оставались на бумаге, оказывали некоторую моральную помощь повстанцам в Советской России.

С конца 1922 г. повстанчество в бывших казачьих областях, как о том сообщали органы ГПУ, уже не имело связи с заграничными организациями. В горских же районах края, особенно в Чечне, где скрывались самые влиятельные руководители повстанцев, последние продолжали пользоваться поддержкой зарубежных покровителей.

С начала 1923 г. Н. Гоцинский готовил новое восстание против советской власти. Имам требовал от неё «освобождение всех горцев Кавказа и Астрахани до Ростова», чтобы создать на этой территории шариатское государство⁹⁴. Большую помощь Гоцинскому оказывал чеченский шейх Али Митаев, который, по сведениям ОГПУ, имел 12 тыс. преданных ему мюридов⁹⁵.

Значительно активизировалось повстанческое движение на Кавказе в связи с подготовкой грузинскими меньшевиками антисоветского восстания в Грузии, к которому они хотели привлечь весь Северный Кавказ. Его планировали начать в августе 1924 г., когда предполагалось доставить в Грузию закупленные в Европе и Америке оружие и патроны.

Интерес к закавказскому мятежу проявляли не только грузинские меньшевики, но и заграничные нефтяные фирмы. Французские газеты того времени писали, что подавление восстания в Грузии явится прямой угрозой для Франции, ибо по территории Грузии проходит нефтепровод Баку-Батум «бесценной стратегической важности». Десятой доли горючего, которое он перекачивал, «было бы достаточно для Франции». Франция не могла, по мнению авторов статей, оставить «такой важный инструмент в руках Советов», поэтому она должна была требовать независимой Грузии под эгидой Лиги Наций⁹⁶.

Чтобы добиться дипломатического вмешательства западно-европейских государств в «защиту» Грузии и денежной помощи от них, организаторы мятежа должны были убедить покровителей в значительной силе мятежников. Соответственно этому, как признавался позднее член ЦК меньшевиков Ониашвили, «Паритетный комитет», занимавшийся подготовкой восстания, «очень основательно нащупывал пути для всеобщего выступления на Кавказе», завязывая сношения с лю-

быми антисоветскими организациями.

Наиболее серьёзное внимание было направлено на Чечню, куда для переговоров с Али Митаевым был послан представитель «Паритетного комитета». Али Митаев вскружил голову меньшевикам, заявив сначала, что может выставить 90 тыс. вооружённых людей. В декабре 1923 г. он говорил уже о 60 тысячах, а в марте 1924 г. сообщил, что если грузины дадут деньги, офицеров, патроны, снаряжение, он выставит 1,5 тыс. человек⁹⁷.

Руководителям антисоветского восстания в Закавказье не удалось поднять на него Чечню, Ингушетию, Дагестан, как ни пытались они это сделать. В самой Грузии восстание, начатое 28 августа 1924 г., продолжалось фактически 2 дня. Оно вылилось в авантюру, не поддержанную населением, хотя эмигрантские газеты до октября 1924 г. продолжали писать, что Грузия горит в огне восстаний, что оно будто бы распространилось на весь Северный Кавказ и Украину. Складывается впечатление, что меньшевики сознательно обманывали общественное мнение Западной Европы, сообщая за границе преувеличенные данные, чтобы добиться вмешательства капиталистических государств во внутренние дела Грузии.

9 сентября 1924 г. парижская газета сообщала о том, что глава бывшего грузинского правительства Н. Жордания обратился в Лигу Наций с предложением «вмешаться в советско-грузинский конфликт для решения его путём международного арбитража»⁹⁸.

От имени французского, британского и бельгийского правительств Поль Банкур внёс на рассмотрение Лиги Наций резолюцию по грузинскому вопросу. 11 сентября 1924 г. газеты опубликовали текст принятой резолюции: «Лига предлагает Совету внимательно следить за развитием событий в Грузии с тем, чтобы мирными мерами содействовать сохранению нормального положения в стране. Меры эти должны соответствовать международному праву»⁹⁹.

Это, фактически, была отписка. Европейские страны не хотели поддерживать «правительство», которое не имело ни военных успехов, ни территории: оно не могло помочь им в получении желанных «нефтяных недр Закавказья» и «китайской стены», с помощью которой можно было бы отгородиться от революционной России.

§3. Роль Турции в поддержке повстанцев Северного Кавказа (1920-1925 годы)

Существенное влияние (в основном, на горское повстанческое движение) оказывала султанская Турция, имевшая на Кавказе свои, отличные от антантовских, интересы. Турция намеревалась провести в жизнь свои идеи об объединении всех мусульманских народов в независимую от России Горскую республику с турецкой ориентацией. Проводником этой идеи было Горское правительство. Столкновение между врангелевским «Комитетом содействия терским казакам и горцам по их освобождению от большевиков» и Горским правительством были неизбежны, они отражали противоречия стран Антанты и Турции в кавказском вопросе.

Вполне закономерна была и их консолидация. Ближайшая цель и у комитета, и у Горского правительства была одна - свержение советской власти на Тереке и в Дагестане. Врангель и стоявшие за ним страны Антанты не могли не учитывать социальных, национальных, религиозных особенностей народов, которые они хотели поднять на борьбу, а значит, на первых порах вынуждены были поддерживать Горское правительство, хотя и подорвавшее свой авторитет из-за своей политики по отношению к своим народам, но всё ещё имевшее какое-то влияние на горцев. У Турции, в свою очередь, не было тех средств, которые могла предоставить повстанцам Антанта.

Султанская Турция давно ратовала за создание северокавказской шариатской монархии (или республики), «которая охватила бы все мусульманские народы Северного Кавказа от Каспийского до Чёрного моря»¹⁰⁰. Эти идеи находили широкий отклик в горных районах, где население в основном, исповедовало ислам, а «владелец души и тела правоверного», мусульманское духовенство, пользовалось большим авторитетом и влиянием.

Весной 1920 г. члены Горского правительства, бежавшие в 1918 г. в Грузию, находились и там, и в Азербайджане, и в Турции. Не надеясь на свой авторитет и влияние среди горцев, они обратились за помощью к Турции в подготовке антисоветского восстания. Однако весной и летом 1920 г. Турция не могла активно поддержать повстанцев из-за резко обострившегося в это время внутривнутриполитического положения. Там раз-

вернулось мощное национально-освободительное движение, возглавляемое Кемалем Ататюрком, которое получило существенную помощь и поддержку со стороны Советской России.

Антанта и Врангель были весьма озабочены развитием советско-турецких отношений. С одной стороны, их тревожило улучшение этих отношений, с другой - беспокоили успехи султанской Турции (а, следовательно, и Горского правительства) в проведении идеи отмежевания горцев от России и создания мусульманского государства с турецкой ориентацией.

Антанта и Врангель не желали, чтобы Турция проводила самостоятельную политику. Важнейшей их целью было не допустить заключения советско-турецкого договора, спровоцировать советско-турецкий конфликт, вовлечь кемалистов в военные действия на Кавказе, добиться ослабления Турции с тем, чтобы установить здесь своё господство. Очевидна и антитурецкая, и антисоветская направленность этих планов. Военное столкновение Турции с Советской Россией явилось бы большой помощью Врангелю.

Попытки договориться с кемалистами предпринимались Антантой и в Стамбуле, и в Анкаре, и в Тифлисе. Кемалю обещали аннулировать кабальный для Турции Севрский договор, если он даст свою армию для завоевания Кавказа¹⁰¹.

Опасность этих контактов для России усугублялась тем, что среди кемалистов имелись влиятельные деятели, которые отнюдь не стремились к упрочению советско-турецкого сотрудничества, пытались сорвать подписание договора Турции с РСФСР. Например, тогдашний министр иностранных дел Бекир Сами, участвовавший в московских переговорах в августе 1920 г., воспользовавшись разрешением советского правительства посетить родину предков (Осетию), установил связи с буржуазно-националистическими группировками в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Азербайджане, агитировал за «независимую горскую республику», о чём находившийся на Кавказе Г.К. Орджоникидзе телеграфировал В.И. Ленину¹⁰².

Сильнейшее давление на кемалистов имело некоторый успех. 24 сентября 1920 г. началась спровоцированная Антантой армяно-турецкая война, несправедливая, захватническая со стороны Турции. Это был удобный повод для создания советско-турецкого конфликта.

Война резко усилила влияние Турции на повстанческое

движение Дагестана и Терека. Духовенство Турции, некоторые кемалистские деятели активно вели панисламистскую и пантюркистскую агитацию среди горцев, особое внимание уделяя тем горным округам Дагестана и Чечни, которые когда-то входили в имамат Шамиля.

Здесь создавала свои ячейки строго законспирированная мусульманская партия «Иттихият-Ислам», целью которой было объединение всех мусульман в государство «со знаменем турецкого образца, с турками во главе военных организаций». Турецкие офицеры готовили партию к восстанию. В вооруженных отрядах «иттихиятистов» весной 1921 г. было несколько тысяч человек, поддержавших мятеж Н. Гоцинского. Подделав печать и штамп Особого отдела XI армии, члены партии под видом красноармейцев производили крупные ограбления, передавая добытые средства и оружие мятежникам¹⁰³.

Гибкая политика советской дипломатии помешала Антанте вбить клин между РСФСР и Турцией, не допустила союза кемалистов с Антантой. 29 ноября 1920 г. в Армении была установлена советская власть. 16 марта 1921 г. был подписан советско-турецкий договор о мире и братстве.

Инициатива в привлечении к восстанию против Советов внука Шамиля, Саид-бея, вероятно, принадлежала Турции. Без сомнения, его поддерживала Франция, а, следовательно, и Врангель.

Саид-бей, как его характеризовала французская газета «Пресс-дю Суар» от 2 января 1921 г., несмотря на молодость (22 года), был незаурядной личностью. Родился он, по сведениям того же источника, в с. Гимры Аварского округа Дагестана. Детство его прошло частью в Турции, где его отец, Магомед Камиль, крупный сановник, затем дамаский генерал-губернатор, пользовался большим влиянием. Саид-бей получил образование в Западной Европе, владел французским языком, изучил Коран. Он смотрел на себя как на «спасителя Кавказа». Хотя мятеж в Дагестане и Чечне получил название мятежа Гоцинского, роль Саид-бея в нём была весьма значительной, а зарубежная русская пресса называла это движение «восстанием Шамиля»¹⁰⁴.

Отличительной особенностью мятежа Гоцинского в 1920-1921 гг. в Дагестане, а особенно в Чечне являлось то, что ру-

ководители повстанцев ориентировались на Турцию, а про-врангелевски настроенные Н. Гоцинский, полковник К. Алиханов и некоторые другие, хотя и принимали участие в военных действиях, не имели того значения, что раньше. В Чечне Гоцинский появился вообще к концу мятежа.

Мятеж носил ярко выраженный религиозный отпечаток, временами отличался религиозным фанатизмом. Отчасти это объяснялось тем, что его возглавил Саид-бей, непосредственно руководивший военными действиями. Наиболее фанатично настроенному населению горных аулов духовенству удалось внушить мысль об объявлении Красной Армии кровной мести.

Усиление влияния Турции на события в Дагестане и Чечне почувствовалось сразу после падения Врангеля. Суда, на которых плыли врангелевцы, ещё не успели достичь Константинополя, а в Грузии на заседании Горского правительства под председательством Цаликова в присутствии представителей Кемал-паши 17 ноября 1920 г. была избрана комиссия для организации восстания и борьбы против советской власти. В её состав вошли и кемалисты. 20 ноября 1920 г., как сообщала разведка XI армии, горцы послали меморандум Кемалю-паше¹⁰⁵. На участвовавших заседаниях Большого Национального Совета Турции, проводившихся в панисламистском духе, с ноября 1920 г. стали обычно бывать представители Дагестана, которые высказывались за присоединение его к Турции¹⁰⁶.

Турецкие эмиссары активизировали свою деятельность в Дагестане. 4 января 1921 г. штабу Кавтрудова стало известно о создании на территории Грузии мусульманского дивизиона Аслан-беем и Магомед-беем Абашидзе. 10 января 1921 г. сводка сообщала, что в Дагестане, в Андийских горах турецкий офицер Гусейн Эффенди и мулла Магомаев организовали отряд в 500-800 человек для наступления на чеченскую крепость Шатой. Турецкий офицер Сами Султан руководил работами по укреплению с. Беной в Чечне, который в январе 1921 г. был резиденцией Саид-бея¹⁰⁷.

Турецкие офицеры готовили к восстанию мусульманскую партию «Иттихат-Ислам». В июне 1920 г. Особый отдел XI армии ликвидировал многие её ячейки, но в начале 1921 г. она вновь развернула свою деятельность. В первых числах января 1921 г. партия организовала комитет из 7 лиц, члены которого в целях конспирации были занумерованы. К 19 января 1920 г.

партия имела 8 хорошо организованных, спаянных жёсткой дисциплиной ячеек. В мае 1921 г. их было уже 84. Создана была сеть секретных агентов («хафия»), на которых возлагались задачи разведки и контрразведки; террористическая группа, приводившая в исполнение приговоры по отношению к недисциплинированным членам партии. По уставу не явившийся 3 раза на собрание «иттихиятист» приговаривался к расстрелу. При комитете была создана группа «экспроприаторов», которая добывала денежные средства партии, вела скупку бомб, винтовок, пулемётов. В вооружённых отрядах партии было несколько тысяч человек с большим количеством оружия. Как уже говорилось, у них были поддельная печать и штамп Особого отдела XI армии. Переодетые в красноармейцев «экспроприаторы» проводили крупные ограбления, передавая добытое мятежникам¹⁰⁸. Партия, ячейки которой находились в Дагестане, Чечне, Грузии, Азербайджане, поддержала мятеж Гоцинского.

15 марта 1921 г. мятеж был подавлен советскими войсками. Причин тому было много. Одна из них состояла в слабой помощи повстанцам извне, в советизации Грузии в марте 1921 г., в подписании советско-турецкого договора. 16 марта 1921 г. Саид-бей уехал в Турцию. Гоцинский и другие руководители повстанцев укрылись в горной Чечне. Как говорилось в воззвании Саид-бея к населению, они все намерены были готовиться к новым боям с советской властью.

Новое антисоветское восстание под старыми лозунгами создания шариатского государства Н. Гоцинский начал готовить в 1923 г., в чём ему активно помогал чеченский шейх Али-Митаев, который был связан с контрреволюционерами Баку, Батума, Петровска, с полковником К. Челобаевым, отряды которого оперировали на границе Грузии и Чечни. К Митаеву в его резиденцию (чеченское село Автуры) прибывали представители повстанцев Закавказья, готовившие восстание в Грузии. Они имели, как сообщала советская контрразведка, документы налогового управления Чечни. Митаев направил их в ст. Червлёную к полковнику Рогожину, готовившему мятеж среди казаков. Для охраны их в поездке Митаев выделил 12 мюридов из своего отряда¹⁰⁹.

Будучи членом Чеченского областного ревкома, Али Митаев предложил свои услуги по охране железной дороги на

участке Хасав-Юрт-Грозный. Ревком согласился, обеспечил материально отряд Митаева в 100 человек, выдал членам отряда удостоверения и нагрудные знаки для беспрепятственного проезда по железной дороге. Первое время налёты на этом участке совершенно прекратились, но с ведома Митаева, под командованием Шиты Истамулова мюриды шейха совершали налёты на железную дорогу в других местах. Организуя их, Митаев добивался передачи охраны всей железной дороги на территории Чечни в его руки, чтобы закрепить свой авторитет и облегчить дело подготовки антисоветского восстания. Таким же образом Митаев стремился добиться передачи ему охраны нефтяных промыслов.

19 апреля 1924 г. органы ГПУ арестовали Митаева за его связь с контрреволюционными организациями. Этот арест был ещё одним ударом по повстанческому движению. Почти полному «замирению» края послужила операция войск СКВО по разоружению и «изъятию бандитского элемента» сначала в Чечне, а потом и во всех горских автономиях, проведённая осенью 1925 года. И Турция уже ничем не могла помочь повстанцам.

Продолжение в следующем томе:

Глава IV. Численность повстанцев Северного Кавказа (1920-1925 гг.)

Глава V. Краткий очерк действий повстанческих сил Северного Кавказа в 1920-1925 гг. и их разгром

§1. Периодизация движения

§2. Первый период повстанчества (весна 1920 - ноябрь 1920 г.)

§3. Второй период повстанческого движения (конец 1920 - весна 1921 гг.)

§4. Третий период повстанчества (середина 1921 - конец 1922 г.)

§5. Четвертый период повстанческого движения (начало 1923 - конец 1925 гг.)

Заключение

Примечания:

К предисловию и главе I

1. Покровский Н.И. Кавказская война и имамат Шамиля. М. 2000, с. 7
2. Чечня и Россия: общества и государства. М. 1999, с. 5
3. Красная Армия. Вестник ВНО при Военной Академии. 1921, №№ 7-8, с. 7
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с.10
5. Воронович Н. Зелёные /На Северном Кавказе в 1921 году/ - Последние новости. Париж. 25 января 1922 г., № 545
6. Яблочкина И.В. Рецидивы гражданской войны. Анти-государственные вооруженные выступления и повстанческое движение в Советской России. 1921-1925 гг. М. 2000, с. 44
7. Какурин Н. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований. – Военная наука и революция. М. 1922, кн. 1, с. 82,96
8. Большая советская энциклопедия. М. 1930, т. 4, с. 606
9. Бабичев М.М. К вопросу о земельной политике Советской власти на Кубани в 1920-1924 гг. – Кубанский университет. Научные труды, вып. 187 – Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар. 1974, с. 46; Щетнёв В.Е. Кубанская станция до коллективизации сельского хозяйства. – Там же, с. 55; Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. 1921-1924 гг. Л. 1978, с. 10
10. Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России /конец 1920-1921 гг./ М. 1984, с. 19,20
11. История гражданской войны в СССР. М. 1960, т. 5, с. 350; История КПСС. М.1970, кн. 4, с. 10,13

12. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1982, с. 53
13. Бабичев М.М., указ. соч., с. 46
14. Китаев М.А. Областные бюро - полномочные органы Центрального Комитета партии. М. 1982, с. 55
15. Хохлюк Г.С. Уроки борьбы с контрреволюцией. М. 1981
16. Жупикова Е.Ф. Советская власть и население Северного Кавказа в борьбе с бандитизмом /1920-1925 гг./- Власть и общество в России в первой трети XX века. М. 1994; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой половине XX века. Омск. 1996; Бошарин Г.П. Общественно-политическая обстановка в Сибири в 1921-1925 гг. Якутск. 1996; Яблочкина И.В., указ. соч. и др.
17. Эйдеман Р.П. Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом. Харьков. 1921, с. 7
18. Дерлугьян Георгий. Чеченская революция и чеченская история.- Чечня и Россия: общества и государства, с. 205,206
19. Ливен Анатоль. Война в Чечне и упадок российского могущества.-Там же, с. 283
20. Фурман Дмитрий. Самый трудный народ для России.-Там же, с.5
21. Восстановление хозяйства и развитие производственных сил Юго-Востока РСФСР, пострадавшего от неурожая 1921 г. Записка государственной общественной комиссии СТО РСФСР М. 1921; Восьмой Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских Красноармейских и Казачьих депутатов. Стенографический отчет / 22-29 декабря 1920 г./ М. 1921; Первый съезд народов Востока. Стенографический отчет. Петроград. 1920; Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. Стенографический отчет. Ростов-на-Дону. 1921; Учредительный съезд Советов ГАССР /21 апреля 1921 г./ Стенографический отчет. Владикавказ. 1921; Второй съезд Советов Горской республики. Стенограмма. Владикавказ. 1922; Первая Юго-Восточная конференция РКП/б/. Стенографический отчет. Ростов-на-

Дону. 1923; Вторая Юго-Восточная краевая конференция РКП/б/. Стенографический отчет. Ростов-на-Дону. 1924; Стенографический отчет III Краевой Северо-Кавказской конференции /26/XI-I/XII-1925 г./. Ростов-на-Дону. 1925; Стенографический отчет IV Совещания ЦК РКП/б/ с ответственными работниками национальных республик и областей. М. 1924; Чеченская автономная область. Стенографический отчет II съезда Советов Чеченской автономной области и I пленума Областного исполкома 5 мая 1926 г. Грозный. 1926; Отчет Чеченского облисполкома за октябрь-декабрь 1925 г. и январь-март 1926 г. Ростов-на-Дону. 1926; Отчет Исполкома автономной области Ингушетии за 1924-1926 гг. Владикавказ. 1926; Сборник отчетов Ставропольского Губревкома. Т.-т. 1-3. Ставрополь. 1921; Стенографический отчет Краевого Совещания губернских и областных экономических совещаний Юго-Востока России /10-12 июля 1922 г./ Ростов-на-Дону. 1922; Стенографический отчет Краевого Совещания губернских и областных экономических совещаний Юго-Востока 17-19 октября 1922г. Ростов-на-Дону. 1922; Отчет о деятельности Северо-Кавказского краевого исполкома Советов рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов за 1924-1925 хозяйственный год /1 октября 1924-1 октября 1925/. Ростов-на-Дону. 1926 и др. См. также отдельные публикации в журналах «Жизнь национальностей», «Революция и горец», «Новый Восток», «Советский Кавказ» и др. за 1920-1926 гг., а также материалы в краевых и местных газетах: «Советский Юг», «Советский Кавказ», «Горская беднота», «Молот», «Нефтерабочий», «Ингушская беднота», «Советская Чечня» и многих других.

22. Северо-Кавказский край. Статистический справочник. 1924-1925 гг. Ростов-на-Дону. 1926; Северный Кавказ. Ростов-на-Дону. 1926; Справочник по автономным областям, районам и городам Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 1932; Статический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону. 1925; Сборник распоряжений по единому с/х налогу на 1923-1924 гг. Вып. 1

- Ростов-на-Дону. 1923 и др.
23. Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии /1917-1920 гг./ Сборник документов и материалов. Грозный 1958; За власть Советов! Документы и материалы из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. Грозный. 1967; Москва, Кремль, Ленину. Сборник документов и материалов. Грозный. 1969; Дорога отцов-дорога героев. Сборник очерков и воспоминаний. Грозный. 1967; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников революционных боёв в Чечено-Ингушетии /1917-1920 гг./ Грозный. 1970; Борьба за Советскую власть в Северной Осетии /1917-1921 гг./ Документы и материалы. Орджоникидзе. 1957; Революционные комитеты Дагестана, их роль по упрочению Советской власти /март 1920-декабрь 1921/ Сборник документов. Махачкала. 1960; Революционные комитеты Кабардино-Балкарии. Сборник документов и материалов. Нальчик. 1968; Гражданская война в Северной Осетии. По воспоминаниям участников. Орджоникидзе. 1965; Ленин о Доне и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону. 1969; Восстановительный период в Северной Осетии. 1921-1925 гг. Сборник документов. Орджоникидзе. 1965; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане в 1917-1921 гг. Сборник документов и материалов. М. 1958; Революционные комитеты Терской области в борьбе за установление и упрочение Советской власти /октябрь 1919-август 1920 гг./ Сборник документов и материалов. Сухуми. 1971 и др.
24. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. 1917-1922. М. 1975; Внутренние войска СССР. 1918-1928. М. 1976; Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917-1954; Съезды Советов в документах /1917-1936 гг./ М. 1960; Декреты Советской власти. Т.1 М. 1957; Из истории ВЧК. Сборник документов. М. 1958; Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны /1918-1920/ Документы и материалы. М. 1962; Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства /1922-1941/ Документы и материалы. М.

- М. 1977 и мн. др.
25. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М. 1991. Т.,т. 1,2; Милюков П.Н. Воспоминания. Т.,т. 1,2. М. 1991; Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Деникин. Юденич. Врангель. М. 1991; Дмитрий Лехович. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М. 1992 и др.
  26. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов. 1994; Кронштадская трагедия 1921 г. Документы. В 2-х книгах. М. 1999
  27. Казаки /политика большевиков в отношении казачества/ 1918-1992. Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. М. 1994, № 1/3/
  28. Чечня: вооруженная борьба в 20-30-е годы.- Военно-исторический архив. Выпуск 2. М. 1997
  29. Кириенко Ю.К. Крах калединщины. М. 1976, с. 25, 26, 32, 33, 113, 114
  30. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону. 1977, с. 220, 221
  31. Яблочкина И.В., указ. соч.
  32. Аргументы и факты. 1995, №3; Родина, 1995, №6
  33. Московские новости. 1995, №45
  34. Спецназ России. Газета ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа». Сентябрь 2001, №09/60/
  - 34а. Антибольшевицкое повстанческое движение. Альманах «Белая гвардия» 2002, №6
  35. Казаков А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянского восстания.- Красная Армия, 1921, №9; Эйдеман Р.П. К вопросу о борьбе с бандитизмом.- Армия и революция, 1922, №2; Савицкий С. Украинский бандитизм.- Красная Армия, 1921, №9; Денисов М. Сибирский бандитизм.- Там же; Покровский М.Н. Контрреволюция за 4 года. М. 1922; Какурин Н. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований.- Военная наука и революция, 1922, №1 и др.
  36. Стройло. Повстанческое движение на территории Северно-

- го-Кавказского военного округа.- Красная Армия, 1921, №9; Шейдеман Б.С. Ликвидация повстанческой армии генерала Пржевальского.- Война и революция, 1929, кн. 11; Б. и С. Бандитизм на Тереке.- Коммунистический путь. Пятигорск. 1924, №№2-4; Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов-на-Дону. 1931.
37. Тухачевский М.Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение типичного бандитизма. /Тамбовского восстания/.- Война и революция, 1926, №№7,8; Буйский А. Красная Армия на внутреннем фронте. Борьба с белогвардейскими восстаниями и бандитизмом. М.-Л. 1927
  38. См. статьи К. Бутаева, Н. Носова, А. Костерина, С. Такоева, И. Трайнина, И. Томашевского, Д. Гатуева и др. в журналах и газетах /см. сноску 21/
  39. Бутаев Казбек. Общественное движение среди горцев Северного Кавказа.- Жизнь национальностей, 1923, январь, кн. 2, с. 23-26; Трайнин И. О племенной автономии.- Там же, с. 19-26; Носов Н. В горской республике.- Жизнь национальностей, 1922, №10/16/, с. 5-6; Бутаев К. Грозненская нефть и Чечня.- Там же
  40. Янчевский Н. Гражданская война на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1924; Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов-на-Дону. 1930. Т.т. 1-2
  41. Ленин В.И. Полн. собр. соч. т.34, с.15
  42. Там же, т. 13, с. 215
  43. Там же, т. 42, с. 348
  44. Там же
  45. Там же, т. 44, с. 287
  46. Там же, т. 37, с. 15
  47. Там же, т. 43, с. 9,10
  48. Там же, т. 45, с. 282
  49. Там же, т. 43, с. 24
  50. Там же, т. 39, с. 336
  51. Там же, т. 41, с. 364
  52. Там же, с. 365

53. Там же, т. 42, с. 348
54. Там же, т. 43, с. 24
55. Фрунзе М.В. Собр. соч. М.-Л. 1929, т.1, с. 188; Тухачевский М.Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями. Искоренение политического бандитизма /Тамбовское восстание/- Война и революция, 1926, №8, с.8; Каменев С.С. Записки о гражданской войне и гражданском строительстве. М. 1963, с. 199; Эйдеман Р.П. К вопросу о борьбе с бандитизмом.- Армия и революция, 1922, №2, с. 63; Эйдеман Р.П., Какурин Н. Гражданская война на Украине. Харьков. 1928, с. 4; Первая Юго-Восточная краевая конференция РКП/б/. Стенографический отчет. 25-28 марта 1923 года. Ростов-на-Дону.1923, с. 19; Казаков А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний.- Красная Армия. 1921, №9, с. 35, 38, 39; Венцов С. Бандитизм в Белоруссии и организация борьбы с ним.- Там же, с. 45; Савицкий С. Украинский бандитизм.- Там же, с. 52
56. Тухачевский М.Н. Указ. соч.- Война и революция, 1926, №7, с. 6; №8, с. 3; №9, с. 11-12
57. Там же, №7, с. 7,6
58. Буркин Н. Октябрьская революция и гражданская война в горских районах Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 1933; Бутаев К. Октябрь в Осетии. Орджоникидзе. 1935; Мартиросиан Г. История Ингушетии. Орджоникидзе. 1933; Омаров М. Чечня на социалистическом пути. Ростов-на-Дону. 1933; Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе в 1917-1920 гг. М. 1941; Раенко Я. Из истории большевистских организации Кубано-Черноморья /1914-1920 гг./ Краснодар. 1940
59. Материалы XXVI съезда КПСС. М. 1981, с. 75, 78
60. Материалы пленума ЦК КПСС 14-15 июня 1983 г. М. 1983, с. 30
61. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45, с. 282
62. Там же, с. 142
63. Там же, т. 44, с. 324
64. Там же, т. 43, с. 59

65. Там же, т. 45, с. 285
66. Там же, т. 44, с. 107
67. В.И. Ленин и история классов и политических партий. М. 1970, с. 278
68. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 277, 433
69. Там же, т. 37, с. 14
70. Козлов А.И., Хмелевский К.А., Этенко Л.А. Изучение истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе.- Вопросы истории, 1981, №3, с. 45, 46
71. Трифионов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа /1921-1922 гг./ М.-Л. 1964
72. Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского кронштадского мятежа 1921 г. М. 1973
73. Литературная газета, 14 декабря 1988 г., № 50
74. Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России /конец 1920-1921 гг./ М. 1984
75. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 436, л. 90-98, 159, 181, 270
76. Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК. М. 1960; Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М. 1967; Гусев К.В. Ерицын Х.А. От соглашательства к контрреволюции. М. 1968; Соболева П.И. Борьба большевиков против правых эсеров и меньшевиков в период упрочения Советской власти. М. 1961; Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Калинин. 1970; Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М. 1968; Хейфец А.Н. Советская власть и сопредельные страны Востока /1918-1920/ М. 1964; Кузнецова С.И. Установление Советско-турецких отношений. М. 1961; Мухачев Ю.В. «Новая тактика» российской контрреволюции и её провал. 1920-1922.- Исторические записки. Т. 99. М. 1977; Шаповалова С.И. Революционные комитеты Украинской ССР /декабрь 1919-февраль 1920/.- Научные записки Харьковского института советской торговли. Вып. 6,8. Харьков, 1957; Флёров В.С. Создание ревкомов на Дальнем Востоке /1922-1923/.- Сборник научных трудов Томского электромеханического ин-та ж. д. транспорта. Т. 26. Тайга 1958;

- Петриков П.Т. Организация и деятельность революционных комитетов на территории Белоруссии в 1920 г. Минск. 1962; Златина Н. и Потёмкина Л. Сороколетие первого ревкома Чукотки. Магадан. 1959; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М. 1981
77. Донков И.П. Антоновщина; замыслы и действительность. М. 1977; Семанов С.Н. Разгром антисоветского кронштадского мятежа 1921 г. М. 1977; Зевелёв А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М. 1981; Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М. 1980; Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реформаторства в СССР. М. 1980; Щетинов Ю.А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России /конец 1920-1921 г.г./. М. 1984; Зевелёв А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество. Социально-политическая сущность. Ташкент. 1984 и др.
78. Донков И.П. Деятельность РКП/б/ по разгрому мелкобуржуазной контрреволюции в условиях перехода от гражданской войны к мирному строительству /на примере ликвидации антоновщины/. Канд. диссерт. М. 1970; Шамсутдинов Р.Т. Революционные комитеты Советского Туркестана /1918-1923/. Канд. диссерт. М. 1970; Заповодникова А.И. Борьба с кулацкой контрреволюцией в Западной Сибири в период перехода от гражданской войны к мирному социалистическому строительству /1920-1922/. Канд. диссерт. Новосибирск. 1969; Исаева Т.С. Дальневосточный революционный комитет – чрезвычайный орган Советской власти на Дальнем Востоке /ноябрь 1922 – март 1926./. Канд. диссерт. Владивосток. 1970; Якубова Л.М.. Ликвидация контрреволюционных сил в Среднем Поволжье. 1918 -1922 г.г. /на материалах Казанской, Самарской и Симбирской губерний/. Канд. диссерт. Казань. 1981 г., и др.
79. Анализ работ Гугова Р.Х., Улигова Р.Х., Иванько Н.И., Тотоева М.С., Улько Г.Е., Кашкаева Б., Эмирова Н., Гаджиева А., Аликберова Г., Берза Л., Хмелевского К., Абазатова

- М.А., Лайпанова К.Т. и др., показывающих, как проходила революция в Кабарде и Балкарии, в Ставрополье, на Дону, в Северной Осетии и в Черноморье, в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Карачаево-Черкесии см: Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов – на – Дону, 1977
80. До конца 70-х г.г. вышли очерки по истории автономных республик Северного Кавказа и очерки партийных организаций этих республик. Подробнее об этом см: Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону. 1977
81. Магомедов Ш.М. Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала. 1965; Коренев Д.З. Революция на Тереке. Орджоникидзе. 1967; Этенко Л.А. Большевистские организации Дона и Северного Кавказа в борьбе за власть Советов. Ростов-на-Дону. 1972; он же. Ленин и горцы Северного Кавказа в борьбе за власть Советов. Орджоникидзе. 1975; Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик. 1975
82. Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Выпуск 1,2. /Материалы Всероссийской научной конференции. 21-22 сентября 1978 г., г. Грозный/. Грозный. 1978; Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах Северного Кавказа /XVI -70-е годы XX века/. /Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный/. Грозный. 1982; Казачество в революциях и гражданской войне. Материалы второй Всесоюзной научной конференции, Черкесск, 9-11 сентября 1986 г. Черкесск. 1988 и др.
83. Этенко Р.Г. Большевистские организации Дона и Кубано-Черноморья в борьбе против внутренней контрреволюции при переходе к новой экономической политике /1920-1922/. Канд. диссерт. Ростов-на-Дону. 1976; Степаненко Б.И. Борьба с вооружённой контрреволюцией на Дону и Кубани и её разгром /март 1920-1922 гг./. Канд. диссерт. Ростов-на-Дону. 1972; Кичев М.И. Разгром антисоветского мятежа Гоцинского в Дагестане. Канд. диссерт. Махачкала. 1955; Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Северного

Кавказа в борьбе за установления и упрочения Советской власти в 1920-1921 гг. Канд. диссерт. М. 1971; Жупикова Е.Ф. Упрочение Советской власти на территории Чечено-Ингушетии в период деятельности ревкомов /1920-1925 гг./ Канд. диссерт. М. 1972; Пархоменко М.М. Классовая борьба в Чечено-Ингушетии в первые годы новой экономической политики /1921-1925 гг./ Канд. диссерт. Л. 1975; Магамадов С.С. Борьба с вооруженной контрреволюцией в национальных районах Северного Кавказа на заключительном этапе гражданской войны. 1920-1922 гг. Канд. диссерт. Ростов-на-Дону. 1981; Врублёвский Ф.И. Руководящая роль КПСС в создании советской национальной государственности чеченского и ингушского народов /1920-1925 гг./ Канд. диссерт. Грозный. 1964; Коротков М.Л. Борьба Коммунистической партии за осуществлении ленинской национальной политики на Северном Кавказе /1921-1925 гг./ Канд. диссерт. М. 1967; Гобеев В.Б. Создание и деятельность органов РКИ Горской республики в период восстановления народного хозяйства /1920-1924 гг./ Канд. диссерт. Орджоникидзе. 1967; Марзоев М.Е. Осетинская партийная организация в восстановительный период /1921-1925 гг./ Канд. диссерт. М. 1959; Шеуджен Э.А. КПСС-организатор культурного строительства в национальных областях Северного Кавказа /1921-1925 гг./ Ростов-на-Дону. 1970 /канд. диссерт./; Юсупов П.И. Коммунистическая партия в борьбе за претворение в жизнь ленинских принципов национальной политики в Чечено-Ингушетии /1920-1925 гг./ Канд. диссерт. М. 1965; Якимова М.И. Руководство Коммунистической партией советами народного хозяйства на Юге-Востоке страны. 1920-1924 гг. Канд. диссерт. 1961; А.К.-М. Исрапилов Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа. Докт. диссерт. Л. 1984; Сулейманов С.И. Руководство Коммунистической партии органами госбезопасности Дагестана в 1920-1925 гг. Канд. диссерт. Махачкала. 1974 и др.

84. Лосев И.К. К вопросу о классовой борьбе в Чечено-Ингушетии в период НЭПа.- Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный. 1964, т. 4; Лоов И.Р. Восстановление народного хозяйства в Чечено-Ингушетии /1920-1927 гг./ Грозный. 1965; Врублёвский Ф.И. Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики. Грозный. 1964; Юсупов П.И. Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии /1920-1925 гг./ Грозный. 1969; Узнародов М.Т. Деятельность Кавказского и Юго-Восточного ЦК РКП/б/ по руководству партийными организациями Юго-Востока России в 1920-1924 гг. Орджоникидзе. 1968. См. также: Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей. Библиографический указатель. Грозный 1971; Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону. Ростов-на-Дону. 1971; Вагабов М.В. Борьба трудящихся Дагестана против контрреволюционных мятежей в 1920-1921 гг. Махачкала. 1958; Кичев И.И. Из истории борьбы за упрочение Советской власти в Дагестане /1920-1921 гг./ Махачкала. 1963; Кашкаев Б.О. Красная Армия в Дагестане. Махачкала. 1960; Жупикова Е.Ф. Деятельность Грозненского окружного ревкома в 1920 г.- Учёные записки МПГУ им. В.И. Ленина, №421. М. 1971; она же. Борьба против бандитизма в Чечне в 1920-1925 гг. – Там же, № 439. М. 1971; Она же. Упрочение Советской власти в Чечено-Ингушетии. 1920-1925 гг. /историография вопроса/.- Чечено-Ингушский институт истории, социологии, филологии. Вопросы истории Чечено-Ингушетии /Советский период/. Грозный. 1978; Она же. Роль врангелевского «Комитета освобождения» в подготовке мятежа Гоцинского /II половина 1920-начало 1921 гг./- Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в период социалистического преобразования народного хозяйства /1917-1937 гг./ Грозный. 1979; Она же. К историографии упрочения Советской власти в Чечено-Ингушетии

- в 1920-1925 гг. Новые источники и материалы.- Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный. 1980, вып. 2; Она же. Глава VIII в коллективной монографии: Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М. 1988; Она же. Ревкомы Чечено-Ингушетии как органы пролетарского руководства крестьянством в упрочении Советской власти /1920-1925 гг./- Из истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за укрепление и развитие союза рабочего класса и крестьянства /1905-1975 гг./ Грозный. 1985; Она же. Причины политического бандитизма Северного Кавказа в период строительства социализма. Ростов-на-Дону. 1988 и мн. др.
85. Амбарцумов Е.А. Анализ В.И. Лениным причин кризиса 1921 г. и путей выхода из него.- Вопросы истории, 1984, №4
  86. Бугаев Е. Странная позиция.- Коммунист, 1984, №14
  87. Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М. 1988
  88. Субботин В.В. Внешняя политика антисоветских государственных образований Юга России в 1917-1920 гг. Автореф. канд. диссерт. Ростов-на-Дону. 2001, с. 9
  89. Аргументы и факты. 1995, №3/744
  90. Московские новости. 1995, №45; Родина, 1995, №6
  91. «...Добровольческая армия идёт на Ингушетию не с миром, а с войной».- Военно-исторический журнал, 1999, №1, с. 35, 36
  92. Жизнь национальностей. 1922, №10, с. 6; ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 211, л. 51
  93. ГА Республика Северной Осетии-Алания /далее: ГА РСО-А/. ф. 36, оп. 1 д. 123, л. 123; ф. 39, оп. 1, д. 12, л. 39
  94. РГАСПИ, ф. 17, оп. 14, д. 195, л. 43; д.2001, л. 21;
  95. Историко-экономический очерк Чеченской автономной области. Грозный. 1930, с.11
  96. РГАСПИ, ф.17, оп.11, д.278, л.96
  97. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.51, с.175
  98. РГАСПИ, ф.17, оп.13, д.384, л.69; д.281, л.123

99. РГВА, ф.25896, оп.9, д.287, л.99
100. Там же, д.303, л.67
101. Спецназ России. Сентябрь 2001 г., №09/60/
102. Терские ведомости. 1906, №126
103. Газдиев А.М. Асланбек Шерипов – славный герой революции. Грозный. 1960, с.19
104. Какурин Н. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований. – Военная наука и революция. М. 1922. Кн.1, с.83
105. ГАРФ, ф.1318, оп.6, д.13, л.14; О грамотности среди горцев см: Октябрь на Дону и Северном Кавказе, с.19; 10 лет Советской Чечне. Ростов-на-Дону. 1933, с.146; Бугай Н.Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа, с.112 и др.
106. Подробнее об этом см: Козлов А.И. Актуальные вопросы дальнейшего изучения истории казачества периода российских революций гражданской войны. – Казачество в революциях и гражданской войне. Черкесск. 1988, с.19-21
107. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах /20-60-е гг./. М. 1988, с. 82
108. Петрович А. Казаки и Северный Кавказ. – Независимая газета. 1994, 4 июня; Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы. М. 1993, т.1, с. 27; Яблочкина И.В., указ. соч., с. 235
109. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. 2001, с. 53, 54
110. Быв. ЦГА ЧИАССР, ф.614, оп.1, д.48, л.8
111. ЦГА историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания /далее-ЦГА ИПДРСО-А/, ф.1840, оп.1, д.37, л.49
112. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин. 1924, т.4, с. 101
113. ГАРФ, ф.1318, оп.1, д.51, л.170
114. Там же, ф.1235, оп.121, д.149, л.23,24
115. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск и согласия.

- /1920-1926 г.г./ Ростов-на-Дону. 1997; Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917-1945 г.г. Ростов-на-Дону. 1996; Он же. Эволюция и поражение большевистской элиты. Ростов-на-Дону. 1995; Трут В.П. Кто же они – казаки? Ростов-на-Дону. 1995 и др.
116. Бугай Н.Ф., Гонов А.М., указ. соч.; Возрождение казачества: история и современность. Новочеркасск. 1994; Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-на-Дону. 1995 и мн. др. Библиографию о казачестве см: Глущенко В.В. Хронология казачества в истории Российского государства. С.-Петербург. 2000
117. Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М. 1998; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2000 и др.
118. Даудов А.Х. Горская АССР /1921-1924 гг./ Очерки социально-экономической истории. Спг. 1997; Тайны национальной политики ЦК РКП. М. 1992; Гасанов Б.К. Политические партии и движения на Северном Кавказе в 1917-1920 гг. Каспийск. 1994; Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М. 1998; Гакаев Ж.Ш. Очерки политической истории Чечни /XX в./ в 2 частях. М.1997; Северный Кавказ: национальные отношения /историографические проблемы/. Майкоп. 1992; Баранов А.В. Социально-политическое развитие Северного Кавказа в годы НЭПа . Спг. 1996; Чечня и Россия: 200-летняя война. Спг. 2000; Чечня и Россия: общества и государства. М. 1999 и др.
119. Чечня и Россия: общества и государства, с. 5
120. Там же, с. 134
121. Быв. ЦГА ЧИАССР, ф.287, оп.1, д.2, л.21; ф.584, оп.1, д.7, л.2; ф.88, оп.1, д.5, л.41; Быв. Партархив ЧИАССР, ф.249, оп.1, д.10, л.43; Центр документации новейшей истории Ростовской области /далее: ЦДНИРО/, ф.7, оп.1, д.155, л.23; ЦГА РСО-А, ф.36, оп.1, д.130, л.1
122. Чечня и Россия: общества и государства, с.205, 206

123. Там же, с.266
124. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах, с.82
125. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин. 1924, т.IV, с.101
126. Р ГВА, ф.109, оп.I, д.37, л.36; ГАРФ, ф.1318, оп.I, д.51, л.170
127. Гиоев М.И. Ленинская аграрная политика в горском ауле. Орджоникидзе. 1969, с.188
128. Быв. ЦГА ЧИАССР, ф.614, оп.I, д.48, л.8; ЦГА историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания, ф.1849, оп.I, д.3, л.49
129. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. М. 1956, с.130, 131
130. Чечня и Россия: общества и государства, с.203
131. Яблочкина И.В. Указ. соч.
132. Воронович Н. Зелёные /на Северном Кавказе в 1921 г./ - Последние новости. 25 января 1922 г., № 545
133. Жизнь национальностей. 1922, №6, с. 8, 9; Стенографический отчёт краевого совещания губернских и областных экономических совещаний Юго-Востока 17-19 октября 1922 г. Ростов-на-Дону . 1922, с. I
134. За семь лет. Л. 1924, с. 231
135. Карр Э. История Советской России. Большеви́стская революция 1917-1923. М. 1990. Книга I, т. 1, 2, с. 231
136. За семь лет, с.231
137. Далин Д. После войн и революций. Берлин. 1922, с. 146
138. Там же, с. 146-148
139. Карр Э. Указ. соч., с.604
140. Там же, с. 597
141. Там же, с. 601
142. Далин Д. Указ. соч., с. 149
143. Смилга И. Промышленность в условиях НЭПа. М. 1924, с. 17
144. За семь лет, с. 243, 244
145. Жупикова Е.Ф. Причины политического бандитизма на Северном Кавказе в конце гражданской войны. – Дон и Северный Кавказ в период строительства социализма.

- Ростов-на-Дону. 1988, с. 40-54
146. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1983, с. 311
  147. Там же, с. 612; Лайпанов .Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1971, с. 159
  148. Раковский Г. Конец белых. – Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М. 1927. т. 5, с. 432
  149. РГВА, ф. 195, оп. 3, д. 926, л. 272
  150. Там же, ф.25896, оп.9, д.436, л. 6, 79
  151. Воронович Н. Указ. соч.
  152. Степаненко Б.И. Борьба с вооружённой контрреволюцией на Дону и Кубани и её разгром /март 1920-1922 г.г./. Автореф. канд. диссерт. Ростов-на-Дону. 1972, с.26; РГВА, ф.25896, оп.9, д. 436, л.8а
  153. Последние новости. 27 января 1922 г., № 547
  154. РГВА, ф.25896, оп.9, д.436, л.8
  155. Там же, л. 67
  156. Там же, л. 51
  157. Последние новости 18 мая 1920 г.; 16 октября 1921 г.; РГВА, ф.39456, оп. 1, д.86, л.188
  158. Последние новости. 29 июня 1921 г., № 367
  159. Там же, 25 сентября 1921 г., № 443
  160. Там же, 13 октября 1921 г., № 458
  161. Львов В.Н. Кубанская «Повстанческая армия» генерала Пржевальского и её разгром. – Красная Армия. 1922 г., № 545
  162. Последние новости. 25 января 1922 г., № 545
  163. Там же, 27 января 1922 г., № 547
  164. Шкаренков Л.Н. Агония белой эмиграции. М. 1986, с. 27, 30, 31
  165. РГВА, ф.42, оп. 1, д.1061, л. 438
  166. Там же, ф.25896, оп.9, д. 436, л.79
  167. Там же, л. 58
  168. Там же, л. 56
  169. Чечня и Россия: общества и государства, с. 283
  170. Эмиров Н.П. Из истории военной интервенции и граж-

- данской войны в Дагестане, с. 98
171. Тишков В.А. Общество в вооружённом конфликте. Этнография чеченской войны. М. 2001, с. 329
  172. РГВА, ф.195, оп. 3, д. 355, л. 12, 13
  173. Там же, ф. 109, оп. 3, д. 293, л. 159, 167, 238, 243, 366; ф. 42, оп. 1, д. 1061, л. 309, 424
  174. СИЭ, М., 1966, т. 9, с.858
  175. Ислам. Краткий справочник. М. 1983, с. 105, 125
  176. Октябрь на Дону и Северном Кавказе, с. 74, 130; Корнев Д.З. Революция на Тереке, с. 34, 37; Кониен Ю. О зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе, с. 14
  177. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала. 1927, с. 3, 14, 25-31, 158, 161; БСЭ. М. 1930. Т.18, с. 572; т. 20, с. 155, 156; Аликберов Г.А. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. Автореф. докт. диссерт. Баку. 1962, с. 28, 29
  178. Чечня и Россия. 200 – летняя война, с. 158; Военно-исторический журнал. 1999, № 1, с. 35
  179. Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе, с. 216
  180. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 436, л. 147, 157, 160; ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д.33, л. 791
  181. Альманах «Белая Гвардия». М. 2002, № 6
  182. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М. 2001; Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону. 2001; Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М. 1995; Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа. Обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М. 2002 и др.

К главе II

1. Какурин Н. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований. – Военная наука и революция. М. 1922, кн.1, с. 83

2. Красная Армия. Вестник ВНО при Военной Академии. М. 1921, № 7, 8, с. 21, 78; там же, № 9, с. 55, 94
3. Какурин Н., указ. соч., с. 82, 96
4. Казаков А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний. – Красная Армия. М. 1921, декабрь, № 9, с. 32, 33, 38
5. Тухачевский М.Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями. – Война и революция. М. 1926, кн.9, с. 8,14
6. Стройло Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа. – Красная Армия. 1921, декабрь, № 9, с. 56
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 9
8. Там же, с. 9, 24
9. Десятый съезд РКП/б/. Март 1921 г. Стенографический отчёт. М. 1963, с. 84
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 384
11. Там же, с. 8, 9
12. Там же, т. 42, с. 358, 363; т. 52, с.67
13. Там же, т. 43, с. 16,17
14. Десятый съезд РКП/б/, с. 67
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч., с. 364
16. Там же, т. 42, с. 349; т. 44, с. 287
17. Подробнее о формировании региона, о его экономике, социальной структуре в 1917 г. см: Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов-на-Дону. 1977: Октябрь на Дону и Северном Кавказе...
18. Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура /материалы для справочника/. М. 2000, с. 176, 219, 330
19. Щетнёв В.М. Классовая борьба в Кубанской станице, с. 12; Степаненко Б.И. Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и её разгром, с. 9; Козлов А.И. На историческом повороте, с. 114
20. Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. Нальчик. 1988, с. 159
21. Козлов А.И. На историческом повороте, с. 65
22. Социально-экономическая структура населения Дона и Се-

- верного Кавказа, с. 12
23. Данные о землевладении горцев приводится по работам: Авторханов А. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Грозный. 1933, с. 40-49; Козлов А.И. На историческом повороте, с. 70; Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик. 1988, с. 144
  24. Терские ведомости. 1906, № 126
  25. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 9, с.86
  26. Авторханов А., указ. соч., с. 41
  27. Съезды народов Терека. 1918. Орджоникидзе. 1977, т.1, с. 15, 16, 23
  28. Полян Павел. Не по своей воле, с. 53, 54
  29. Октябрь на Дону и Северном Кавказе, с. 229, 230
  30. Съезды народов Терека, т. 1, с. 267
  31. Там же, с. 286, 333, 334, 335
  32. Там же, с. 331
  33. Полян Павел. Указ. соч., с. 53, 54
  34. Быв. ЦГА ЧИАССР, ф. 614, оп. 1, д. 6, л. 6
  35. Съезды народов Терека, т. 1, с. 239
  36. Бугай Н.Ф., Гонов А.М., указ. соч., с. 82
  37. ГАРФ, ф. 1318, оп.1, д. 661, л. 96-99
  38. Съезды народов Терека, т. 2, с. 224-226
  39. Там же, с. 224
  40. Там же, с. 239
  41. Там же, с. 240, 241
  42. Там же, с. 237, 238
  43. Овчинникова М.И. К истории уравнительного распределения земли в Чечено-Ингушетии в 1918-1922 г.г. – ЧИНИИИ истории, языка и литературы. Известия. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т.6, вып.1. История. Грозный 1965, с.67
  44. Съезды народов Терека, т. 2, с. 227
  45. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи, с. 130,131
  46. Авторханов А. Революция и контрреволюция в Чечне, с. 3
  47. РГВА, ф.419, оп. 1, д.1, л.69

48. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи, с. 89, 90
49. РГАСПИ, ф. 17, оп. 12, д. 205, л. 87
50. ГА Ростовской области, ф. 3758, оп. 1, д.64, л.1
51. Чечня и Россия: общества и государства, с. 205, 206
52. РГАСПИ, ф. 17, оп.11, д. 278, д. 96
53. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 336
54. Там же, т. 39, с. 219
55. Там же, т. 38, с. 277
56. Там же, т. 39 с. 244
57. Козлов А.И. Актуальные вопросы дальнейшего изучения истории казачества периода российских революций и гражданской войны... - указ. сб., с. 20
58. Там же, с. 21
59. Там же, с. 23
60. Цит. по: Бугай Н.Ф., Гонов А.М., указ соч., с. 84, 85. Анализ циркулярного письма см: Венков А. В чём казачий вопрос? – Дон. 1999, № 2
61. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 387
62. ЦДНИРО, ф. 911, оп. 1, д. 6, л. 5
63. Быв. ЦГА ЧИАССР. Ф. 614, оп. 1, д. 46, л. 17
64. ЦГА РСО-А. ф. 39, оп. 1, д. 11, л. 19
65. ЦДНИРО, ф. 911, оп. 1, л. 51, 52
- 65а. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М. 1978, т. 9, с. 9, 40, 317, 387, 400, 411, 428
- 65б. Щетнёв В.М. Из истории классовой борьбы в Кубанской станице, указ. сб., с.15
66. Гюев М.И. Ленинская аграрная политика в горном ауле, с. 165
67. Быв. ЦГА ЧИАССР, ф. 614, оп. 1, д. 13, л. 35
68. РГВА, ф. 109, оп. 1, д. 37, л. 36
69. Пленка с записью выступления И.Я. Врачёва хранится в архиве автора
70. РГВА, ф. 109, оп. 1, д. 39, л. 571
71. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д.51, л.170
72. РГВА, ф. 109, оп. 1, д. 51, л. 170
73. Пыхалов И. Как обустроивали Чечню. – Спецназ России,

2001, № 9

74. Петрович А. Казаки и Северный Кавказ. - Независимая газета. 1994, 4 июня; Чечня и Россия: общества и государства, с. 266; Яблочкина И.В., указ. соч., с. 235; Пыхалов И., указ. раб.
75. Полян П., указ. соч., с. 53, 54
76. Съезды народов Терека, т. 2, с. 227
77. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи, с. 130, 131
78. ГАРФ, ф.1318, оп. 1, д.51, л. 182 об
79. ГАРФ, ф.1235, оп. 121, д. 149, л. 23, 24
80. Быв. ЦГА ЧИАССР, ф. 614, оп. 1, д.48, . 8
81. ЦГА ИПДРСО-А, ф. 1840, оп.1, д. 37, л. 49
82. Деникин А.И. Очерки русской смуты, т. 4, с. 101
83. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д.51, л. 170
84. Гиоев М.И., указ. соч., с. 188
85. Последние новости, 18 мая 1921 г.; 16 октября 1921 г.; РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 86, л. 188
86. РГВА, ф. 109, оп. 1, д. 39, л. 310
87. Там же, л. 312
88. Бутаев И. Грозненская нефть в Чечне. – Жизнь национальностей. 1922, № 10 /16/, с. 16
89. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 143, л. 51
90. ЦГА РО, ф. 1485, оп. 1, д. 23, л. 86
91. ГАРФ, ф. 1318, оп.1, д. 143, л. 52
92. ЦГАРО, ф. 3758, оп.1, д. 61, л.19
93. Быв. ЦГА ЧИАССР, ф. 613, оп.1, д. 16, л. 121, 122
94. ЦГА РСО-А, ф. 39, оп. 1, д. 12, л. 39
95. Там же, д. 22, л. 4
96. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 146
97. ЦГА РСО-А, ф. 36, оп. 1, д. 5, л. 280
98. РГАСПИ, ф. 17, оп. 12, д. 627, л. 4
99. Там же, д. 205, л. 72
100. Там же, д. 203, л. 66
101. Там же, л. 63; Быв. ЦГА ЧИАССР, ф. 613, оп.1, д. 15, л. 33
102. ЦГА ИПДРСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 92, л.98
103. ЦГА РСО-А, ф. 36, оп. 1, д. 123, л. 123

104. РГАСПИ, ф. 17, оп. 12, д. 205, л. 87
105. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 296
106. ЦГА РО, ф. 3758, оп. 1, д. 61, л. 5
107. Там же, д. 164, л. 96
108. Первая Юго-Восточная краевая партконференция РКП/б/, с. 123
109. ЦГА РО. Ф. 3758, оп. 1, д. 199, л. 1
110. Подробно об этом см: Узнародов М.Т. Деятельность Кавказского и Юго-Восточного бюро ЦК РКП /б/ по руководству парторганизациями Юго-Востока России в 1920-1924 г.г.; Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона Северного Кавказа; Гюев М.И. Деятельность ревкомов в Северной Осетии и др.
111. РГАСПИ, ф. 64, оп. 2, д. 24, л. 42
112. ЦГА ИПДРСО-А, ф. 1849, оп. 1, д.44, л. 23
113. «Ингушская беднота», № 10, 25 июля 1920 г.
114. ЦГА ИПДРСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 77, л. 15
115. Бугай Н.Ф., указ. соч., с. 119, 120
116. Быв. партархив ЧИАССР, ф. 249, оп. 1, д. 6, л. 47
117. ЦГА РСО-А, ф. 204, оп. 1, д. 4, л. 124
118. Октябрь на Дону и Северном Кавказе, с. 19
119. Омаров М. Чечня на социалистическом пути, с. 24;
- ЦГА ИПДРСО-А, ф. 7, оп. 1, д. 378, л. 83
120. Хашимбеков Х. Галибы и ислам. – Ислам и политика /взаимодействие политики и ислама в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Средней Азии/, М. 2001, с. 264
121. Старченков Г.И. Рост исламской диаспоры в странах Запада. – Там же, с. 264, 270, 271; Абдуллахи Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации /гражданские свободы, права человека и международное право/. М. 1999, с. 8, 265; Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М. 2001, с. 7
122. Коран. 1991. Перевод И.Ю. Крачковского /все ссылки на Коран далее – по этому изданию/, сура 96, аят/стих/ 1, 2 /далее – 96:1,2/

123. Там же, 112:1, 2, 3, 4
124. Старченков Г.И., указ. раб., с. 273
125. Сведения об исламе приводятся, в основном, по: Ислам. Краткий справочник. М. 1983; Ислам и политика...
126. Эхо Кавказа. Журнал ассоциации народов Кавказа. М. 1994, № 1/4/, с. 7
127. Абдуллахи Ахмед Ан-Наим. указ. соч., с.164
128. Логашова Ж.В. Ислам и коранический идеал женщины. – Ислам и политика, с. 324
129. СИЭ. М. 1971, т. 13, с. 969
130. Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля, с. 59
131. Подробно о ней см: Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный 1991; Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII в. Грозный. 1992; Шейх Мансур. Махачкала. 1994; Покровский Н.И. Указ. соч.; Россия и Чечня. 200-летняя война и др.
132. Чечня и Россия: общества и государства, с. 283
133. Такие хронологические рамки «собственно Кавказской войны» предложены И.В. Бестужевым в СИЭ. М. 1965, т. 6, с. 761, 762
134. Гакаев Джабраил. Путь к чеченской революции. – Чечня и Россия: общества и государства, с. 171
135. Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. М. 1999, с. 5, 6; РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 278, л. 96; Бутаев К. Общественное движение среди горцев Северного Кавказа. – Жизнь национальностей. Кн.11, январь 1923. М. 1923; Быв. партархив ЧИАССР, ф. 1489, оп.1, д.62, л. 19
136. Добаев И.П. Традиционализм и радикализм в современном исламе на Северном Кавказе. – Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону. 2001, вып. 1, с. 11, 12
137. Каратаева М.А. Реакционная идеология мусульманского духовенства Чечено-Ингушетии и борьба с ней в 1920-1931 г.г. – Известия ЧИНИИ истории, языка и литерату-

- ры. Грозный 1972, т. 1, вып.1, с. 93
138. Первая Юго-Восточная краевая партконференция РКП/б/, с. 123
139. Омаров М. Чечня на социалистическом пути, с. 24
140. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 198
141. ЦДНИРО, ф. 911, оп. 1, д. 21, л. 6
142. Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа, с. 37
143. Акаев В.Х., указ. соч., с.19
144. Быв. ЦГА ЧИАССР, ф. 584, оп.1, д. 19, л. 9; д. 16, л. 71
145. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 178, л. 23
146. ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 195, л. 146
147. Октябрь на Дону и Северном Кавказе, с. 19; 10 лет Советской Чечне, с. 146; Бугай Н.Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа, с. 112
148. Быв. партархив ЧИАССР, ф. 1491, оп. 1, д. 5, л. 21
149. Джембулатова З.К. Развитие печати в Чечено-Ингушетии. 1920-1941 г.г. . – Известия ЧИНИИЯЛ, вып. 1, Грозный, 1965, с. 88 – 93
150. ЦДНИРО. Ф. 7, оп. 1, д. 378, л. 83
151. Быв. партархив ЧИАССР, ф. 241, оп. 1, д. 2, л.4
152. Китаев М.А. Областные бюро – полномочные органы Центрального Комитета партии. М. 1982, с. 27
153. Вторая Юго-Восточная краевая конференция РКП/б/, с. 39
154. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи, с. 89

К главе III

1. Антанта и Врангель. М-П. 1923, вып. 1, с. 6
2. Там же, с.8
3. Там же, с. 7, 8
4. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М-Л. 1927, т. 5, с. 393
5. Последние новости, 8 мая 1920 г., № 10
6. Там же, 19 мая 1920 г., № 19
7. Антанта и Врангель, с. 14, 15

8. Последние новости, 18 июня 1920 г., № 45
9. Там же, 23 июля 1920 г., № 75
10. Антанта и Врангель, с. 20
11. Последние новости, 23 июля 1920 г., № 75
12. Там же, 28 августа 1920 г., № 106
13. Там же, 18 ноября 1920 г., № 176
14. Там же, 21 октября 1920 г., № 152
15. Там же, 9 октября 1920 г., № 142
16. Там же, 5 ноября 1920 г., № 165
17. Там же, 28 октября 1920 г., № 158; 10 октября 1920 г., № 143
18. Там же, 28 октября 1920 г., № 156; 20 октября 1920, № 151; 21 октября 1920 г., № 152
19. Шульгин В. 1920 год. Л. 1927, с. 212
20. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 436, л. 4
21. Стрелянов /Калабухов/ П.Н. «Армия возрождения России» генерала Фостикова /март-октябрь 1920г./- альманах «Белая гвардия», 2002, №6, с. 182, 186
22. Последние новости, 14 мая 1920 г., №15
23. Там же, 14 июня 1920 г., №41
24. Там же, 25 июня 1920 г., №52
25. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 436, л. 76
26. Последние новости, 11 августа 1920 г., №91
27. Антанта и Врангель, с. 86
28. Последние новости, 18 мая 1920 г., №18; 16 октября 1921 г., №454
29. РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 86, л. 188
30. Последние новости, 25 августа 1920 г., №103; 16 октября 1920 г., №461; 5 июля 1920 г., №59
31. Степаненко Б. И., указ. раб., с. 15; у Ф.Г. Страняна- 10 тыс.- Странян Ф.Г. Г.К. Орджоникидзе на фронтах гражданской войны. Тбилиси. 1977, с. 175; в энциклопедии «Гражданская война и иностранная интервенция в СССР»- 11,5 тыс. /с. 612/
32. Подробнее об этом см.: Голубев А. Врангелевские десанты на Кубани. М. 1929
33. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 436, л. 79

34. Степаненко Б.И., указ. раб., с. 16, 17
35. Революция и гражданская война в воспоминаниях бело-гвардейцев, т. 5, с. 432, 433
36. РГВА, ф. 35896, оп. 9, д. 436, л. 181
37. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 358
38. РГВА, ф. 109, оп. 1, д. 38, л. 40; оп. 3, д. 214, л. 20, 37, 41
39. Шафир Я. Очерки грузинской жиронды. М-Л. 1925, с. 177
40. РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 214, л. 20
41. Там же, оп. 1, д. 38, л. 56. На Северном Кавказе в это время были в обращении деньги в донской, грузинской, советской валюте, а также «николаевки» и «керенки». Стоимость «керенских» примерно равнялась стоимости «николаевских», хотя последние на рынке брали охотнее. Стоимость донских и советских не превышала 10% стоимости «керенских». Грузинские были дешевле «керенских» примерно в 2 раза- РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 214, л. 20
 О роли Врангелевского комитета в подготовке мятежа Н. Гоцинского см.: Жупикова Е.Ф. Роль врангелевского «Комитета освобождения» в подготовке мятежа Гоцинского /вторая половина 1920-начало 1921 года/- Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в период социалистического преобразования народного хозяйства /1917-1937 годы/. Грозный. 1979.
 Доклад Меликова и Погодина не датирован, но он был составлен, вероятно, в начале октября 1920 г., в разведотделе Кавказского фронта о нём знали уже в начале ноября 1920 г. Текст доклада опубликован. См.: Жупикова Е.Ф. О численности повстанческих сил Северного Кавказа в 1920- 1925 гг.- альманах «Белая гвардия». 2002, №6, с. 179, 180
42. РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 214, л. 37
43. Там же, д. 238, л. 19
44. Там же, д. 214, л. 42; д. 238, л. 66
45. Там же, д. 214, л. 42
46. Там же, д. 238, л. 114; Последние новости, 17 июня 1920 г., №44
47. Там же, д. 214, л. 42

48. Там же, д. 238, л. 111
49. Там же, ф. 42, оп.1, д. 1061, л. 136, 97, 109, 131, 122; ф. 109, оп. 3, д. 214, л. 42; д.238, л. 111. Стоимость одного фунта стерлингов в Грузии осенью 1920 г. равнялось примерно 11 тыс. грузинских рублей, или 5 тыс. «керенками».- Жвания Г. Победа Великого Октября в Закавказье /март 1917-февраль 1921/ Тбилиси. 1977, с. 313; РГВА, ф. 109, оп. 1, д. 38, л. 56
50. РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 214, л. 19,20
51. Там же, л. 19
52. Там же, д. 238, л. 9; д. 212, л. 217; д. 214, л. 35
53. Там же, ф. 42, оп. 1, д. 1061, л. 211
54. Там же, ф. 109, оп. 3, д. 214, л. 20
55. Кузнецова С.И. Установление советско-турецких отношений. М. 1961, с. 25; об этом также см.: Хейфец А. Советская Россия и сопредельные страны Востока /1918-1920/ М. 1964
56. РГАСПИ, ф. 17, оп. 1, д. 386, л. 140, 147
57. РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 214, л. 4, 36, 42; д. 216, л. 14, 27
58. Шафир Я. Указ. соч., с. 177
59. Плиев Б.З. Борьба трудящихся Южной Осетии за Советскую власть в 1917- 1922 гг. Цхинвали. 1977, с. 228; Жвания Г., указ. соч., с. 285; РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 212, л. 157; ЦГАИПДРСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 41, л. 1, 2
60. ЦГА ИПДРСО-А, ф. 1849, оп. 1, д. 52, л. 5
61. РГВА, ф. 42, оп. 1, д. 1061, л. 136, 97, 109, 131
62. Там же, д. 214, л. 122
63. Там же, ф. 109, оп. 3, д. 238, л. 38
64. Там же, д. 212, л. 157; д. 238, л. 60
65. Там же, д. 214, л. 42; д. 238, л. 111
66. Там же, ф. 42, оп. 1, д. 1061, л. 438
67. Непролетарские партии России. Урок истории. М. 1984, с. 538; у Ю.А. Щетинова- 38 тыс.- Щетинов Ю.А., указ. соч., с. 59
68. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции, с. 19
69. Там же, с. 54

70. Щетинов Ю.А. Указ. соч. с. 60, 61
71. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 436, л. 63. Дневник Супрунова частично опубликован. См.: Яблочкина И.В., указ. соч.; альманах «Белая гвардия» 2002, №6, с. 187-189
72. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 436, л. 79
73. Там же, л. 68
74. Там же, л. 58
75. Альманах «Белая гвардия», 2002, №6. Схема помещена между с. 120-121
76. Последние новости, 29 июня 1921 г., №367; 27 июля 1921 г., №391; 16 октября 1921 г., №461
77. Шкаренков Л.К. указ. соч., с. 26
78. Последние новости, 9 марта 1922 г., №582
79. Там же, 25 сентября 1921 г., №443
80. Там же, 13 октября 1921 г., №458
81. Там же, 25 января 1925 г., № 545; РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 308, л. 28. у Б.И. Степаненко- 1500 штыков и сабель- Степаненко Б.И., указ соч., с. 33
82. Последние новости, 9 марта 1922 г., №582
83. Там же, 26 марта 1922 г., №597
84. Там же, 18 марта 1922 г., №590
85. Там же, 22 марта 1922 г., №593
86. Там же, 10 марта 1922 г., № 583
87. Там же, 20 мая 1922 г., №642
88. Там же, 23 мая 1922г., №644
89. Там же, 9 марта 1922 г., №582
90. Там же, 27 января 1922 г., №547
91. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 436, л. 26
92. Последние новости, 5 июля 1921 г., №372
93. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 436, л. 26
94. РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 220, л. 1
95. РГВА, ф. 25896, оп. 9, д. 284, л. 1
96. Квириг. Уроки грузинского восстания. М. 1925, с. 11, 12
97. Там же, с. 13, 14. Автор не назвал имени «бывшего феодального хана», к которому ездили «паритетчики». Но им не мог быть никто другой, кроме Али Митаева, у которого, по сведениям советской контрразведки, как уже гово-

- рилось, было около 12 тыс. вооружённых мюридов
98. Последние новости, 9 сентября 1924 г., №1341
  99. Там же, 12 сентября 1924 г., №1344
  100. ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 661, л. 14
  101. Кузнецова С.И. Установление советско-турецких отношений. М. 1961, с. 25
  102. Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока, с. 124, 192
  103. РГАСПИ, ф. 17, оп. 1, д. 386, л. 140, 147
  104. РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 216, л. 168; д. 214, л. 35; ф. 42, оп. 1, д. 1061, л. 170; Последние новости, 22 июля 1921 г., №387
  105. РГВА, ф. 109, оп. 3, д. 238, л. 53, 144
  106. Там же, л. 120
  107. Там же, л. 161; д. 216, л. 251; ф. 39247, оп. 1, д. 45, л. 121
  108. РГАСПИ, ф. 17, оп. 1, д. 386, л. 140, 147
  109. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 220, л. 30